

АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОЧИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШ

МУАРРИХ

(мачаллаи илмӣ - назариявӣ)

№ 1 (41) 2025

Мачаллаи илмӣ-назариявии «Муаррих» соли 2015 таъсис ёфта, дар давоми як сол чаҳор шумора ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад. Мачалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти 331/МҚ-97 22-юми феврالی соли 2024 аз нав ба қайд гирифта шудааст.

Мачалла аз 26 апрели соли 2018 дар рӯйхати мачаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва аз санаи 21 феврالی соли 2022 таҳти рақами 1520 дар Феҳристи мачаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Вазорати маориф ва илми Федератсияи Россия номнавис гардидааст.

САРМУҲАРИР: МУРОДЗОДА А. А., номзади илмҳои таърих, дотсент

МУҲАРИРИ МАСЪУЛ: Ҳамза КАМОЛ, доктори илмҳои таърих, профессор

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

АБДУРАШИТОВ Фозил - доктори илмҳои таърих, профессор
ДОДХУДОЕВА Лариса - доктори илмҳои таърих, профессор
ДУБОВА Надежда - доктори илмҳои таърих, профессор (Россия)
ЁҚУБШОЕВ Юсуфшо - доктори илмҳои таърих, академики АМИТ
ИБРОҲИМОВ Муродалий - доктори илмҳои таърих, профессор
ИСКАНДАРОВ Қосимшо - доктори илмҳои таърих, профессор
ПИРУМШОЕВ Ҳайдаршо - узви вобастаи АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор
РАҶАБОВ Аскаралӣ - доктори илмҳои таърих, профессор
РИШАР Франсис - узви хориҷии АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса)
САИДОВ Абдуқаҳҳор - доктори илмҳои таърих, профессор
ФРАНКФОР Анри-Пол - узви хориҷии АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса)
ХУДЖАГЕЛДИЕВ Тура - номзади илмҳои кишоварзӣ
ЧУБАРЯН Александр - академики Академияи илмҳои Россия (Россия)
ШАРИФЗОДА Абдувалӣ - номзади илмҳои таърих

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ АХМАДА ДОНИША

ИСТОРИК

(научно - теоретический журнал)

№ 1 (41) 2025

Научно-теоретический журнал «Историк» основан в 2015 г. и выходит четыре раза в год на таджикском, русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан под № 331/МЧ-97 от 22 февраля 2024 г.

Журнал с 26 апреля 2018 года входит в перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Президенте Республики Таджикистан и с 21 февраля 2022 года под № 1520 входит в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: МУРОДЗОДА А. А., кандидат исторических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Хамза КАМОЛ, доктор исторических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АБДУРАШИТОВ Фозил - доктор исторических наук, профессор

ДОДХУДОЕВА Лариса - доктор исторических наук, профессор

ДУБОВА Надежда - доктор исторических наук, профессор (Россия)

ИБРОХИМОВ Муродали - доктор исторических наук, профессор

ИСКАНДАРОВ Касимшо - доктор исторических наук;

ПИРУМШО Хайдаршо - член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор

РАДЖАБОВ Аскарали - доктор исторических наук, профессор

РИЧАРД Фрэнсис - иностранный член НАНТ, доктор исторических наук, профессор (Франция), доктор исторических наук, профессор (Франция)

САИДОВ Абдукаххор - доктор исторических наук, профессор

ФРАНКФОРТ Анри-Поль - иностранный член НАНТ, доктор исторических наук, профессор (Франция)

ХУДЖАГЕЛДИЕВ Тура - кандидат сельскохозяйственных наук

ЧУБАРЯН Александр - академик РАН (Россия)

ШАРИФЗОДА Абдували - кандидат исторических наук

ЯКУБШО Юсуфшо - академик НАНТ

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF TAJIKISTAN
AHMAD DONISH INSTITUTE OF HISTORY,
ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

HISTORIAN

(scientific - theoretical journal)

№ 1 (41) 2025

The scientific and theoretical journal «Historian» was founded in 2015 and is published four times a year in Tajik, Russian and English. The magazine is registered with the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan under number 331/MJ-97 dated February 22, 2024.

Since April 26, 2018 is the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (HAC) under the President of the Republic of Tajikistan and since February 21, 2022 under No. 1520HAC Ministry of Education and science of the Russian Federation.

EDITOR-IN-CHIEF: MURODZODA A. A., PhD in History, Associate Professor

EXECUTIVE EDITOR: Hamza KAMOL Dr. of History, Professor

EDITORIAL BOARD:

ABDURASHITOV Fozil - doctor of Historical Sciences, Professor

CHUBARYAN Alexander - academician of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DODHUDOEVA Larisa - doctor of Historical Sciences, Professor;

DUBOVA Nadezhda - doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)

FRANKFORT Henri-Paul - foreign Member of the NAST,

Doctor of Historical Sciences, Professor (France)

IBROKHIMOV Murodali - doctor of Historical Sciences, Professor

ISKANDAROV Kosimsho - doctor of Historical Sciences

KHUDZHAGELDIEV Tura - candidate of agricultural sciences

PIRUMSHO Khaidarsho - corresponding Member of the NAST,

doctor of Historical Sciences, Professor;

RAJABOV Askarali - doctor of Historical Sciences, Professor

RICHARD Francis - foreign Member of the NAST, Doctor of Historical Sciences, Professor (France)

SAIDOV Abdukakhhor - doctor of Historical Sciences, Professor

SHARIFZODA Abduvali - candidate of Historical Sciences

YAKUBSHO Yusufsho - academician of the NAST

————— МУАРРИХ – ИСТОРИК – HISTORIAN —————
МУНДАРИЦА - СОДЕРЖАНИЕ - CONTENTS

ТАЪРИХИ ВАТАНИЙ - ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ - NATIONAL HISTORY

КАМОЛ Ҳ. Қутайба ибни Муслим ва ҳияли ӯ дар тасарруфи Самарқанд	5
ХОДЖАЕВА Н. ДЖ. Об особенностях зороастризма в раннесредневековом Согде	14
СУЛТОН Ҳ. Б. Забони хусравӣ – номи дигари таърихии забони модарӣ дар «Шоҳнома»	29
САИДОВ А. Амирони Чупонӣ	35
АКРАМОВ М. И. Борьба с басмаческим движением и упрочение Советской власти в Центральном и Южном Таджикистане в 1920–1923 гг.	43
АХМЕДОВА С. П. Вклад молодёжи Кулябской области Таджикской ССР в социально-экономическое развитие республики в 60-е годы XX века	57
САИДЗОДА С. С. Таҷрибаи тармим ва ҳифзи ёдгориҳои бостоншиносии Тоҷикистон	67
ҚОДИРЗОДА Ф. С. Сайёҳӣ ҳамчун омилҳои ҳифзи ёдгориҳои таърихиро фарҳангӣ: таҷриба, анъана ва навоарӣ	77

**ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАЪХАЗШИНОСӢ - ИСТОРИОГРАФИЯ И
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ - HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY**

ЛУРЬЕ П. Б. Восточноиранские имена в истории Мукадды	88
АРТЫКОВ А. А., ПИРУМШОЕВ М. Х. Изучение русскими исследователями природных богатств Средней Азии по материалам «Туркестанских ведомостей»	97
ОДИНАЕВ А. Н. «Приложения» к «Дневнику Искандеркульской экспедиции» как историко-культурный источник по изучению верховьев Зарафшана во второй половине XIX в.	109
ТУРСУНОВА Ш. М. Саҳми олимони рус дар омӯзиши масъалаи ташаккули шаҳри асри миёнаи Осиёи Миёна	121
ШАРИПОВ П. Ш. Бозтоби ишғоли мулки Уротеппа аз ҷониби Россияи подшоҳӣ дар осори илмӣ академик Аҳрор Мухторов	127
МИРЗОЕВ Ҷ. А. Таърихнигорӣ пайдоиши ҳизбу созмонҳои ҷамъиятии Тоҷикистон дар охири солҳои 80-ум – ибтидои солҳои 90-уми асри XX	135

**ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ ВА МАРДУМШИНОСӢ –
ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ –
ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY**

МАДАМИДЖАНОВА З. М. Жизненные практики таджиков, как этнический культурный код нации	145
---	-----

БОСТОНШИНОСӢ - АРХЕОЛОГИЯ – ARCHAEOLOGY

ХУДЖАГЕЛДИЕВ Т.У. Кульдара-многослойный палеолитический памятник на юго-западе Таджикистана	152
КАЛАНДАРОВА О. И. Образ женского божества на ювелирных украшениях Бактрии – Тохаристана	163

**ТАЪРИХИ ВАТАНӢ - ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
- NATIONAL HISTORY**

УДК: 94(575)"07":355.48

**ҚУТАЙБА ИБНИ МУСЛИМ ВА ҲИЯЛИ Ӯ ДАР
ТАСАРРУФИ САМАРҚАНД¹**

**Ҳамза КАМОЛ,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониш**

Дар ибтидои садаи VIII сиёсати араб ба таври бунёдӣ нисбат ба Варорӯд тағйир кард. Дар поёни ҳукумати халифаи Умавӣ Абдулмалик ибни Марвон (685-705) ҷангҳои дохилӣ миёни аъроб то андозае хомӯш гардид ва Умавиҳо ин фурсатро барои ба таври муназзам ишғол кардани Варорӯд истифода намуда, сиёсати ба қаламрави хилофат ҳамроҳ намудани сарзаминҳои моварои Амударёро пеш гирифтанд. Ин марҳала дар замони амири Хуросон таъйин шудани Ҳачҷоч ибни Юсуфи Сақфӣ оғоз мешавад. Соли 78 х.қ./697-698 халифаи Умавӣ Абдулмалик ибни Марвон амири Хуросон Умайя ибни Абдуллохро аз ин вазифа сабукдӯш ва Ҳачҷоч ибни Юсуфи Сақфиро амири Ироқ ва ҳамаи машрик (Хуросон) таъйин кард [3. 3273, 3278].

Дар охири хилофати хеш Абдулмалик бисёр меҳост, ки Варорӯдро зерини итоати хилофаташ оварад. Ба ин манзур ба Ҳачҷоч навишт, ки «якero бичӯй, ки сарсаҳт бошад ва дастури туро ба кор бандад». Ҳачҷоч Қутайба ибни Муслимро ном бурд ва Абдулмалик навишт, ки «вайро вилоятдор кун» [3, 3354].

Қутайба аз сӯйи Ҳачҷоч ибни Юсуф соли 83 х.қ./702-703 вилоятдори Рай [3, 3332] ва соли 86 х.қ./705 фармондори Хуросон таъйин гардида [3, 3384], «дар он сол Қутайба ба унвони воли ва амири Хуросон вориди он сомон шуд» [8,129]. Ҳукумати ӯ дар Хуросони Бузург 10 сол ба тӯл анҷомид. Гуянд ӯ марде буд диловар, саҳтгиру пуровоза ва дар кори вилоятдорӣ бадратору золим. Замони фармондорӣ Қутайба дар Хуросони Бузург муҳочирати аъроб ба ин сарзаминҳои ободу шукуфон ба маротиб бештар шуд. Қутайба бо кӯшиши бисёр тавонист аъробро дар Хуросони Бузург ба ҳадафи тасхири комили ин сарзамин муттаҳид созад. Қутайба ин сиёсатро пеша соҳт, ки аз наздик шудан ба қабиле аз араб ва дурӣ аз қабилеи дигари он ва ё додани ғаними футухоташ ба қабиле ва маҳрум сохтан қабилеи дигар аз он худдорӣ кунад. Дар замони ӯ наздикӣ ба ашрофи маҳаллӣ рӯ ба густариш ниҳод ва саранҷом байни низомӣ-ну ашрофи араб аз як ҷониб ва нухбагону ҳокимон ва руҳониёни зардуштӣ аз

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик (асри III – аввали асри XX)», рақами қайди давлатӣ 0121ТJ1211 навишта шудааст.

ҷониби дигар ба навъе созишу тафоҳум анҷомид. Ашрофи маҳаллӣ барои ҳифзи манофеи иқтисодӣ, мавқеи иҷтимоӣ ва имтиёзоте, ки қабл аз ишғоли арабҳо аз онҳо баҳраманд буданд, таслим ва мутеи аъроб мешуданд. Ин гуна буд, ки табақаи нухбагон ва ашрофи маҳаллӣ бо гардан ниҳодан ба ислом қудрати гузоштаи хешро ҳифз карданд.

Қутайба дар замони фармондориаш ба сари шаҳрҳо ва мардуми Хуросони Бузург вайрониҳо ва бадбахтиҳои зиёде овард. Барои халифаи Умави аз фармондоронаш касе дорои лаёқат ҳисобида мешуд, ки аз Хуросони Бузург ё соири нуқоти ишғолий сарвату амвол ва барда ба даргоҳи ӯ бештар оварад ва ӯро дар ҳукумат боқӣ мегузошт. Агар ҳокиме дар Хуросони Бузург камтар куштор ва ё андак мардумро ғорат мекард, ҳукумати ӯ давом намеовард. Қутайба барои он ки Ҳачҷоч ибни Юсуфро аз худ розӣ дошта бошад, ҳар доим қорвони ғаноиму анвои ҷавохироти ба ғоратбурда ва бардагонро аз Хуросони Бузург барои Ҳачҷоч ирсол мекард.

Аз баҳори соли 88 х. қ. /706-707 Қутайба ба ишғоли сарзаминҳои Варорӯд оғоз карда, аз соли 706 то 709 чаҳор маротиба ба воҳаи Бухоро лашкар кашида, саранҷом бо коридани тухми ихтилоф миёни суғдиён ва туркҳо, ки ҳамвора ба бухориён дар мубориза бар зидди муҳочимини араб кумак мекарданд, муваффақ ба тасхири Бухоро шуд.

Соли 711 Қутайба Хоразмро тасхир кард. Дар мавриди харобкорҳои ин фармондори араб дар Хоразм Берунӣ бо сароҳат менависад: «Қутайба ибни Муслими Боҳилӣ нависандагону хирбадони Хоразмро аз дами шамшер гузаронид. Ва он чӣ мактубот аз китобу дафтар доштанд, ҳамаро туъмаи оташ кард. Ва аз он вақт хоразмиён омӣ ва бесавод монданд ва танҳо эътимоди эшон дар ниёзмандии таърих ба неруи ҳофиза аст» [1, 71]. Табарӣ менависад, ки «Қутайба аз Хоразм яксад ҳазор асир ба даст овард» [3, 3428].

Табарӣ фатҳи Самарқандро аз ҷониби Қутайба ба ҳаводиси соли 93 х.қ./711-712 марбут медонад. Аммо Ибни Возеҳи Яъқубӣ зикр мекунад, ки Самарқанд соли 94 х.қ./712-713 зери итоати Қутайба рафт [4, 242].

Ҷангоми ишғоли Самарқанд муборизаи шадиде миёни арабҳо ва сокинони шаҳр рух дод. Аммо ихшиди Суғд ва афшини Самарқанд – Тархун маҷбур шуд дар ивази пардохти хироч бо арабҳо сулҳ бандад. Баъди чанде Қутайба бародараш Абдурраҳмонро барои гирдоварии хироч ба Самарқанд фиристод. Ин сабаби норизоияти қишри ашроф ва сокинони Суғд гардид ва он чиро Тархун бар сари он дар соли 90 х.қ. /708-709 [10, 53] сулҳ карда буд, надоданд [3, 3429; 10, 53]. Табарӣ дар ин иртибот мегӯяд: «Суғдиён ба Тархун гуфтанд: «Ту ба хорӣ ризо додӣ ва боч доданро хуш доштӣ, пири фартутӣ ва моро ба ту ҳочат нест» [3, 3421]. Тархун аз тахти подшоҳии Суғд даст кашид ва Ғуракро суғдиён ба подшоҳӣ бардошта, Тархунро ба зиндон андохтанд, ки ӯ соли 91 х.қ. /709-710 даст ба худкушӣ зад [3, 3421]. Аммо бино ба ахбори Яъқубӣ Тархунро Ғурак ба қатл расонида, соҳиби тахти Самарқанд мешавад [4, 242].

Шаҳриёни Самарқанд бо сарварии Ғурак як моҳи комил ба аҷнабиён муқовимат карданд [3, 3430]. Ба далели бартарии неруҳои душман онҳо аз шоҳи

Чочу ихшиди Фарғона кумак хостанд ва ба онҳо навиштанд: «Агар арабон бар мо зафар ёбанд, бо шумо низ чунон кунанд, ки бо мо мекунанд» [3, 3430]. Ба ин мазмун дар идома менависад, ки: «Вақте Ғурак дид, ки Қутайба дар кори набарди суғдиён мусир аст, ба шоҳи Чоч ва ихшози Фарғона ва ҳокон навишт, ки мо пешсангари шумоём ва мобайни шумову арабонем, агар ба мо даст ёбанд, шумо нотавонтар ва забунтар шавед, ҳар чӣ неру доред, ба кор андозед» [3, 3434].

Шоҳи Чочу ихшиди Фарғона аз ин бимнок шуда, дастаҳои мунтахаби ашрофи низомии маҳаллии вилоятҳои худро ба ҷониби Самарқанд фиристоданд. Аммо арабҳо аз ҳаракати ин дастаҳо ба ҷониби Самарқанд огоҳ шуда, бар зидди онҳо 400 нафар размандагони худро фиристоданд, ки дар натиҷа ин неруи кумакӣ шикаст хӯрд. Табарӣ аз қавли араби шоҳиди ин воқеа менависад, ки «мартуме чангитар ва босуботтар аз фарзандони ин подшоҳон (Чочу Фарғона) надида будам. Онҳоро бикуштем ва ҷуз тәне чанд аз онҳо ҷон ба дар набурданд... ва аз онҳо дар бораи куштагон пурсиш кардем, гуфтанд: «Ҳар киро куштаед, писари шоҳе буда ё бузурге аз бузургон ё далере аз далерони қавм, мардонеро куштаед, ки якешон баробари сад мард буда» [3, 3431]. Ин ҳодиса боиси руҳафтодагии муборизони Самарқанд гардид ва онҳо хостори сулҳ шуданд, аммо Қутайба напазируфта, баҳона пеш оварда, гуфт: «Интиқоми хуни Тархунро меҳохам, ки вобастаи ман буд ва дар ҳимояти ман буд» [3, 3435].

Пас аз ин Қутайба бори дигар лашкари худро бо манҷаниқҳо барои шикастонидаи деворҳои муҳофизатии Самарқанд ва сангборони соқинони он ба ин шаҳр равона кард. «Шаҳрро бо манҷаниқҳо бизад, -менависад Табарӣ, -ва шикофе дар он падида овард, ки онро (шаҳриён) бо ҷуволҳои арзан маслуд карданд» [3, 3432]. Шаҳриёни Самарқанд то охири имкон аз шаҳри худ дифоъ менамуданд.

Дар муҳосираи Самарқанд хоразмиҳо ва бухориҳо ширкати ғаъол карда, ба арабҳо кумак расониданд [3,3431]. Ҳокими Самарқанд Ғурак Қутайбаро сарзаниш кард, ки «ба кумаки бародаронам ва аҳли хонадонам аз мардуми Аҷам бо ман чанг мекунӣ, арабонро сӯи ман фирист» [3, 3431]. Барои ҷилавгирӣ аз харобии бештари шаҳр паймони сулҳ дар саҳтарин шароит барои шаҳриёни Самарқанд бо аъроб баста шуд. Мувофиқи ин аҳднома суғдиён илова ба ғаромати пулӣ ва хирочи солона, маҷбур буданд теъдоди муайяни барда дар ихтиёри аъроб қарор диҳанд, ганҷинаи маъбадҳо ва ороишоти биноҳои худро бибахшанд, масҷид бисозанд, сипоҳиёни худро аз шаҳр хорич кунанд, шаҳрро тарк намоянд, ба вуруди лашкари араб мамониат накунанд ва Самарқандро дар ихтиёрашон гузоранд. Тибқи ин тавофуқи ҳосилшуда, суғдиён ҳатто қабл аз он ки арабҳо аҳдномаи Самарқандро ба имзо расонанд, сипоҳиёни худро аз Самарқанд хорич карда, барои онҳо масҷиде сохтанд. Шароити вуруди мутантани фотехон ба шаҳр низ ба сурати шифоҳӣ мавриди тавофуқ қарор гирифт, аз ҷумла ин ки аъроб аз дарвозаи Кеш вориди шаҳр шуда, чун ғолиб тамоми шаҳрро убур намуда, аз дарвозаи Чин хорич мегардиданд [4, 242]. Ҳамаи ин ҳолат, ки бо таслими шаҳр ҳамроҳ буд, бино ба ахбори таърихнигорон баёнгари он аст,

ки аъроб саъй карданд ба ҳар тарик суғдиёну ихшиди Суғд Ғуракро таҳқир намоянд [11, 206-209].

Ба асоси қарордод суғдиён худро тобеи аъроб доништа, муваззаф ба пардохти якдафъаинаи хироч ва ҷазияи солона буданд, ки бахши аъзами онро пули нақд ташкил меод. Қутайба дар навбати худ нахуст ба ихшиди Суғд дар баробари душманонаш замонати кумак кардан дод ва дигар ўро аз тарафи халифа ба унвони ҳокими Суғд ва писарашро ба унвони вориси тахт тайид кард. Дар айни ҳол Қутайба дар ин паймон шартро лозим донист ворид кунанд, ки ин паймон фақат барои муддати фармондорӣ ў дар Хуросон эътибор дорад [11, 209]. Дар ин иртибот Табарӣ менависад, ки Қутайба «...рӯзи баъд бо онҳо бар сари як ҳазор ҳазору дувист ҳазор сулҳ кард, ки ҳарсола бидиҳанд ва он сол сӣ ҳазор сар бидиҳанд, ки кӯдаку пиру алил дар он миён набошад. Шаҳрро низ ҳоли кунанд, ки марди ҷангӣ дар он набошад. Ва дар он ҷо масҷиде барои Қутайба бисозанд, ки дарояд ва намоз кунанд...» [3, 3432]. «Гӯянд: «Вақте сулҳ шуд, Қутайба даҳ касро фиристод, аз ҳар гурӯҳи сипоҳ ду кас, ки молу-с-сулҳро биғирифтанд» [3, 3433]. Яъқубӣ менависад, ки Қутайба «барои эшон сулҳнома навишт: Ин чизест, ки Қутайба ибни Муслим ва Ғурак - ихшиди Суғду афшини Самарқанд бар он сулҳ карданд, бар Суғду Самарқанд ва Кешу Насаф...дар сари ҳар сол се ҳазор дирҳам бипардозад ва ўро (Ғуракро) (Қутайба) ба аҳду паймони худо ва паймони амир Ҳачҷоч ибни Юсуф мутмаин сохт. Гувоҳоне ба он гирифт ва он дар соли 94 ҳ.к. буд» [4, 242].

Ин танҳо ягона паймон дар навъи худ аст, ки дар мутуни таърихӣ то рӯзгори мо расидааст. Бино ба матни ин паймон, ки оғози соли 94 ҳ.к. таърихгузори шудааст, шаҳри Самарқанд на дертар аз 7 октябри соли 712 ба арабҳо таслим гардида, дар матни ин паймон мавзуи робитаи мутақобили аъробӣ мусулмон бо шаҳриёни Самарқанд матраҳ нашудааст. Аммо Ҳавофӣ ҳодисаи таслими Самарқанд бо сулҳе, ки Ғурак бо арабон имзо карда буд, ба соли 90 ҳ.к./708-709 марбут медонад, ки бо замони вуқуи ин воқеа дар манобеи таърихӣ нисбатан наздик ба ин руҳдод муҳолифат дорад [12, 195]. Ба яқин Ҳавофӣ тавофуқеро, ки Тархун бо Қутайба соли 90 ҳ.к. дар ивази пардохти хироч бастааст, бо муоҳидае, ки Қутайба соли 94 ҳ.к. бо Ғурак ба мувофиқа расида буд, маҳлут кардааст.

Табарӣ ривояти ҷолиберо аз номи Умар ибни Абдуллоҳи Тамимӣ меорад, ки барояш фиристодаи Қутайба мегӯяд ва ў назди Ҳачҷоч хабари фатҳи Самарқандро мебард: «Касе, ки Қутайба ўро бо хабари фатҳи пеши Ҳачҷоч фиристода буд, ба ман гуфт: «Пеши Ҳачҷоч рафтам, маро сӯи Шом фиристод, ки он ҷо рафтам ва воридаи масҷид шудам ва нишастам, пеш аз тулӯи офтоб буд марде нобино паҳлӯи ман буд, чизе дар бораи Шом аз ў пурсидам». Гуфт: «Арабӣ?» Гуфтам: «Оре». Гуфт: «Аз кадом шаҳрӣ?» Гуфтам: «Аз Хуросон». Гуфт: «Ба чӣ кор омадӣ?» Гӯянд: «Бо вай биғуфтам, ки гуфт: «Қасам ба Худое, ки Муҳаммадро ба ҳақ фиристод, он чоро ба номардӣ кушуданд ва шумо, эй мардуми Хуросон, мулки бани Умиро мегиред ва Димишқро санг ба санг вайрон мекунад» [3, 3436-3437].

Дар фатҳи Хуросони Бузург, бавижа дар ишғоли шаҳрҳои калидии он мисли Самарқанд Қутайба ибни Муслим аз ҳар василае кор мегирифт. Чун мидид наметавонад сангари мудофеини шаҳро бишканад, даст ба тадбиру ҳиял мезад ва ба қавли Табарӣ дар тасхири шаҳрҳои Хуросони Бузург Қутайба ибни Муслим «номардӣ кард, ба сабаби он ки Ҳачҷоч бад-ӯ навишта буд, ки мардуми он чоро фиреб бидеҳ ва дар роҳи Худо хунашонро бирез» [3, 3476]. Ибни Асир менависад, ки: «Ҳеч амуре дар Хуросон ба андозаи Қутайба кор накард, вале ӯ аҳдшикан ва хиёнатпеша буд» [8, 215].

Ба ривояти Динаварӣ дар тасхири Самарқанд Қутайба чун ноком монд, аз ҳиял кор гирифт. Бино ба гуфтаи Динаварӣ «Дехқони Самарқанд (ҳокими Самарқанд) касе пеши Қутайба фиристод ва паём дод, ки ту агар тамоми умри худро ба муҳосираи ин шаҳри ман бигзаронӣ, нахоҳӣ тавонист ба он даст ёбӣ, ки мо дар китобҳои падарони худ хондаем, ки ин шаҳро фақат марде ба номи Болон хоҳад кушуд, ки ту ӯ нестӣ, пайи кори худ бирав».

Гуфтанд, ки чун Қутайба аз ҷанг бо ӯ ноумед шуд, чораандешӣ кард, сандуқҳои бузурге, ки аз зери ҳам даре дошт ва аз дохили сандуқ бозу баста мешуд, фароҳам кард ва дар ҳар як марди мусаллаҳро ҳамроҳи шамшераш ҷо дод ва дарҳои болои сандуқҳоро баст.

Он гоҳ ба деҳқон паём дод, «акнун ки чунин аст, ман аз пеши ту ба сарзамини Чағонӣён меравам, вале микдоре амвол ва аслиҳаи зиёде ҳамроҳи ман аст, онҳоро ба унвони амонат пеши худ бигир ва ниғаҳ дор, то ҳангоме ки агар солим мондам, пеши ту баргирам».

Деҳқон ин пешниҳодро пазируфт. Қутайба ба мардоне, ки дар сандуқҳо буданд, гуфт: «Нимшаб дарҳоро бикшоед ва берун оед ва худро ба дарвоза бирасонед ва онро бикшоед». Ба дастури деҳқон сандуқҳоро вориди шаҳр карданд. Чу шаб фаро расид ва мардум орамиданд, мардони мусаллаҳ ва зиреҳпӯшида бо шамшерҳои худ берун омаданд ва ҳар касро бо онон рӯёруй шуд, куштанд ва худро ба дарвоза расонданд ва ниғаҳбононро куштанд ва дарвозаро кушуданд. Қутайба ҳамроҳи сипоҳиён ба шаҳр даромад» [2, 369-370].

Баъд аз ворид шудани Қутайба ба Самарқанд, Ғурак аз ӯ ва ҳамроҳонаш пазирой намуда, умедвор буд, ки тибқи паймони сулҳ ҳокимияти Самарқандро ба ӯ медиҳад. Аммо Қутайба мисли ҳамеша вафодор ба паймон набуд, хиёнат кард ва ба Ғурак гуфт: «Аз ин ҷо бирав. Ва ӯ бирафт...» [3, 3436].

Ба фармони Қутайба арабҳо мучассамаҳои бутҳоро аз маъбадҳои шаҳр берун андохта, дар пеши назари мардум сӯзонид, «аз бақияи меҳҳои тиллову нуқра, ки дар бутон буд, панҷоҳ ҳазор мисқол ба даст оварданд» ва ишхид Ғурак беҳуда ба зону зада, аз арабҳо илтимос мекард, то чунин корро накунанд: «Эй амир, сипосдорӣ ту бар ман вочиб аст, мутаарризи ин бутон машав» [3, 3433; 5, 109]. Табарӣ менависад, ки Қутайба «бо мардуми Хоразму Самарқанд номардӣ кард» [3, 3433].

Барои аъроби пирӯзгашта мавҷудияти ҳамзамони масоҷиди ислонии тозазӯхур ва маобиди зардуштии аҳди қадим ғайриқобили қабул буд. Аз ин рӯ

аъроб маобиди Самарқандро ба оташ кашиданд ва сарватҳои беҳисоби шаҳриёнро ғорат намуданд [9,62].

Ба дастури Қутайба ашрофи Самарқандро аз шаҳр берун карда, ба музофотҳои фиристода, дар хонаҳои тахлияшудаи онҳо лашкари араб мустақар гардид. Аммо бо вучуди ин ҳама шароити амниятӣ аъроб ҳамчунон бузургтарин тарсро аз сокинони Самарқанд эҳсос мекарданд. Ба ин сабаб буд, ки Қутайба бародари худ Абдуллоҳ ибни Муслимро ҳокими шаҳри Самарқанд таъин кард [3,3437; 4, 242] ва амр дод, ки ба ҳеч як аз сокинони шаҳр иҷозаи вуруд ба шаҳристонро надиҳад ва тамоми сокинони шаҳристонро барои ҳамли силоҳ бозҷӯй кунад ва дар сурати пайдо шудани силоҳ аз касе ӯро маҳкум ба эъдом намояд [3, 3437-3438].

Дар муборизаҳои суғдиён алайҳи аъроб шахсияти Ғурак на камтар аз Тархун муҳим аст. Ҳукумати ӯ 27 сол ба тул анҷомид ва сиёсаташ дар қиблаи арабҳо мароҳили мухталиферо тай кардааст [10, 63]. Академик Б.Ғафуров бо иттиқо ба ахбори Ҳ. А. Р. Гибб, ки воқеаҳои ин давраи истилои арабро омӯхтааст, менависад, ки Ғурак шахси ватанпарасту ричоли давлатӣ буд [7, 350].

Табарӣ дар боби «Сухан аз кори Ашрас ва мардуми Самарқанд ва мучовиронашон дар бораи мусулмонӣ ва бардоштани чизия», ки марбути ҳаводиси соли 110 ҳ.қ./728-729 мебошад, аз кушта шудани Ғурак хабар медиҳад [3, 3637].

10 сафари соли 99 ҳ.қ./ 22 сентябри соли 717 халифаи Умавий- Сулаймон ибни Абдумалик вафот кард ва Умар ибни Абдулазиз (717-720) ба сарири хилофат нишаст. Гуфта мешавад, ки ин халифа аз либосҳои фоҳира имтиноӣ варзида, сабки зиндагии таҷаммулии собиқӣ худро иваз намуд, бо ғизои одӣ худро маҳдуд карда, дар ҳештандорӣ ҳатто фаротар рафта, дар воқеъ амлокеро, ки падару бобояш ғайриқонунӣ ба даст оварда буданд, раҳо намуд. Умар барои барқарории мавозини исломӣ, ки тавассути пайғамбар ва ду халифаи аввал муқаррар шуда, дар аҳди хулафои пешгузаштаи Умавий таҳриф гардиданд, мубориза мекард. Ӯ пас аз нишастан ба сақуи хилофати Умавий аз анбуҳи ходимон ва чоплусони дарбори хилофат канорагирӣ намуда, созмони иҷтимоии ҷомеаро ба таври асосӣ мутаҳаввил сохта, ба раёи қаламрави хилофат озодии мусофират дода, мусофиратхонаҳое барои онон сохт, чоҳҳо ҳафр карда, ҷодаҳоро кушуд, сиёсати таблиғи фаёлеро дар пеш гирифта, мутақаллимонро ташвиқу мавриди эҳтиром қарор дод.

Бо интиҳоби чунин халифа аксари вилоятдорони замони Сулаймон, ки дар ҳама қор дасташон боз буд, аз вазифа барканор шуданд. Дар моҳҳои охири зиндагии халифаи Умавий Умар ибни Абдулазиз Шуъба ибни Зухайри Наҳшалӣ муддати кӯтоҳе дар Самарқанд ҳукумат мекард ва фармондори Хуросон ӯро барканор намуда, Усмон ибни Абдуллоҳро ба қори ҷанг ва Сулаймон ибни Абуссариро омили хирочи Самарқанд баргумошт.

Талошҳои Умар ибни Абдулазиз барои густариши ҳуқуқи сокинони ғайримусулмони Варорӯд, ҷойе, ки ханӯз ҳам ҳокимони маҳаллӣ бо нерӯҳои

мусаллаҳи худ боқӣ монда буданд, умедҳоеро дар зехни сокинони он барои раҳой аз қудрати дар ҳоли заифшудани хилофат эҷод кард. Чунин ҳолат, бавижа дар манотике, ки аносири истиқлолҷӯи сиёсӣ дар онҳо боқӣ монда буд, ба мушоҳида мерасид. Ин амр сабаби имтиноъ варзидани баъзе вилоятҳои Варорӯд аз пардохти хироч гардид, ки ба унвони дурӣ ҷустан аз ислом гуфта мешуд [6, 488].

Сокинони Самарқанд ба ин нияти халифаи Умавӣ - Умар ибни Абдулазиз дар барқарории адолат ва решақан кардани беқонунӣ эътимод карда, ба Сулаймон ибни Абуссарӣ бо дархосте мурочиат карданд, ки ӯ дастури Қутайба ибни Муслимро дар бораи ихроҷи онҳо аз шаҳр, ки бо тавофукномаи имзошуда бо ӯ муғойират дошт, бекор кунад. «Мардуми Самарқанд, -менависад Табарӣ,- ба Сулаймон гуфтанд: «Қутайба бо мо номардӣ кард ва ситам кард ва вилояти моро гирифт, инак Худо адолату инсофро намудор карда (манзурашон Умар ибни Абдулазиз). Ба мо иҷозат деҳ фиристодагоне аз мо сӯи амири муъминон равад ва аз мазлимае, ки бар мо рафта, шикоят кунанд, ки агар ҳаққе дорем, бидиҳанд, ки бад-ин ниёз дорем» [3, 3526]. Сулаймон ин дархости самарқандиёнро қабул кард ва ба ҳайате аз онҳо иҷозат дод, то назди халифа раванду шикояташонро бо ӯ дар миён гузоранд. Баъд аз пазироии самарқандиён халифа Умар ибни Абдулазиз ба Сулаймон нома навишт, ки «мардуми Самарқанд аз зулме, ки ба онҳо шуда ва тааддие, ки Қутайба нисбат ба онҳо карда ва аз сарзамнашон берунашон карда, шикоят пеши ман оварданд» ва дастур дод, ки «қозиро барои онҳо бинишон, ки дар корашон бинигарад, агар ба нафъашон ҳукм кард, онҳоро чунон, ки пеш аз тасаллути Қутайба буданд ва будаед, ба урдугоҳашон бозгардон» [3, 3526]. Сулаймон Чумайъ ибни Ҳозири қозиро барои баррасии шикояти самарқандиён баргузид. Ҳакам тасмим мегирад, ки сокинони Самарқанд ба шаҳр бармегарданд ва арабҳо онро тарк карда, дар паси деворҳои шаҳр қарор гирифта, муҳосираро дубора оғоз мекунанд, ки сарнавишти шаҳрро муайян мекунад. Тасмими ҳакам барои сокинони Самарқанд беаҳмият ва ошкоро ғайри қобили қабул буд. Бинобар ин самарқандиён тарҷеҳ доданд, ки ҳама чиз ба ҳоли худ боқӣ монад [3, 3526-27; 6, 481].

Шояд баъд аз ин буд, ки ихшиди Суғд, Ғураки аз Самарқанд рондашуда дар охири соли 718 ва ё аввали соли 719 ба императори Хитой барои фиристодани сипоҳ мурочиат намуда, кумак хостааст, то арабонро аз Самарқанд биронад. Зеро арабҳо на танҳо ӯро аз пойтахт ронданд, инчунин ба назар мерасад, ки Ғуракро аз унвони ихшидӣ низ маҳрум сохта, унвони ихшиди Суғд ва афшини Самарқандаро ба ҳокими Панҷакент Деваштич доданд [6, 481].

АДАБИЁТ

1. Берунӣ, А. Осору-л-боқия / А. Берунӣ; таҳияи А. Девонакулов, М. Исо ва диг. // Душанбе: Ирфон. – 1990. – 432 с.
2. Динаварӣ, А. Ахбору-т-тивол / А. Динаварӣ; тарҷ. М. Меҳдавии Домғонӣ. – Чопи 4. – Техрон, 1383 х.х. – 448 с.

3. Табарӣ, А. М. Қ. Таъриху-р-расули ва-л-мулук. Китоби 5 / А. М. Қ. Табарӣ; тарҷ. А. По-янда. – Душанбе, 2014. – 726 с.
4. Яъқубӣ, А. И. И. Таърихи Яъқубӣ. Қ. 2 / А. И. И. Яъқубӣ; тарҷ. М. Оятӣ. – Чопи 9. – Техрон: Ширкати интишороти илмӣ ва фарҳангӣ, 1382 ҳ.х. – 644 с.
5. Большаков, О. Г. История Халифата. Т. 4: Апогей и падение / О. Г. Большаков. – Москва: Восточная литература РАН, 2010. – 366 с.
6. Большаков, О. Г. Рождение и развитие ислама и мусульманской империи (VII–VIII вв.) / О. Г. Большаков. – Москва, 2016. – 672 с.
7. Фафуров, Б. Тоҷикон: таърихи қадимтарин, қадим, асрҳои миёна ва давраи нав / Б. Фа-фуров. – Душанбе: Нашриёти муосир, 2020. – 976 с.
8. Ибни Асир, И. Таърихи комили бузурги ислом ва Эрон. Қ. 13 / И. Ибни Асир; тарҷ. А. Халилӣ, А. Ҳолат. – Техрон: Муассиса матбуоти илмӣ, 1371 ҳ.х. – 312 с.
9. История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа / под ред. Н. Негматова. – Душанбе, 1999. – 791 с.
10. Крачковский, И. Ю. Древнейший арабский документ из Средней Азии / И. Ю. Крачков-ский, В. А. Крачковская // Согдийский сборник. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – С. 52–90.
11. Смирнова, О. И. Очерки из истории Согда / О. И. Смирнова. – Москва: Наука, 1976. – 287 с.
12. Фасеҳи Хавофӣ. Мучмали Фасеҳӣ. Қ. I / таҳриру таҳқиқ: М. Н. Насрободӣ. – Техрон: Асотир, 1386 ҳ.х. – 436 с.

ҚУТАЙБА ИБНИ МУСЛИМ ВА ҲИЯЛИ Ӯ ДАР ТАСАРУФИ САМАРҚАНД

Муаллиф дар ин мақола ҳодисаи ишғоли шаҳри бостонии тоҷикон – Самарқандро дар оғози асри ҳаштум аз ҷониби арабҳо бар асоси манобеи таърихӣ таҳлилу баррасӣ мекунад.

Қутайба ибни Муслим аз тарафи Ҳаҷҷоҷ ибни Юсуф соли 83 ҳ.к. /702-703 ҳокими Рай ва соли 86 ҳ.к./705 вилоятдори Хуросон таъйин гардид. Ҳукумати ӯ дар Хуросони Бузург 10 сол ба тӯл анҷомид. Ривоят аст, ки ӯ марде буд диловару саҳтгир ва дар қори вилоятдорӣ бадрофтору золим. Замони фармондорӣ Қутайба дар Хуросони Бузург муҳочирати аъроб ба ин сарзаминҳои ободу шуқуфон ба маротиб бештар шуд. Қутайба бо кӯшиши бисёр тавонист аъробро дар Хуросони Бузург ба ҳадафи тасхири комили ин сарзамин муттаҳид созад.

Қутайба бар ҳар шаҳре аз Хуросони Бузург, ки даст меёфт ва камтарин шаққу тардиде дар мавриди исёни онҳо мекард, бедиранг мардуми он минтақаро ба бадгарин вачҳ ҷазо меод, асир мегирифт ва ба Куфаю Димишқ мефиристод. Қутайба дар замони фармондориаш ба сари шаҳрҳо ва мардуми Хуросони Бузург вайронӣҳо ва бадбахтиҳои зиёде овард.

Ҳангоми муҳосираи шаҳри Самарқанд дар оғози соли 94 ҳ. қ./октябри 712 муборизаи шадиде миёни лашқари Қутайба ва соқинони шаҳр рух дод. Баъд аз он ки Қутайба бовар ҳосил кард, ки бо ҷанг наметавонад муқовимати соқинони Самарқандро фуру нишонад ва шаҳро тасхир кунад, ба фиреб даст зада, ба шаҳр ворид шуд. Арабҳо бо фармони Қутайба маъбадҳои Самарқандро ба оташ кашида, хароб сохта, сарватҳои беҳисоби шаҳриёро ғорат намуданд.

Калидвожаҳо: *Хуросони Бузург, Суғд, Самарқанд, Бухоро, Чоч, Фарғона Тархун, Ғурак, Ҳаҷҷоҷ ибни Юсуф, Қутайба ибни Муслим.*

ҚУТАЙБА ИБН МУСЛИМ И ЕГО ОБМАН ПРИ ВЗЯТИИ САМАРКАНДА

В данной статье автор на основе исторических источников анализирует оккупацию арабами древнего города таджиков - Самарканда в начале восьмого века.

Қутайба ибн Муслим был назначен Хаджджаджем ибн Юсуфом в 83 г.х./ 702–703 г. правителем Рея, а в 86 г.х./705 году – наместником Хорасана. Он правил в Великом Хорасане 10 лет.

Повествуется, что он был человеком смелым и строгим, а в деле наместничества жесток и деспотичен. Во время правления Кутайбы в Великом Хорасане миграция арабов в эти процветающие земли многократно возросла. Кутайбе удалось объединить арабов в Великом Хорасане с целью полного господства на этой земле.

Кутайба, имевший хоть малейшее подозрение в мятеже населения захваченных городов в Великом Хорасане, немедленно и самым худшим образом наказывал жителей этого региона, взяв их в плен и отправляя в Куфу и Дамаск. За время своего правления Кутайба принес много разрушений городам и несчастий жителям Великого Хорасана.

Во время осады Самарканда в начале 94 г.х./октябре 712 г. произошел ожесточенный бой между армией Кутайбы и жителями города. После того, как Кутайба убедившись, в том что не сможет подавить сопротивление жителей Самарканда и завоевать город штурмом, обманным путем вошел в город. Арабы по приказу Кутайбы подожгли и разрушили храмы Самарканда, разграбили богатства горожан.

Ключевые слова: *Великий Хорасан, Согд, Самарканд, Бухара, Чач, Фергана Тархун, Гурак, Хаджедждаж ибн Юсуф, Кутайба ибн Муслим.*

KUTAYBA IBN MUSLIN AND HIS DECEPTION AT THE CAPTURE OF SAMARKAND

In this article the author on the basis of historical sources analyzes the occupation of the ancient city of Tajiks - Samarkand by Arabs in the beginning of the eighth century.

Kutayba ibn Muslim was appointed by Hajjaj ibn Yusuf in 83 years/702-703 as ruler of Ray, and in 86 years/705 as governor of Khorasan. He ruled in Greater Khorasan for 10 years. It is narrated that he was a man of courage and strictness, and in the matter of viceroyalty he was cruel and despotic. During the reign of Kutayba in Great Khorasan, the migration of Arabs to these prosperous lands increased manifold. Qutaybah succeeded in uniting the Arabs in Great Khorasan for the purpose of complete domination of this land.

Kutayba, who had even the slightest suspicion of rebellion among the people of the captured cities in Great Khorasan, immediately and in the worst way punished the inhabitants of this region by taking them captive and sending them to Kufa and Damascus. During his reign, Qutayba brought much destruction to the cities and misery to the people of Great Khorasan.

During the siege of Samarkand in early 94 years /October 712, a fierce battle took place between Kutayba's army and the inhabitants of the city. After Kutayba, convinced that he could not suppress the resistance of Samarkand residents and conquer the city by storm, entered the city by deception. The Arabs by order of Kutayba set fire to and destroyed the temples of Samarkand and plundered the wealth of the citizens.

Key words: *Great Khorasan, Sogd, Samarkand, Bukhara, Chach, Fergana Tarhun, Gurak, Hajjaj ibn Yusuf, Qutaybah ibn Muslim.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Ҳамза Камол (Камолов Ҳамзахон Шарифович)** – Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор, мудири кафедраи таърихи қадим, асрҳои миёна ва нав. Суроға: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33. E-mail: hamza_Kamol@mail.ru

Сведения об авторе: **Хамза Камол (Камолов Ҳамзахон Шарифович)** – Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониш НАНТ, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом древней, средневековой и новой истории. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. E-mail: hamza_Kamol@mail.ru

About the author: **Hamza Kamol (Kamolov Khamzakhon Sharifovich)** – A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography NAST, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ancient, Medieval and Modern History. **Address:** 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 33. E-mail: hamza_Kamol@mail.ru

УДК: 299.4(575.3)"06/08":930.26

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЗОРОАСТРИЗМА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ СОГДЕ¹

ХОДЖАЕВА Н. ДЖ.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

В раннем средневековье в Согде господствовали зороастризм, манихейство, буддизм, а также христианство. Причем последние три религии были пришлыми. На формирование религиозной системы населения Согда большое влияние оказал зороастризм, который в VI-VIII вв., становится господствующей формой общественного сознания, охватив все сферы бытовой и духовной жизни. Зороастризм в Согде, как и в других областях Средней Азии, имел свои специфические черты, которые отличали его от канонического зороастризма Сасанидского Ирана. На наш взгляд самую точную характеристику зороастризма в Средней Азии, в том числе и в Согде дал А.Ю. Якубовский, который отмечает: «В Средней Азии судьба «зороастризма» оказалась другой: он не выработал строгой догматики, не стал государственной религией, так как единого государства там не было, да и жречества как мощной организации не сложилось... Можно даже отказаться от применения термина «зороастризм» к культу огня и связанному с ним религиозному дуалистическому миропониманию в Средней Азии» [53, 22]. Следует отметить, что наряду с поклонением огню, согдийцы поклонялись различным культам и имели свои поверья. А.Ю. Якубовский отмечает также, что главное место в идеологии Согда занимали местные культы, в то время как религии, заимствованные извне (христианство, буддизм, манихейство) хоть и могли оставить след, но не играли значительной роли [53, 21-22].

Зороастризм в изобразительном искусстве согдийцев был представлен следующими образами: Ахура-Мазда, Митра, чета божеств Вашагна (Вертрагна) и Вананч (Ванинда), Срош, Рашну, согдийский бог ветров Вешпаркар – древнеарийский бог Вайю (его атрибут – черный бык) [31, 183], богини Анахита и Нана.

Письменные источники упоминают десятки имен зороастрийских богов. Одни лишь согдийские формы имен перечисляют около тридцати таких божеств [см.: 31, 181]. Согдийцы, в частности население древнего Пенджикента, поклонялись разным богам. Среди них боги собственно согдийского пантеона:

¹ Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа» (III – начало XX вв.), государственный регистрационный номер 0121TJ1211.

божества Вашагна (авест. Вертрагна) и Вананч (Ванинда) и Срош (авест. Сраоша) и богиня Нана (Анахита), которые вышли из зороастрийской среды.

Археологические памятники дают нам важный материал, отображающий духовную жизнь населения Согда и подтверждающий сведения письменных источников. Как отмечает Б. Маршак, идеологию согдийцев можно проследить в различных областях искусства[31, 175-176]. Одним из главных источников по изучению религиозных верований домусульманского Согда являются произведения монументального искусства, а именно – настенная живопись и другие предметы искусства. Городище древний Пенджикент, самый известный раннесредневековый памятник, функционировавший с V по IX вв. На примере этого памятника мы можем понять каким божествам и культам поклонялись согдийцы.

В раскопанных помещениях дворца правителей древнего Пенджикента и домах богачей были обнаружены резные деревянные изображения и великолепная настенная живопись, которые отображают и религиозную картину этой части Согда. А.М. Беленицкий отмечает, что памятники Пенджикента явились первыми в археологии Средней Азии образцами доарабского культового зодчества, назначение которых не вызывает никакого сомнения[4,35].

Росписи нередко украшали несколько помещений, но основная изобразительная программа реализовывалась в парадных залах[31,188]. Следует отметить, что помимо общего пантеона, каждая согдийская семья имела своего патрона – бога, дарующего удачу и благосостояние. Божества эти изображены либо на настенной живописи, либо в резьбе по дереву.

А.М. Беленицкий отмечает, что почти всегда в деревянной резьбе перекрытий появляется целый набор изображений богов, в том числе божеств-светил[5,42-44]. Основным местом расположения божеств являлась реальная или нарисованная арочная ниша напротив входа, где находилось большинство культовых сцен. Наблюдается закономерность, согласно которой фигуры богов были огромны, а молящиеся им люди – маленькие.

Так, одним из шедевров культового изобразительного искусства является сцена живописи из помещения 12 объекта XXV[8,197-198], где имеются изображения божеств Вашагны, Митры, Сроши и богини Наны.

Божество Вашагн тождественное авестийскому Вертрагне – богу войны и победе. У населения Согда он был еще и богом огня.

Вашагн был очень популярен в Согде, ему посвящен двадцатый денькаждого месяца. Согласно «Авесте», Вертрагна имеет несколько инкорнаций. Одной из них является верблюд («Яшт» 14.11-12)[54;1]. В согдийском терракотовом искусстве Вашагн изображен в образе юноши, голову которого украшает корона в форме верблюда. Он сидит в царской позе на лежащем верблюде и держит в руках маленького верблюда[27].

Изображение Вашагна с верблюдами отмечено и в согдийской живописи. Так, в Варахшинских росписях Вашагн сидит на троне в виде крылатых вер-

блюдов, крометого, на ножке алтаря этот бог представлен на лежащем верблюде и держит в руке храмовый жертвенник. Поблизости от трона показан в полете крылатый верблюд с павлиньим хвостом[46].

В настенных росписях Афрасиаба Вашагн сидит на троне с богиней Вананч и держит в руке чашу с фигурой верблюда[6, 54-58]. В нескольких вариантах бог Вашагн представлен вместе с Вананч – богиней победы, и в живописи Пенджикента. Так, в трех произведениях они сидят на троне, опирающемся на две фигуры: верблюда (со стороны бога) и горного барана (со стороны богини) [7, 54-58].

Изображение Вашагна встречается также и в согдийской тореутике, например, на серебряном кувшине[28, табл. 7]. Существует точка зрения, что в искусстве Согда инкарнацией Вашагна являются и фантастические существа, летящие около голов людей (дракон, крылатая дева, крылатый лев с хвостом дракона и др.) [31, 182].

О том, что культ Митры был распространен в Согде, свидетельствует тот факт, что его имя носил 16-й день согдийского календарного года[3, 137]. Брачный контракт, обнаруженный среди согдийских документов с горы Муг (Айнинский р-он, Согдийская область Республики Таджикистан) упоминает также имя этого авестийского божества. Так, молодые люди клянутся друг другу в верности «в присутствии бога Митры» – блюстителя договора и верности[14, 33].

Богиня Нана в согдийской иконографии часто изображена сидящей на льве. В.Г. Шкода отмечает, что живопись и скульптура Пенджикента свидетельствуют о том, что роль Наны (патронессы Пенджикента, а может быть, и Самарканда) в Согде была гораздо значительнее, чем других богов, поскольку ее изображения встречаются намного чаще, нежели образы любого другого божества. Именно Нана в росписи Джартепа II дает власть царю[48, 18]. В.А. Лившиц указывает на наибольшую популярность в согдийской антропонимике имен с *Nana/Nanai* [24, 201].

Культ Наны пришел в Среднюю Азию из Месопотамии[16, 43, 81, 111; 24, 201]. В Согде этот культ был связан с местным божеством *Тахсич*, что означает «возвращающийся» [59, 19-20].

Одним из важных спутников Наны является божество со стрелой в руке, отождествляемое с авестийским богом дождя Тиштрией [48, 18]. Так, четырехрукая Нана в беседе с Тиштрией рельефом представлена на стенке согдийского оссуария VII в. из Шахрисабза. В руках богиня держит символы солнца и луны, а также булаву[56, 136, fig. 8.2].

В древнем Пенджикенте Нану считали покровительницей семей. В домах богачей на настенных росписях богиню изображали четырехрукой и сидящей на льве. Обычно ее образ помещали в нише напротив входа в дом. Иконографический образ Наны отличается тем, что богиня держит в поднятых руках символы солнца и луны. К ней подъезжает на колеснице, запряженной крылатыми конями, бог с преклоненными коленями. Очевидно, это означает, что иерархи-

чески Нана находится выше подъезжающего бога, который приближается к Нане со стороны руки, в котором находится символ солнца. Б.И. Маршак полагает, что это служит намеком на то, что данный персонаж – солнечное божество, возможно Хвара, но не Митра, который в иерархии богов не уступает указанной богине [31,183].

Имена богини Наны и Вашагна зафиксированы также в согдийской надписи на обеих сторонах коровьего ребра, где говорится: «Вашангроч» (в честь божества Вэртагны) и «Нанайвенде» (раб богини Нанайи)[25, 84-86].

Божества Срош и Рашну, вышедшие из зороастрийской среды, связаны с погребально-поминальными обрядами согдийцев. Сроша –сын Ахура-Мазды и Армайти, бог религиозного послушания и порядка («Яшт» 17.16). Рашна, бог справедливости и правосудия, также, как и Срош является сыном Ахура-Мазды и Армайти («Яшт» 17.16). Согласно поздней зороастрийской традиции, Сроша и Рашну – сподвижники бога Митры, наделенные правом судить души умерших на мосту Чинват (МХ 2.119-120) [55, 1-133].

Вешпаркар – бог атмосферы и ветра, соответствующий авестийскому Вайу также встречается в пенджикентских настенных росписях. По обилию изображений после богини Наны и божества Вашагна это трехглавое божество занимает третье место [31, 183].

О том, что население Согда исповедовало зороастризм, свидетельствуют и средневековые мусульманские письменные источники. Так, в известном произведении Бируни «Памятники минувших поколений», жившего в конце X – первой половине XI вв., одна из глав посвящена праздникам согдийцев. Ученый пишет: «В месяцах обитателей Согда подобно тому, как и у персов, много праздников и известных почитаемых дней. Вот те из них, которые дошли до нашего сведения:

Наусард. Первый его день Навруз, и это – Большой Науруз.

В 28-й день этого месяца – праздник у магов Бухары, называемый Рамуш-Агам, когда люди собираются в храме огня в деревне Рамуш. Эти агамы – самые почитаемые праздники, [их справляют] в каждой деревне, [причем] собираются у всякого раиса, едят и пьют. Это происходит у них по очереди [во всякой деревне] [9,254]. В этом отрывке Бируни описывает празднование Навруза, одного из главных зороастрийских праздников.

Бируни также отмечает, что в один из месяцев у согдийцев был пост: они воздерживались от кушаний и напитков, от всего, чего коснулся огонь, разрешалось есть лишь фрукты и овощи. В первый день другого месяца согдийцы собирались в храме огня и ели какое-то ритуальное блюдо, приготовленное из просяной муки, масла и сахара[9, 255].

На наш взгляд, точную характеристику согдийского пантеона дает Ф. Грене, который отмечает следующее: «В настоящее время двадцать три (или двадцать четыре) из тридцати богов, которым поклоняются в зороастрийском календаре и регулярных молитвах (Афринаган), были идентифицированы в согдийском искусстве. Этот список включает всех зороастрийских богов,

известных на кушанских монетах, за исключением (учитывая нынешнее состояние документации) Вад и Ванинд. Дополнениями являются: Четыре Амеша-Спента (Амахраспандан: Ардвахишт, Спандармад, Хордад, Амурдад), четыре божества, связанные с загробной жизнью (Срош – назван в надписи Рабатак, но не показан на кушанских монетах – Рашн, Ден и Фраваша), Апам-Напат, Анахита (в нескольких случаях изображалась отдельно от Наны) и, возможно, также Хваршед, Солнце в отличие от Митры. Этот список, вероятно, будет дополнен будущими открытиями. Изображения можно найти на самых разнообразных носителях, включая настенные росписи, деревянные статуи, отдельно стоящие маленькие терракотовые фигурки, изображения, выбитые на оссуариях (но никогда на монетах, в отличие от ситуации в Кушанской империи)»[56, 134].

Помимо настенной живописи, где фигурируют божества авестийского пантеона имеются другие археологические находки, подтверждающие главенство зороастризма в Согде. Среди них следует выделить перстень-печать со вставкой из черного сардоникса. На вставке выбито изображение фигуры в рост, несущей в руке вертикальный прямой предмет. Аналогии в более совершенных геммах показывают, что это факел с пламенем, который несет зороастрийский жрец [21,12]. Зороастризм оказал влияние и на согдийскую ономастику. Так, В.А. Лившиц считает, что «традиционные согдийские личные имена, возникшие очень рано и продолжавшие существовать в течение многих столетий, служат важными свидетельствами истории религиозной жизни Согда[23, 47, примеч. 3]. Ученый приводит в пример имя *Ātarxumān* в значении «Созданный Огнем и Благой Мыслью»), вырезанное на венчике хума из Пенджикента и восходящее к древнеиранскому **Ātar*=*Vahumānah*[23, 46-51].

В.А. Лившиц отмечает также, что имена богов согдийского пантеона известны по названиям дней согдийского календаря и по личным именам. На основании согдийских форм названий божеств ученый полагает, что младоавестийский (зороастрийский) календарь в Согде был принят не позднее ахеменидской эпохи[22,331]. Ученый указывает на наличие зороастрийских терминов и в различных согдийских документах. К ним относится слово *mwypat* «магупат» – «священник» в документах с горы Муг[15,216, сн. 27], а также термин для обозначения спасателя *'zšw'nt* – «саошьянт» в согдийской надписи последней трети VI в. из Бугута (Северная Монголия) [20, 139, 141-142].

Документы с горы Муг датируются концом VII – 1-й четвертью VIII вв. В приведенном выше отрывке из сочинения Бируни, относящегося к рубежу X-XI вв., также упоминается слово «маг», что свидетельствует о том, что до прихода арабов в регион зороастризм был господствующей религией населения Согда.

Следует отметить исследование П.Б. Лурье пантеона согдийцев по материалам собственных имен. Ученый приводит имена авестийских богов Ахура-Мазды, Анахиты, Сраоши, Рашну и Тиштрии, отраженных в согдийской ономастике[26, 124-126].

Известно, что одним из характерных признаков принадлежности к той или иной религии является погребальный обряд. В раннем средневековье (IV-VIII вв.) территория между Амударьей и Сырдарьей, где испокон веков проживали предки таджиков, называлась Варазрудом (Варорудом). Именно в этот период в Согде, который являлся неотъемлемой частью Варазруда, окончательно сформировался погребальный обряд, который соответствовал зороастрийской доктрине. Согласно «Видевдату» «Авесты» зороастрийский обряд погребения означал предварительное очищение костей от мягких тканей тела (Vd. 3.9, 5.10, 6.44). Несмотря на строгие предписания, в разных районах региона существовали свои специфические черты погребального обряда. Все они корректировались природными условиями.

Согласно зороастрийским предписаниям, ни одна из чистых стихий земля, огонь, вода, воздух не должны оскверняться. Поэтому ни одна из чистых стихий не должна соприкоснуться с мертвым телом. Отсюда и происходят особенности зороастрийского погребального обряда – выставление трупов людей на дахмы («башни молчания»), где их объедают птицы или собаки (Vd. 6.45-46; 8.2, 9-10), после чего кости складывают в специальные урны – оссуарии (Vd. 6.50-51).

Китайские письменные источники зафиксировали сведения о «башне молчания» в Самарканде. Так, по словам Вей Цзе «они построили в уединенном месте особое сооружение, где воспитывают собак и когда кто-нибудь умирает, они берут тело и помещают в этом сооружении, где его и поедают собаки; затем они собирают кости и хоронят их в погребальной процессии, но не кладут в гроб» [см.:17, 106].

Известно три способа выставления трупов: а) в закрытом помещении – ката (Vd. 5.10-14); на открытой возвышенной площадке – дахма (Vd. 3.9; 5.44-51); в) в погребальном сооружении – наусе.

Ката и наусы обычно были прямоугольными или квадратными, а дахмы – круглыми.

К.А. Иностранцев отмечает, что термин «наус» не встречается ни в «Авесте», ни в пехлевийских источниках, ни в «Шахнаме». Он упоминается только в персидской хронике «Муджмилат-таварих». Для его уяснения следует обратиться к арабским историческим источникам [17,106]. Так, Бируни описывает обычай, по которому раз в году «жители Согды плачут по своим древним покойникам. Они оплакивают их, царапают свои лица и ставят для умерших кушанья и напитки, как делают персы в Фервердаджане [9, 255], где они «ставили кушанья в наусы мертвецов, а напитки на крыши домов. Они утверждали, будто души умерших выходят в эти дни из места награды и наказания, приходят и всасывают силу кушаний и впитывают их вкус [хозяева домов] окуривают свои дома девясилом также, что души мертвых посещают своих жен, детей и близких и участвуют в их делах, хотя [люди] их не видят [9, 236].

Все три вида погребального обряда практиковались в Согде. Так, в Пенджикентском некрополе, так называемый наус 2 представляет собой, как считают, кату. Наус 2 является однокамерным сооружением с сохранившимся началом свода. В основании сооружения лежит пахсовая платформа, включающая камни и галечник. В центре помещения было заложено пахсой. В пахсовой забутовке встречались фрагменты оссуариев, мелкие кости человека. Поверхность забутовки была покрыта мелкими камнями и галькой. Все это было покрыто четырехсантиметровой глиняной обмазкой [См.:33, 66].

В целом Пенджикентский некрополь изучен детально. 150 обнаруженных наусов, датируемых VII-VIII вв., представляют собой небольшие склепы, в которые помещались останки около 10 покойников. Помещения наусов имели в среднем площадь 4-5 кв. м, за исключением большого науса 23 площадью 10 кв. м. Все пенджикентские наусы за исключением одного однокамерные. Обнаруженный в 1976 г. наус состоит из двух камер. В обеих камерах найдены обломки оссуариев, глиняных сосудов и человеческие кости [8, 216].

Наусы были вскрыты также на городище Кафыр-кала в 12 км к югу от Самарканда. Сооружения 5,5х6,5 м стоят отдельно, но близко к друг другу. И.А. Сухарев вскрыл три науса с оссуарными захоронениями, датированными VII – началом VIII вв. [См.:33, 75].

По мнению М.Б. Мейтарчиян, обнаруженное погребальное сооружение в Самаркандском Согде в Пастдаргомском районе в 50-60 м к югу от городища Дурмен (Тепе 2), вероятно, совмещала в себе функции науса и дахмы [33, 75].

Наусы также находились и на некрополе раннесредневекового Самарканда [38, 110-116].

Следует отметить, что богатое художественное оформление лицевой стороны и крышек оссуариев, которые в Южном и Центральном Согде назывались *танбарам*, *устухондон* также является важным материалом для изучения духовной жизни согдийцев. Это объясняется тем, что они оформлялись различными сюжетами, связанными с погребальными ритуалами и обрядами. С.И. Бавский отмечает, что слово *студон* часто встречаемое в «Шахнаме» Фирдавси и в других памятниках персидско-таджикской литературы, по существу является сокращенным вариантом *устухондон* – костехранилище. Студон во всех средневековых словарях истолковывается как *помещение*, где зороастрийцы держат своих покойников [3, 221].

В IV-V вв. оссуарии-танбары были прямоугольными, а в VI-VIII вв. – овального типа. Часто встречаются башнеобразные танбары.

Самыми известными оссуариями с территории Согда являются оссуарии из Биянаймана [19, 1-36] (близ г. Каттакургана), Иштихана [39, 1975] и Мианкала [40, 1979], расположенные недалеко от г. Самарканда Республики Узбекистан.

Б.Я. Ставиский и Ю. Якубов датируют биянайманские оссуарии V-VI вв. [42, 173; 52, 72] Что касается иштиханских и мианкальских оссуариев, то Г.А. Пугаченкова датирует их VI-VIII вв. [40, 13, 162].

Ю. Якубов провел историографический анализ всех точек зрения на иконографию согдийских оссуариев из Биянаймана, Иштихана и Мианкаля. На основе сравнительного анализа сюжетов изображений на оссуариях с зороастрийскими письменными источниками ученый приходит к выводу, что на них изображены божества, связанные с загробным миром согдийцев. Об этом свидетельствуют их короны, одежда и главные атрибуты, которые находят подтверждение в авестийских текстах [52, 74, 80]. Всего ученый определяет 13 божеств и богинь: божества Хум (Хаума), Фаро, Сорун (Сраош), Рашан, Митра, Войю и Варахран; богини Дин, Аштод, Арта и Нана [52, 75-109].

Следует отметить, что помимо общепринятых божеств авестийского пантеона, согдийцы почитали своего собственного бога – БобоиДехкона (Деда-Земледельца) – покровителя земледелия, выросшего из народного культа. Образ народного бога – Деда-Земледельца возник вместе с земледелием. В Средней Азии земледелие орошаемое и с древнейших времен от разлива рек, наступления сезонов дождей или засухи зависела жизнь земледельцев, которые наблюдали за небесными светилами и знали, что с днями равноденствия связана смена времен года. Так, возник земледельческий календарь солнечного летоисчисления. Чтобы урожай был богатым, древние земледельцы проводили различные ритуалы и обряды, в результате чего, сложился целый цикл праздников, связанный с этим видом деятельности человека. Ф. Грене, проведя анализ сообщений Бируни, китайских источников и иконографии отмечает, что у населения Согда все праздники делились на две категории. К первой категории относятся праздники, связанные с датами зороастрийского календаря. Праздники, имевшие ярко выраженный аграрно-земледельческий характер, ученый включил во вторую категорию. Они были связаны с определенным временем года, и поэтому их дата не должна была смещаться вместе с официальным календарем [12,45-46]. Таковыми являются самые главные зороастрийские праздники: Навруз, Тиргон, Мехргон и Сада, связанные с циклом земледельческих работ. Эти праздники продолжают отмечать в Таджикистане и в наше время.

Образ Бобои Дехкона связан как с началом земледельческого цикла (посевные работы) – праздник Навруз, так и с их завершением (сбор урожая) – праздник Мехргон.

Две терракотовые пластины со штампованным изображением Бобои Дехкона были обнаружены в Пенджикенте. Одна из них найдена на Пенджикентском городище [32,95], вторая – при рытье ямы для очага в одном из дворов г. Пенджикента [32,97].

Кроме того, образ Деда-Земледельца представлен в настенной росписи древнего Пенджикента – из помещения 28 объекта XXV, украшавшей домовладение с большим зернохранилищем [29, 110-112].

Таким образом, согдийский пантеон помимо зороастрийских божеств имел своего народного бога, который связан как с датами зороастрийского календаря, так и с циклом земледельческих работ.

О том, что зороастризм был господствующей религией в Согде, свидетельствуют обнаруженные на его территории многочисленные остатки храмов. Храмовые сооружения V-VIII вв. делятся на общегородские храмы, посвященные отдельным богам, домашние святилища огня, придорожные храмы, переносные алтари огня – «миджмары» («курильницы») и очажки огня.

Согласно известному сочинению IX в. «Шахристонҳои Эрон» в Самарканде и его окрестностях имелось семь храмов огня. Отличительная особенность этих храмов заключалась в том, что они одновременно были и храмами огня, и храмами идолов. Основание первого храма огня в Самарканде приписывается легендарному царю Сиевушу, который завершил строительство храма, начатое его отцом Кавусом. В источнике сообщается также, что религию Зороастра и храмы огня в Самарканде распространил Гуштасп. Но как бы там ни было, на Афрасиабе, в слоях VI-VIII вв. пока вскрыто несколько домашних храмов [2, 10-21].

Наршахи отмечает, что в Бухарском вилояте было много храмов огня, где обитали маги и в одном из селений Бухары – Ромитане находился самый древний в Бухаре храм огня [34, 44, 67-68].

Самыми известными раскопанными храмами огня раннесредневекового Согда являются два храма в Пенджикенте [48] и храм в Пайкенде [37, 145-163]. В последние годы был раскопан еще один храм огня на городище Санджаршах (Пенджикентский район, Согдийская область, Республика Таджикистан) [57, 120-122].

Храмы в согдийских городах были одними из первых городских построек, и этапы их истории синхронны этапам истории всего города [48, 122]. Характерной особенностью согдийских храмов является сосуществование в одном храме культа огня и культа богов. Наглядным примером тому служат пенджикентские храмы. Так, храм I второго периода (V в.) структурно сопоставим с храмом огня современных зороастрийцев Индии (парсов) – агияри. Основным оставался ритуал, совершаемый перед изображениями божеств, но к нему добавляются обряды, связанные с вечным огнем зороастрийцев. В храме II засвидетельствовано сочетание культов огня и воды, особенно характерные для зороастризма, а также культ богини Нанайи [48, 123].

Обилие изображений богов в храмах показывает, что они воспринимались согдийцами как «дом, обитель богов» и вероятно, ассоциировались с раем, местом, в котором обитают боги [48, 124].

Кроме того, в горном Согде было раскопано несколько культовых помещений – домашние святилища в Гардани Хисор (VIII-IX вв.) [50, 73-74; 51, 188-199; 52, 11-13], Куме (V-VIII вв.) [49, 172-186; 52, 13-14] и на городище Наврузшах 2 (V-VI вв.) [52, 14-20] (Айнинский район, республика Таджикистан). Алтари огня подобные алтарям, обнаруженных на указанных святилищах были зафиксированы также в Пенджикенте [11, 68] и на Афрасиабе [41, 28] и во многих сельских поселениях горного Согда. В научной литературе они называются «капеллами». Пенджикентские капеллы обычно

находились в темных помещениях с низким шатровым перекрытием. Они соединяли в себе функции святилища родового культа предков и домашнего огня[13, 47]. В Пенджикенте такие алтари огня называют «миджмарами». Их изображения имеются на росписях храмов и частных домов[47, 86].

Выше мы отмечали, что зороастризм в Согде так же как и во всей Средней Азии не был каноническим как в Сасанидском Иране. Это объясняется тем, что в здесь не было единого централизованного государства с единой государственной религией. Поэтому в регионе наблюдается сосуществование зороастризма с различными местными древнейшими культурами и поверьями, которые как и зороастризм восходят к общеиранским истокам. В раннем средневековье в Согде зороастризм преобладал как в крупных городах, так и в сельских центрах Самарканде, Бухаре, Пенджикенте, Пайкенде, Санджаршахе и др. В горных труднодоступных районах наблюдается многобожие и почитание различных древних культов.

Известно, что когда арабы пришли в Среднюю Азию, то они столкнулись с тем, что население региона наряду с храмами огня ходили в храмы богов или дома идолов. Об этом свидетельствуют мусульманские историки. Так, Табари пишет, что в Самарканде был величественный дворец с идолами и, когда Кутейба ибн Муслим завоевал город, то приказал сжечь его [44, 3433]. Он отмечает также, что дома идолов были в Пайкенде (44, 3392).

Наршахи отмечает, что когда Кутейба ибн Муслим захватил Пайкенд, то среди захваченных сокровищ был серебряный идол весом 4 тысячи дирхам[34, 92].

О культе идола пишут также китайские путешественники. Так, в китайских хрониках «Бейшу» и «Суйшу» сообщается, что в резиденции владельца Западного Цао (Иштихане) есть дух Дэси, которому поклоняются во всех владениях, лежащих от Западного моря на восток. Он представлен в образе золотого истукана в 15 футов в объеме, с соразмерной вышиной. Ежедневно в жертву ему закалывали пять верблюдов, десять лошадей и сто баранов[10, 188].

Ю. Якубов отмечает, что идолы изготовлялись из золота, серебра, бронзы, дерева, камня, глины, гипса и других материалов и были разнообразными по величине. Деревянные идолы были одеты, обуты и имели много украшений из драгоценных металлов и камней. Идолы были антропоморфными и изображали различных богов. Эти идолы охраняли дома и людей от злых духов, неудач, несчастий, а также приносили благополучие [52, 43-44].

Культ идола, распространенный в Согде зафиксирован археологическим материалом. Самым известным артефактом является деревянный идол из одной из пещер Кухи Сурх недалеко от селения Сарвода (Айнинский район, Согдийская область, Республика Таджикистан). Изображение молодого мужчины с подчеркнутым признаком пола. Высота скульптуры 1 м, вес 15 кг. Идол был одет и обут, его тело покрывала кольчуга, при нем были меч и кинжал. Существует точка зрения, что этот деревянный идол олицетворяет

солнечное божество Митру, культ которого очень популярен в раннесредневековом Согде [52, 41-42].

Пожалуй одним из самых почитаемых культов у населения Согда был культ мертвых, который описывается Бируни. Приведем еще раз отрывок из его сочинения, где говорится: «Они (согдийцы) оплакивают их, царапают свои лица и ставят для умерших кушанья и напитки, как делают персы в Фервердаджане» [9, 255].

Наршахи также рассказывает о том, что в Бухаре на рассвете первого дня Нового года каждый житель приносил в жертву Сиявушу петуха. Народ Бухары в честь Сиявуша сочинили песню «Обида Сиявуша», которой три тысячи лет [34, 45, 56-57]. С.П. Толстов отмечает, что образ Сиявуша был связан у согдийцев не только с культом мертвых, – в нем сохранился более древний пласт верования, связанных с умирающим и воскресающим богом растительности [45, 202-204].

Следует отметить, что население Согда продолжало поклоняться главным авестийским богам, демонам и их атрибутам, изображавшимся в образах животных. Каждая семья имела своих богов-покровителей. В выборе бога все были равными. Поэтому нередко один и тот же бог оказывался патроном как у семьи свободного горожанина или общинника, так и у княжеской династии [30, 240].

Согдийцы почитали также богов, имевших общие индоиранские и индоевропейские корни с образами местных божеств, воспринимая их как своих собственных. Так, на фрагменте стенки танбара из Афрасиаба (VII–начало VIII вв.) изображен Шива – божество древнеиндийского пантеона [18, 249]. Самым известным изображением Шивы, несомненно, является глиняная скульптура из Пенджикента (VI–VIII вв.), которая изображена вместе с древнеиндийской богиней Парвати [35, 170].

В иконографии Согда наблюдается изображение Анахиты – богини плодородия, о чем свидетельствуют сюжеты живописи и нумизматический материал [36, 238]. У согдийцев она известна под именем Нанайа¹. Несмотря на то, что в Пенджикенте она была покровительницей семей, она была еще и покровительницей виноделов. Кроме того, Анахита бога покровительницей всех рек и водных источников.

Астральные культы также были популярны у согдийцев. Так, население Пенджикента почитало божество Солнца, которое изображалось восседающим на колеснице в сопровождении крылатых львов [7, 77]. Наршахи пишет о храме Луны в Бухаре [34, 123].

Таким образом, зороастризм в Согде имел свои специфические черты, присущие только этому региону Средней Азии. В Согде функционировали как общественные, так и частные домашние храмы огня, в которых одновременно с

¹ Данной точки зрения придерживается большинство исследователей. См.: [Shenkar 2014. 78 исл.]

почитанием огня поклонялись богам. Основным ритуалом в зороастризме согдийцев было возжигание огня перед изображением богов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., общ. ред., прим., справ. разд. И. В. Рака. – СПб.: Журнал «Нева», Летний сад, 1998. – 480 с.
2. Ахунбабаев, Х. Т. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда / Х. Т. Ахунбабаев // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда: античность и раннее средневековье. Материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986) / отв. ред. Г. А. Пугаченкова, А. А. Аскарлов. – Ташкент: Фан, 1987. – С. 10–21.
3. Баевский, С. И. Средневековые словари (фарханги) – источник по истории и культуре Ирана / С. И. Баевский // Очерки истории культуры средневекового Ирана / отв. ред. О. Ф. Акимушкин. – М.: ГРВЛ, 1984. – С. 192–239.
4. Беленицкий, А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пенджикентских храмов / А. М. Беленицкий // Живопись древнего Пенджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 260 с.
5. Беленицкий, А. М. Монументальное искусство Пенджикента: живопись. Скульптура / А. М. Беленицкий. – М.: Искусство, 1973. – 68 с.
6. Беленицкий, А. М., Маршак, Б. И. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 г. / А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак // СГЭ. – Л.: Аврора, 1973. – Вып. 37. – С. 54–58.
7. Беленицкий, А. М., Маршак, Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве Пенджикента / А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М.: ГРВЛ, 1976. – С. 75–89, 179–186 (илл.).
8. Беленицкий, А. М. Раскопки древнего Пенджикента в 1976 г. / А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак, В. И. Распопова, А. И. Исаков // АРТ. – 1982. – Вып. 16 (1976 г.). – С. 196–221.
9. Бируни, А. Памятники минувших поколений / А. Бируни // Бируни А. Избранные произведения. Т. I / пер. и примеч. М. А. Салье. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – 461 с.
10. Бичурин, Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 2. – 335 с.
11. Воронина, В. Л. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954–1959 гг.) / В. Л. Воронина // МИА. – 1964. – № 124. – Т. 4. – С. 51–87.
12. Грене, Ф. Земледельческие и скотоводческие культы Согдианы: тексты и образы / Ф. Грене // Муаррих. – Душанбе, 2016. – № 1(5). – С. 45–50.
13. Гуревич, Л. Л. К интерпретации пенджикентских «капелл» / Л. Л. Гуревич // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа: древность и средневековье. – М.: Наука, 1990. – С. 67–89.
14. Документы с горы Муг: юридические документы и письма. Юридические документы Nov. 3, Nov. 4. Брачный контракт // Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – С. 18–48.
15. Документы с горы Муг: юридические документы и письма. III. Денежные документы А 5 // Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – С. 213–220.
16. Дьяконов, И. М. Документы из Нисы I в. до н. э.: предварительные итоги работы / И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. – М.: Наука, 1960. – 123 с.
17. Иностранцев, К. А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках / К. А. Иностранцев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1909. – Март. – С. 95–121. (Н. С. Ч. 20).
18. Кабанов, С. К. Изображение Шивы на оссуарии (из раскопок в Самарканде) / С. К. Кабанов // Советская археология. – 1971. – № 2. – С. 249–255.

19. Кастальский, Б. Н. Бия-Найманские оссуарии / Б. Н. Кастальский // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 13. Прил. – Ташкент, 1909. – С. 1–36.
20. Кляшторный, С. Г. Согдийская надпись из Бугута / С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц // Средневековая надпись в Востоке. – 1971. – Вып. 10. – С. 121–146.
21. Курбанов, Ш. Ф. Раскопки объекта XXVI в восточной части городища древнего Пенджикента / Ш. Ф. Курбанов, А. М. Косых // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. – 2013. – Вып. XV. – С. 9–23.
22. Лившиц, В. А. Зороастрийский календарь [Приложение] / В. А. Лившиц // Бикерман Э. Хронология древнего мира / пер. с англ. И. М. Стеблин-Каменского. – М.: Наука, 1975. – С. 320–332.
23. Лившиц, В. А. «Созданный огнём и благой мыслью» в согдийской надписи из Пенджикента / В. А. Лившиц // Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 1998 г. / Б. И. Маршак, В. И. Распопова, В. Г. Шкода. – СПб., 1999. – С. 46–51. (Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. 1.)
24. Лившиц, В. А. История изучения Согда / В. А. Лившиц // Рахмат-наме: Сборник статей к 70-летию Рахмата Рахимовича Рахимова. – СПб., 2008. – С. 184–202.
25. Лурье, П. Б. Согдийские надписи из раскопок древнего Пенджикента сезона 2001 г. / П. Б. Лурье, Б. И. Маршак // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. – 2002. – Вып. 4. – С. 84–86.
26. Лурье, П. Б. Пантеон согдийцев по материалам имён собственных / П. Б. Лурье // Проблемы археологии и истории Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 2017. – С. 123–131.
27. Маршак, Б. И. Отчет о работе на объекте XII за 1955–1960 гг. / Б. И. Маршак // Труды Таджикской археологической экспедиции. – Т. 4 (1954–1959 гг.). – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 182–243.
28. Маршак, Б. И. Согдийское серебро: очерки по восточной торевтике / Б. И. Маршак. – М.: Наука, 1971. – 191 с.
29. Маршак, Б. И. Согдийское изображение Деда-Земледельца / Б. И. Маршак, В. И. Распопова // Вопросы древней истории Южной Сибири. – Абакан, 1985. – С. 108–116.
30. Маршак, Б. И. Искусство Согда / Б. И. Маршак // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства / отв. ред. Б. Б. Пиотровский, Г. М. Бонгард-Левин. – М.: Наука, 1987. – С. 233–248.
31. Маршак, Б. И. Согд V–VIII вв.: идеология по памятникам искусства / Б. И. Маршак // Средняя Азия и Дальний Восток в раннем средневековье. Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – С. 175–191.
32. Маршак, Б. И. Два терракотовых образка из Пенджикента / Б. И. Маршак, В. И. Распопова // ЗИИМК. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. – № 7. – С. 95–102.
33. Мейтарчян, М. Б. Погребальные обряды зороастрийцев / М. Б. Мейтарчян. – М.; СПб.: Институт Востоковедения РАН, Летний сад, 2001. – 248 с.
34. Наршахй, А. Таърихи Бухоро / А. Наршахй. – Душанбе: Пайванд, 2012. – 736 с.
35. Национальный музей древностей Таджикистана: альбом / под общ. ред. Р. М. Масова, С. Г. Бобомуллоева; авт.-сост. М. А. Бубнова. – Душанбе, 2005. – 257 с.
36. Негматов, Н. Н. Живопись Шахристана (проблемы и суждения) / Н. Н. Негматов // Культурное наследие Востока: проблемы, поиски, суждения. – Л.: Наука, 1985. – С. 233–248.
37. Омельченко, А. Храм в Пайкенде (Западный Согд) и храм Окса (Северная Бактрия) / А. Омельченко // Тахти Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада. Материалы Международного научного симпозиума (Душанбе, 4–6 октября 2023 г.). – Душанбе: Дониш, 2023. – С. 145–163.
38. Пачос, М. К. Находки оссуарных захоронений на Афрасиабе в 1967 г. / М. К. Пачос // Афрасиаб. Материалы Афрасиабской археологической комплексной экспедиции. – Ташкент: Фан, 1973. – Вып. 2. – С. 110–116.

39. Пугаченкова, Г. А. Иштиханский оссуарий — новый памятник согдийского искусства / Г. А. Пугаченкова // ОНУ. – 1975. – № 3.
40. Пугаченкова, Г. А. Древности Мианкаля: из работ узбекистанской искусствоведческой экспедиции / Г. А. Пугаченкова. – Ташкент: Фан, 1989. – 204 с.
41. Ремпель, Л. И. Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитах с Афрасиаба / Л. И. Ремпель // Доклады АН ТаджССР. – Сталинабад, 1953. – Вып. 9. – С. 25–30.
42. Ставиский, Б. Я. Оссуарии из Бия-Наймана / Б. Я. Ставиский // Труды Государственного Эрмитажа. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. – Т. V. – С. 162–176. (Культура и искусство народов Востока, 6).
43. Смирнова, О. И. К вопросу о среднеазиатских культурах (о культурах Артавахишты и Митры по данным топонимики) / О. И. Смирнова // Советская этнография. – М.: Наука, 1974. – № 1. – С. 131–138.
44. Табари, М. Таъриху-р-русули ва-л-мулук. Китоби 5 / М. Табари. – Душанбе: Сарредакция илмии Энциклопедияи Миллии Тоҷик, 2014. – 726 с.
45. Толстов, С. П. Древний Хорезм: опыт историко-археологического исследования / С. П. Толстов. – М.: Изд-во МГУ, 1948. – 352 с.
46. Шишкин, В. А. Варахша: опыт исторического исследования / В. А. Шишкин. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 250 с.
47. Шкода, В. Г. Об одной группе среднеазиатских алтарей огня V–VIII вв. / В. Г. Шкода // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1985. – С. 82–89.
48. Шкода, В. Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.) / В. Г. Шкода. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – 280 с.
49. Якубов, Ю. О раскопках в Куме / Ю. Якубов // АРТ. – 1973. – Вып. X (1970 г.). – С. 172–186.
50. Якубов, Ю. О структуре сельских поселений горного Согда в раннем средневековье / Ю. Якубов // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. – М.: ГРВЛ, 1979. – С. 73–78.
51. Якубов, Ю. О работах Зеравшанского отряда на поселении Гардани Хисор в 1974 г. / Ю. Якубов // АРТ. – 1979. – Вып. XIV (1974 г.). – С. 188–199.
52. Якубов, Ю. Религия древнего Согда / Ю. Якубов. – Душанбе: Дониш, 1996. – 288 с.
53. Якубовский, А. Ю. Вопросы изучения Пенджикентской живописи / А. Ю. Якубовский // Живопись древнего Пенджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 9–24.
54. Avesta [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta/avest.htm> (дата обращения: 12.10.2022).
55. Dīnâ-î Maīnôg-î Khirad, Sikand-gūmānik Vigār, and the Sad Dar. – Oxford: University Press, 1885. – 372 p. – Part III: Dīnâ-î Maīnôg-î Khirad / transl. by E. W. West. – P. 1–133. – (SBE, vol. 24).
56. Grenet, F. Zoroastrianism in Central Asia / F. Grenet // The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism / ed. by M. Strausberg, Y. S.-D. Vevaina. – London: John Wiley & Sons, Ltd., 2015. – P. 129–146.
57. Gropp, G. Erster Vorbericht über die Ausgrabungen in Sandžar Šah (Magian), Tadžikistan 2003 / G. Gropp, Sh. Kurbanov // AMIT. – 2007. – Bd. 39. – S. 91–126.
58. Shenkar, M. Intangible Spirits and Graven Images: The Iconography of Deities in the Pre-Islamic Iranian World / M. Shenkar. – Leiden–Boston: Brill, 2014. – XXII + 392 p.
59. Temblay, X. L'étymologie et le sens du théonyme Txs'yč / X. Temblay // Arts Asiatiques. – 1998. – T. 53. – P. 19–20.

ДАР БОРАИ ВИЖАГИҶОИ ДИНИ ЗАРДУШТӢ ДАР СУҒДИ АВОИЛИ САДАҶОИ МИЁНА

Дар авоиلى асри миёна дар Суғд ойини зардуштӣ, монавӣ, буддой, инчунин насронӣтасаллут доштанд. Илова бар ин се дини охир тозаворид буданд. Шақлгирии низоми динии аҳолии Суғд тахти таъсири дини зардуштӣ буд, ки дар садаҳои VI–VIII дар ин сарзамин

ба ҷаҳонбинии ҳукмрони ҷамъияти табдил ёфта, ҳамаи соҳаҳои ҳаёти маишӣ ва маънавии аҳолиро фаро гирифта буд.

Зардуштия дар Суғд вижагиҳои хоси худро дошт, ки танҳо ба минтақаи мазкури Осиёи Миёна хос буданд. Дар Суғд ҳам оташкадаҳои ҷамъияти ва ҳам маъбадҳои оташ дар манзилҳои ҷаҳонбинӣ мекарданд, ки дар онҳо Худоён ҳамзамон бо оташ парастии мешуданд. Маросими асосӣ дар оини зардуштии суғдийн ин афрӯхтани оташ дар муқобили тасвири худоён буд.

Калидвожаҳо: *Суғди авоили асри миёна, дин, зардуштия, Худоҳо, маъбадҳои хаттӣ, мадрокҳои бостоншиносӣ, Панҷакенти қадим, парастии, маросим, Бобои Деҳқон.*

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЗОРОАСТРИЗМА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ СОГДЕ

В раннем средневековье в Согде господствовали зороастризм, манихейство, буддизм, а также христианство. Причем последние три религии были пришлыми. На формирование религиозной системы населения Согда большое влияние оказал зороастризм, который в VI-VIII вв. становится господствующей формой общественного сознания, охватив все сферы бытовой и духовной жизни.

Зороастризм в Согде имел свои специфические черты, присущие только этому региону Средней Азии. В Согде функционировали как общественные, так и частные домашние храмы огня, в которых одновременно с почитанием огня поклонялись богам. Основным ритуалом в зороастризме согдийцев было возжигание огня перед изображением богов.

Ключевые слова: *раннесредневековый Согд, религия, зороастризм, Божества, письменные источники, археологический материал, древний Пенджикент, культы, ритуалы, Дед-Земледелец.*

ABOUT THE FEATURES OF ZOROASTRIANISM IN THE EARLY MEDIEVAL SOGD

In the early Middle Ages, Zoroastrianism, Manichaeism, Buddhism, and Christianity prevailed in Sogd. Moreover, the last three religions were newcomers. Zoroastrianism had a great influence on the formation of the religious system of the population of Sogd, which in the 6th-8th centuries became the dominant form of public consciousness, covering all spheres of everyday and spiritual life.

Zoroastrianism in Sogd had its own specific features unique to this region of Central Asia. In Sogd, both public fires and private domestic fire temples functioned, in which gods were worshipped simultaneously with the worship of fire. The main ritual in Zoroastrianism of the Sogdians was the lighting of fire in front of the image of the gods.

Keywords: *early medieval Sogd, religion, Zoroastrianism, deities, written sources, archaeological material, ancient Penjikent, cults, rituals, Grandfather-Farmer.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Хочаева Наргис Ҷомиевна** – доктори илмҳои таърих, ходими пешбари илмии шӯбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва навини Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А.Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Суруфа: Ҷумҳурии Тоҷикистон, 734025, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33. Тел.: (+992) 918 -64 -91- 85; E-mail: rangha@mail.ru

Сведения об авторе: **Ходжаева Наргис Джомиевна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. Тел.: Тел.: (+992) 918-64-91-85; Электронная почта: rangha@mail.ru.

Information about the author: Khojaeva Nargis Jomievna –Doctor of History, Leading Researcher of the Department of Ancient, Mediaeval and New History of the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: Republic of Tajikistan, 734025, Dushanbe, 33 Rudaki, Ave. Tel.: (+992) 918 -64 -91- 85; E-mail: rangha@mail.ru

УДК: 811.221.1'282:82-1(=512.1)

ЗАБОНИ ХУСРАВӢ – НОМИ ДИГАРИ ТАЪРИХИИ ЗАБОНИ МОДАРӢ ДАР «ШОҲНОМА»

СУЛТОН Ҳ. Б.,

Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ

Ҳаким Абулқосими Фирдавсӣ (934 - 1020) шоири бузурги аҳди сомонист, ки дар таърихи пурифтихори мардуми мо шукуҳи ҳамосасароии миллӣ ва тарғибу ташвиқи ватанхоҳию истиқлолталабӣ ба номи ӯ алоқаманд аст.

Ба андешаи аксари муҳаққиқон «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ аз се бахш: асотирӣ (аз рӯзгори Каюмарс то зуҳури Фаридун), ривоятӣ (аз шӯриши Кова то куштани Рустам) ва таърихӣ иборат аст. Бахши таърихӣ «Шоҳнома» асосан ба давраи Ашкониёну Сосониён марбут буда, бо ҳамлаи араб ба Эрон ва шикасти давлати Сосониён анҷом мепазирад. Фирдавсӣ «Шоҳнома»-ро таърихи ростин ва ибратомӯзи мардуми мо медонад:

Ту инро дурӯғу фасона мадон,
Ба яксон равиш дар замона мадон.
Аз ӯ ҳар чӣ андархурад бо хирад,
Дигар пардаи рамз маънӣ барад [3, 36].

«Шоҳнома» бидуни шак шоҳқори забони модарӣ ва ҳамосаи бузурги миллии мо барои ҳамаи замонҳост. Дар ин асари безавол, ки воқеан номаи асолати забон ва таъриху фарҳанги мо аз рӯзгори қадим аст, номи забони модарии мо ба чанд гуна ёд шудааст, ки ҳамаи ин номҳо бо ҳам пайванди амиқи ботинӣ доранд ва муродифи ҳамдигар доништа мешаванд.

Яке аз номҳои ҷолиби таърихӣ дар ин замина, ки дар «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ зикр гардидааст ва дар осори дигари назму насри пеш ва баъди таълифи он ба мушоҳида намерасад, «забони хусравӣ» ёд шудани забони модарии мост.

Аслан калимаи асили форсии тоҷикии «хусравӣ» (аз исми «хусрав» бо афзудани пасванди -ӣ) дар «Шоҳнома» доираи қорбурди зиёд дорад ва дар ин шоҳқор ғолибан ба маънии шоҳона, шоистаи шоҳ ва марбуту мансуб ба шоҳ қорбаст шудааст. Масалан, Фирдавсӣ дар достони «Дидани Исфандёр бародари

худ Фаршедвардро» теги ҳиндӣ дар даст ба аспӣ шоҳона нишастани Исфандёрро чунин ба риштаи тасвир кашидааст:

Бар он бораи хусравӣ барнишаст,
Яке теги ҳиндӣ гирифта ба даст [6, 188].

Чунонки ба мушоҳида мерасад, дар мисраи аввали байти мазкур ибораи «бораи хусравӣ» ба маънии аспӣ шоҳона ё аспӣ шоистаи шоҳ қорбаст шудааст.

Ё дар байти зер ибораи «чехраи хусравӣ» ба маънии чехраи мақбулу писандидаи шоҳона омадааст:

Чу он чехраи хусравӣ дидаме,
Аз он номдорон бипурсидаме [3, 42].

Ин вожа дар «Шоҳнома» ҳамчунин ба ҳамин маъниҳои ёдшуда дар ибораҳои «афсари хусравӣ», «дебаи хусравӣ», «миғфари хусравӣ», «чомаи хусравӣ» ва ғ. ба қор рафтааст.

Дар «Шоҳнома» ин вожа дар намунаи байти зер ба маънии сабуз хуррам ва зебову мақбул ҳам истифода шудааст:

Бурун омад аз гулшани хусравӣ,
Биёрост ороиши ҷодувӣ [3, 140].

Аммо, шоистаи таъкид аст, ки дар «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ калимаи «хусравӣ» ба сифати забон ва муродифи вожаи «дарӣ» ҳам ба қор рафтааст, ки ҷолиб ва қобили мулоҳиза арзёбӣ мешавад. Масалан, Фирдавсӣ зимни баёни матлаби рафтани Искандар ба дарёи Ховар ва ба замини Ҳабаш аз панҷ забон ёд кардааст, ки яке аз ин забонҳо забони хусравист:

Зи шаҳри Бараҳман ба ҷое расид,
Яке бекарон жарфдарё бидид.

Ба сони занон мард пӯшида рӯй,
Ҳамерафт бо чомаву рангу бӯй.

Забонҳо на тозию на паҳлавӣ,
На чинӣ, на туркию на хусравӣ [7, 101].

Дар ин намунаи ёдшуда бидуни шак «забони хусравӣ» ба маънии забони дарист, ки ба сифти забони ҷудогона дар баробари забонҳои тозӣ, яъне арабӣ, паҳлавӣ, яъне порсии миёна ва чинию туркӣ номбар шудааст.

Воқеан, забони дарӣ, ки ба қавли донишманди маъруфи Афғонистон, доктор Ҷовид «аввалин талиаи он дар қаронаҳои уфуқи Балху Бухоро партавафшонӣ доштааст» [10, 2], рӯзгоре «забони дарборӣ, расмӣ, кишварӣ гардид ва замоне фаро расид, ки барои тамоми сулолаҳои Осиёи Миёна (аз ҳар тираву таборе, ки будаанд) ва ҳамчунин аз ақсои Ҳинд то Рум забони муштараку умумии тамоми ин навоҳӣ, яъне *Lingue France* шуд» [10, 5].

Ёдоварӣ мебояд, ки дар шинохти маънӣ ва решаи ҳуди истилоҳи «дарӣ» ҳам то ба имрӯз андешаи ягона, ки аз ҷониби ақсари муҳаққиқони забоншинос пазируфта шуда бошад, мавҷуд нест. Дар шинохти решаи истилоҳи «дарӣ» ҳоло асосан чор нуқтаи назар вучуд дорад:

якум, истилоҳи «дарӣ» аз вожаи «дара» ба миён омадааст. Ҷонибдорони ин нуқтаи назар ба он андешаанд, ки забони дарӣ гӯё нахуст дар кӯҳу дараҳои байни Балху Ҳирот мавҷуд буд. Ин забон дар оғоз ба сифати забони музофот дар баробари забони расмии шаҳрҳо истифода мешуд, ки баъдан дар раванди рушди марказҳои иқтисодӣ фарҳангӣ то ба дараҷаи забони фаҳмои ҳамагон тараққӣ намуд, вале номи худро дарӣ нигоҳ дошт.

Дар «Бурҳони қотеъ» ҳам дар хусуси аз вожаи «дара» ба миён омадани истилоҳи «дарӣ» ишора рафтааст: «ва мансуб ба дарраро ҳам гӯянд, ҳамчу кабки дарӣ ва ин ба эътибори хушхонӣ ҳам метавонад буда бошад, зеро ки беҳтарин луғоти форсӣ забони дарист»;

дувум, ин истилоҳ аз вожаи маъмулии «дар», «дарвоза», яъне «дарвозаи пойтахт» ба миён омадааст;

севум, дар баъзе манобеъ вожаи «дарӣ» муҳаффафи вожаи «тахорӣ» доништа шудааст, яъне вожаи таҳагӣ тадриҷан ба шакли тахагӣ ва сипас ба сурати тхагӣ даромада, баъдан аз сабаби доштани маҳраҷи муштарақ «tx» ба «d» табдил шуда, вожаи дагӣ пайдо шудааст [Муфассал ниг.: 2, 21-22].

Вале ин андеша чандон эътимодбахш ба назар намерасад. Зеро бархе аз муаллифони осори қадимтарини илмӣ форсии тоҷикӣ, аз ҷумла Абурайҳони Берунӣ аз забони дарӣ ва забони тахорӣ ба сифати ду забони мустақил, ки шояд дар ҷавори ҳамдигар вучуд доштанд, ёд кардааст [1, 415, 495, 502, 678];

чорум, ин истилоҳ аз вожаи паҳлавии «дар», ба маънии дарбор ва пойтахт падида омадааст [2, 22].

Аксари муҳаққиқон ҳамин нуқтаи назари чорумро таъйид мекунанд ва ба пиндори мо низ ҳамин маънии вожаи «дарӣ», ки муродифи «хусравӣ» доништа мешавад, то андозае ба ҳақиқат созгорӣ дорад.

Матлаби мавриди назар, яъне ба маънии забони дарӣ дар «Шоҳнома» корбаст шудани «забони хусравӣ» дар забоншиносӣ боз аз ин ҷиҳат муҳим ва қобили мулоҳиза арзёбӣ мешавад, ки андешаи забони хусравон ва аҳли дарбор будани забони дариро таъйид менамояд.

Дар «Шоҳнома» ҳамчунин муродифҳои дигари забони модарӣ ёд шудаанд, ки ба шарҳи зеранд:

1. Порсӣ. Номи маъмули забони модарии мо, шуруъ аз марҳилаи нави рушди таърихӣ он (ҳамчунин бо гунаи форсӣ), ки дар рӯзгори имрӯз бо номҳои дарӣ ва тоҷикӣ муродиф доништа мешавад.

Магар он ки гуфтори ӯ бишнавай,

Агар порсӣ гӯяд, ар паҳлавӣ [9, 348].

Ё:

Дареғ он гулу мушки хушшоби сӣ,

Ҳамон теғи буррандаи порсӣ [4, 244].

Ҳамчунин Фирдавсӣ дар оғози достони «Хусрави Парвиз ва Ширин» бо таваҷҷуҳ ба забони баён «Шоҳнома»-ро «номаи нав»-и порсӣ ба қалам додааст:

Куҳан гашта ин номаи бостон

Зи гуфтору кирдори он ростон.

Ҳама номаи нав кунам 3-ин нишон,
 Кучо ёдгор аст аз он саркашон.
 Бувад байт шаш бор бевар ҳазор
 Суханҳои шоиставу ғамгусор.
 Набинад касе номаи порсӣ,
 Навишта ба абёт сад бор сӣ [9, 284].

2. Порсии дарӣ. Ибораи «порсии дарӣ» дар баъзе нусхаҳои «Шоҳнома» ба гунаи «порсию дарӣ» сабт шудааст, ки эҳтимол бо саҳви қалами котибону нусханависон ба миён омадааст. Дар муқаддимаи «Тарҷумаи Таърихи Табарӣ» ҳам, ки ибораи «забони порсию дари роҳи рост» корбаст гардидааст, ҳамин иштибоҳ ба мушоҳида мерасад. Эҳтимол, дар ин ном, яъне «порсии дарӣ» – «дарӣ» сифати забони порсӣ, яъне беҳтарин гӯйиши дарбории он аст, ки баъдан дар алоҳидагӣ ҳам номи забонро ифода карда, ба сифати муродифи порсӣ қарор гирифт. Фирдавсӣ дар «Шоҳнома» пешинаи китоби маъруфи ахлокии «Калила ва Димна»-ро марбут ба забони паҳлавӣ ё порсии миёна медонад, ки ба забони арабӣ тарҷума шуд ва дар рӯзгори амири фозили Сомонӣ Наср ибни Аҳмад бо дастури вазири адабдӯсташ Абулфазли Балъамӣ аз ҷониби устод Рӯдакӣ ба забони порсии дарӣ тарҷумаи манзум гардид:

«Калила» ба тозӣ шуд аз паҳлавӣ,
 Бад-ин сон, ки акнун ҳаме бишнавӣ.
 Ба тозӣ ҳамебуд то гоҳи Наср,
 Бад-он гаҳ, ки шуд бар ҷаҳон шоҳ Наср.
 Гаронмоя Булфазл дастури ӯй,
 Ки андар сухан буд ганчури ӯй,
 Бифармуд, то порсии дарӣ
 Бигуфтанду кутоҳ шуд доварӣ...
 Гузорандае пеш биншонданд,
 Ҳама нома бар Рӯдакӣ хонданд.
 Бипайваст гӯё парокандаро,
 Бисуфт инчунин дурри огандаро [8, 360-361].

3. Дарӣ. Дар «Шоҳнома» ибораи «забони дарӣ» ба сифати муродифи бевоситаи «забони порсӣ» мавриди истифода қарор гирифтааст, ки ба ҷор нуктаи назар дар робита ба вачҳи тасмияи вожаи «дарӣ» дар боло ишора рафт:

Ҷаҳонҷӯйро ном Заҳҳок буд,
 Далеру сабуксору нопок буд.
 Кучо Бевараспаш ҳамехонданд,
 Чунин ном бар паҳлавӣ ронданд.
 Кучо бевар аз паҳлавонӣ шумор,
 Бувад дар забони дарӣ даҳ ҳазор [3, 68].

Чунонки аз байтҳои дар боло ёдшуда ба дид меояд, Беварасп номи паҳлавии Заҳҳоки Морон аст, ба маънии дорандаи даҳ ҳазор асп. Фирдавсӣ калимаи «бевар»-ро паҳлавӣ, яъне вожаи форсии миёна медонад, ки дар забони дарӣ ба маънии даҳ ҳазор мебошад.

4. Паҳлавӣ ё паҳлавонӣ. Ин номи забон дар «Шоҳнома» маъмулан барои ифодаи забони форсии миёна корбаст шудааст:

Агар паҳлавонӣ надонӣ забон,
Ба тозӣ ту Арвандро Дачла хон [3, 105].

Ё:

Суханҳои Рустам ба нойу ба руд,
Бигуфтанд бар паҳлавонӣ суруд [5, 267].

Аммо, дар намунаи зер, ки ба тавсифи худи Фирдавсӣ ва хунару маҳорати забондонии ӯ марбут аст ва аз қавли яке аз дӯстонаш ба назм овардааст, эҳтимол дорад вожаҳои «паҳлавӣ» ва «паҳлавонӣ» ба маънии забони порсии дарӣ корбаст шуда бошад:

Ба шаҳрам яке меҳрубон дӯст буд,
Ту гуфтӣ, ки бо ман ба як пӯст буд.
Маро гуфт: «Хуб омад ин ройи ту,
Ба некӣ гарояд ҳаме пойи ту.
Набишта ман ин номаи паҳлавӣ,
Ба пеши ту орам, магар нағнавӣ.
Кушодазабону ҷавонит ҳаст,
Сухан гуфтани паҳлавонит ҳаст.
Шав, ин номаи хусравон бозгӯй,
Бад-ин ҷӯй назди меҳон обрӯй» [3, 39].

Чунонки аз гуфтаҳои боло ба мушоҳида мерасад, дар «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ забони модарии мо бо номҳои маъмули «порсӣ», «порсии дарӣ», «дарӣ», «паҳлавӣ», «паҳлавонӣ» ва ҳамчунин бо номи нодир ва зебову хушоянди «хусравӣ» ёд шудааст, ки ин номи забон бегумон ба таърихи пурифтихори шоҳону хусравон ва дарбори онон бастагӣ дорад.

Гузашта аз ин, худи «Шоҳнома» дар намунаи дар боло ёдшуда ва чор мавриди дигар «номаи хусравон» зикр гардидааст, ки ҳам вожаи «Шоҳнома», яъне беҳтарин нома ё номаи шоҳон ва ҳам ибораи «номаи хусравон» бо забони хусравӣ ба маънии забони дарию дарборӣ пайванди бунёдию усулӣ доранд.

Дар мачмуъ, метавон ба ҳамин натиҷа расид, ки дар «Шоҳнома»-и Абулқосими Фирдавсӣ ёдкарди «хусравӣ» ба сифати забони алоҳида дар баробари забонҳои маъмули он рӯзгор ба маънии забони дарист ва ба ҳамин маънӣ дар ин шоҳкор корбаст шудани он андешаи аксари муҳаққиқонро дар бобати аз рӯзгори қадим забони шоҳону хусравон ва аҳли дарбор будани забони дарӣ комилан таъйид менамояд.

АДАБИЁТ

1. Беруни, Абу Райхан. Фармакогнозия в медицине / А. Беруни; исслед., пер., примеч. и указ. У. И. Каримова // Избранные произведения. – Т. IV. – Ташкент, 1973. – 1120 с.
2. Султон, Мирзо Ҳасан. Ташаккули забони адабӣ ва забони илми форсӣ-тоҷикӣ / М. Ҳ. Султон // Мушкилоти забони илм ва истилоҳот. – Душанбе: Дониш, 2015. – С. 14–38. – 324 с.
3. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шоҳнома. Ҷ. 1 / А. Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 1987. – 480 с.
4. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шоҳнома. Ҷ. 3 / А. Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 1988. – 528 с.
5. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шоҳнома. Ҷ. 4 / А. Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 1988. – 408 с.

6. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шоҳнома. Ҷ. 6 / А. Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 1989. – 552 с.
7. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шоҳнома. Ҷ. 7 / А. Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 1989. – 616 с.
8. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шоҳнома. Ҷ. 8 / А. Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 1990. – 612 с.
9. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шоҳнома. Ҷ. 9 / А. Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 1991. – 496 с.
10. Човид, Аҳмад. Пайдоӣ ва боландагии забони дарӣ / А. Човид // Хуросон: маҷаллаи думоҳаи мутолиъоти забон ва адабиёт. – Кобул, соли 4, шум. 3 (Сунбула – Асади 1363). – С. 1–15.

ЗАБОНИ ХУСРАВӢ – НОМИ ДИГАРИ ТАЪРИХИИ ЗАБОНИ МОДАРӢ ДАР «ШОҲНОМА»

Дар мақолаи мавриди назар таъкид шудааст, ки дар «Шоҳнома»-и безаволи Фирдавсӣ ба сифати ҳамосаи бузурги миллӣ забони модарии мо дар баробари номҳои маъмули таърихии «порсӣ», «порсии дарӣ», «дарӣ» ҳамчунин бо номи нодири «хусравӣ» ёд шудааст, ки ин ном ҳам ба таърихи пурифтихори пешиниёни мо алоқаманд буда, ҷолиб ва қобили мулоҳиза ба назар мерасад.

Таъйид гардидааст, ки вожаи «Шоҳнома», яъне беҳтарин нома ё номаи шоҳон ва муродифи он – ибораи «номаи хусравон» бо забони хусравӣ ба маънии забони дарию дарборӣ пайванди бунёдио усули доранд ва хусравӣ ном бурдани забон андешаи аксари муҳаққиқонро дар бобати забони шоҳону хусравон ва аҳли дарбор будани забони дарӣ қомилан ба исбот мерасонад.

Калидвожаҳо: *«Шоҳнома», таърих, вожа, забон, порсӣ, порсии дарӣ, дарӣ, паҳлавӣ, хосравӣ.*

ЯЗЫК ХОСРАВИ – ДРУГОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ НАЗВАНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА В «ШАХНАМЕ»

В данной статье подчеркивается, что в бессмертной поэме «Шахнаме» Фирдоуси, как в великом национальном эпосе, наш родной язык наряду с распространенными историческими названиями «порси», «порси дари», «дари» также упоминается под уникальным названием «хосрави», что представляет интерес и заслуживает внимания.

Констатируется, что слово «Шахнаме», то есть «лучшая книга» или «книга царей» и его синоним – словосочетание «номаи хусравон» (книга хосравов, т.е. царей) на языке «хосрави» в значении придворного языка имеет непосредственную основательную связь и упоминание нашего языка в «Шахнаме» как «языка хосрави» вполне подтверждает мнение большинства исследователей о том, что язык дари является языком царей – хосравов и придворным языком.

Ключевые слова: *«Шахнаме», история, слово, язык, порси, порси дари, дари, пахлеви, хосрави.*

«KHUSRAVI» LANGUAGE – ANOTHER HISTORICAL NAME OF THE NATIVE LANGUAGE IN «SHAHNAMA»

This article emphasizes that in the immortal poem «Shahnameh» of Firdausi, as in the great national epic, our native language, along with the common historical names «porsi», «porsi dari», «dari», is also mentioned under the unique name «khusravi», which is interesting and deserves attention.

It is stated that the word «Shahnameh», that is, «the best book» or «the book of kings» and its synonym – the phrase «nomai khusravon» (the book of the khusravs, i.e. kings) the «khusravi» language in the meaning of the royal court language have a direct fundamental connection and the mention of our language in «Shahnameh» as «the language of khusravi» fully confirms the opinion of the majority of researchers that the Dari language is the language of the kings – khusravs and the royal court's language.

Key words: «*Shahnameh*», *history, word, language, porsī, porsī dari, dari, pahlevī, khusravī.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Султон Ҳасан Баротзода (Ҳасани Султон) – узви вобастаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, сарҳодими илмии Институди забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ, 734025, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 21. Тел.: 600-31-96, 93 -526 -98-05.

Сведения об авторе: Султон Ҳасан Баротзода (Ҳасан Султон) – член-корреспондент Национальной Академии наук Таджикистана, главный научный сотрудник Института языка и литературы имени Рудаки, 734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 21. Тел.: 600-31-96, 93 -526 -98-05.

Information about the author: Sulton Hassan Barotzoda (Hassan Sulton), corresponding member of NAST, Chief Scientific Worker in the Institute of Language and Literature named after Rudaki, 734025, Dushanbe, Rudaki avenue 21. Tel: 600-31-96, 93 -526 -98-05.

УДК: 94(55)"13":929

АМИРОНИ ЧҶУПОНӢ¹

САИДОВ А.,

**Институди таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ
ба номи А. Дониш**

Дар солҳои 30-50-уми асри XIV дар давлати Элхониҳо муборизаҳои дохилӣ шиддат ёфта, ҳокимони муғул ва ашрофи маҳаллӣ аҳолиро бераҳмона истисмор мекарданд, ки ин вазъи сиёсии мамлакатро хеле муташанниҷ гардонд. Вазъи мамлакат махсусан пас аз вафоти султон Абусаъид (1335) хеле тезу тунд гашт, зеро гурӯҳҳои ҳукмрони нисбатан пурқувват ҳокимони лӯхтакмонанди худро аз зумраи авлоди чингизӣ ба тахти элхонӣ менишониданд, ки онҳо аслан мустақил набуда, аз рӯйи нишондод ва маслиҳати ин ё он амир амал мекарданд [11, 5-6].

Чунин вазъияти номусоиди сиёсиву иҷтимоӣ ба ҳаёти аҳолии кишвар таъсири манфӣ расонд ва дар ғушаву канори мухталифи мамлакат мардуми ҷабрдида ба муқобили ин зулму тааддӣ бархеста, норозигии худро изҳор мекарданд. Дар натиҷа дар ҳудуди ҳукумати Элхониҳо теъдоди зиёди давлатҳои мустақилу ниммустақил ва мулкҳои хурду миёнаи маҳаллӣ пайдо шуданд, ки аз зумраи онҳо амирони Чўпонӣ ба шумор мерафтанд.

Аз ҷумлаи амирони маъруфи Чўпонӣ ду нафар буданд: яке амир Шайх Ҳасан, ки ўро Шайх Ҳасани Кучак меномиданд ва дигаре амир Малик Ашраф. Ҳардуи онҳо бародар буда, аз фарзандони амир Темуртош писари амир Чўпон ба шумор мерафтанд.

Соли 744 / 1343-1344 Шайх Ҳасани Кучак Озарбойҷон, Аррон, Муғон ва Ироқи аҷамро забт намуда, амирон Сулаймонхон, Яъқубшоҳ ва умарои дигарро барои тасхири Рум фиристод, вале онҳо ноком баргаштанд. Шайх Ҳасани Кучак

¹ Мақола дар асоси лонҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (асрҳои III - аввали асри XX) рақами кайди давлатӣ 0121ТҶ 1221 навишта шудааст.

бо баҳонаи тақсире, ки аз ҷониби Яъқубшоҳ дар ҷанги Рум рӯй дода буд, фармон дод, ки ӯро дастгир карда, ҳабс намоянд. Миёни хотуни Шайх Ҳасани Кучак Иззат Малики Румӣ ва Яъқубшоҳ дер боз робитаи ниҳонӣ вучуд дошт. Хотун гумон кард, ки Шайх Ҳасани Кучак аз робитаи байни онҳо огоҳ шудааст ва ба ҳарос афтод. Ӯ бо ду-се нафар аз дугонаҳои худ, ки аз ин кор огоҳӣ доштанд, иттифоқ баста, шаби сешанбеи 27 моҳи раҷабӣ соли 744 / шаби 15 декабри соли 1343 Шайх Ҳасани Кучакро бо азобу шиканҷа ба ҳалокат расонд [5, 146-147; 6, 248; 3, 793; 2, 30].

Иззат Малики Румӣ ва занони дигареро, ки дар ин кор даст доштанд, бо амри Сулаймонхон дастгир намуда, бо азобу шиканҷаи сангин ба қатл расонданд. Сулаймонхон хазинаву дафинаҳои Шайх Ҳасани Кучакро ба умаро ва аркони давлат тақсим намуда, дар Қаробоғ урдуи худро ташкил намуд [1, 362].

Ба ҳукми Сулаймонхон Қўҷхусайн ибни амир Ҳасан ибни амир Чўпонро, ки ӯро Шайх Ҳасани Кучак ҳабс намуда буд, ба қатл оварданд ва пас аз он Сулаймонхон ба Қаробоғ рафт. Як гурӯҳ амирони Қаробоғ, аз итоати Сулаймонхон саркашӣ карда талаб мекарданд, ки ӯ ба онҳо вазифа диҳад ва ӯ ночор ин корро иҷро кард. Дар ин миён амир Яъқубшоҳ аз ҳабс халос шуда, ба лашкари худ пайваст ва ба назди Сулаймонхон омад. Ӯ низ аз Сулаймонхон талаби вазифа намуд ва соҳиби вазифаи амиру-л-умароӣ гашт. Сулаймонхон аз талабҳои амирон ба танг омада, қарор дод, ки амир Малик Ашраф ва амир Ёғсибостиро ба урдуи худ даъват намояд. Вақте ки онҳо аз Форс озими урду шуданд, Сулаймонхон аз ин кардаи худ пушаймон шуд, вале ин суде надошт [5, 148-149; 4, 556-557].

Дар айёми қатли Шайх Ҳасани Кучак амир Малик Ашраф дар Форс буд ва барои забти Шероз омодагӣ мегирифт. Ӯ хабари қатли бародарашро шунида, озими Озарбойҷон шуд. Вақти ба Табрёз расидани онҳо Сулаймонхон бо ҳамроҳии амирон ва аркони давлат дар Қаробоғ буданд. Ҳангоми ба Табрёз ворид шудани навкарони амир Ёғибостӣ ва Малик Ашраф табрезиён ба онҳо муқовимат нишон доданд, аксари онҳо кушта шуданд ва боқимонда ба ҳар ҷониб фирор намуданд.

Дар ин асно амир Ҷамолӣдин писари амир Қутлуғшоҳи Ҷозонхонӣ, ки дар Табрёз буд, ба хизмати Малик Ашраф омада, хабар расонд, ки бародарон амир Суюрғон ва амир Ёғибостӣ лашкар мураттаб дода, бар зидди ӯ бархестанианд. Малик Ашраф одамони худро ба ҷанг омода намуда, бо умароӣ худ ва бародараш Мисрмалик ба сӯи муҳолифон лашкар кашид. Амирон Суюрғон ва Ёғибостӣ инро шунида, ба сӯи Хўй рафтанд. Малик Ашраф аз қафоӣ онҳо озими Хўй шуд. Он ду амир аз домани кӯҳи Нахҷавон гузашта, дар Маъмурия нузул карданд. Оқибат лашкари Малик Ашраф бо онҳо рӯ ба рӯ гашт ва байни ду лашкар набарди шадид сар зад, ки дар натиҷа лашкари амирон Суюрғон ва Ёғибостӣ ба шикаст дучор гардид. Малик Ашраф дар мавзеи Нотил, ки замоне дар саҳрои Самкур шаҳре буд, фуруд омада, шахсеро бо номи Нўшервон, ки аз

насли Ковиён ва мулозими ӯ буд, бар тахт нишонд ва ӯро Нӯшервони Одил ном кард. Ин воқеа дар соли 744 /1343-1344 рӯй дода буд [5, 150-153; 4, 558-560].

Малик Ашраф пас аз ғалаба ба Ганча омад. Пас аз чанде амирон Суюрғон ва Ёғибостӣ қозӣ Муҳйиддин Бардаъӣ ва Фахриддин Ҳабаширо барои мусолиҳа назди Малик Ашраф фиристоданд. Малик Ашраф ба ин розӣ шуд. Амир Суюрғон аз кардаи худ пушаймон гашта, аз амир Ёғибостӣ чудо шуд ва озими Диёр Бакр гардид, ки писари амир Шайх Ҳасани Бузурги Элконӣ дар он худуд буд. Ӯ амир Суюрғонро бо хушнудӣ пазирой намуд. Ёғибостӣ бо Малик Ашраф пайваст ва онҳо озими Табрез шуданд. Оқибат Ёғибостӣ аз ҷониби Малик Ашраф ба қатл расонда шуд. Пас аз ин Малик Ашраф ба истиқлоли тамом соҳиби ҳукумат гардид [5, 153; 8, 639; 10, 141-142; 6, 249].

Малик Ашраф дар соли 1344 Аррон, Муғон ва Озарбойҷонро бо тамоми навоҳии гирду атроф тобеи худ намуда, зимистони соли 1345 ба Қаробоғ рафт, ки ҳокими он Малик Ковус писари Кайкубод буд. Малик Ковус назди Малик Ашраф омад ва ӯ Малик Ковусро бо эҳтироми зиёд пазирой намуда, ӯро бо камарбанду кулоҳи бо сангҳои қимматбаҳо ороишдода ва тухфаҳои гаронбаҳо сарафроз гардонид. Дар ин асно ногоҳ Малик Ашраф яке аз амирони вафодори худро ба қатл расонд. Малик Ковус, ки то ҳол чунин амалро мушоҳида накарда буд, ба тарс афтада, шабона ба ҷониби Шервон фирор намуд. Малик Ашраф вазири худ Ҳоча Абдулҳай ва амир Ахишоҳ Маликро барои узрҳои назди Малик Ковус ба Шервон фиристода, барои ӯ ва падараш Кайкубод тухфаҳои зиёди гаронбаҳо ирсол намуд. Малик Ашраф хоҳари Малик Ковусро барои худ хостгорӣ намуд. Малик Ковус ба онҳо гуфт, ки моро чи қадри он бошад, ки Малик Ашраф ба мо васлат кунад ва аз мо духтар хоҳад. Малик Ашраф аз ин ҷавоби ӯ нороҳат шуда, хост, ки ба ҷониби ӯ лашкар кашад, вале чун фасли охири зимистон буд ва маҷоли ба ин кор машғул шудан набуд, озими Табрез шуд ва тобишонро дар он ҷо гузаронд [5, 169-170; 4, 560].

Малик Ашраф соли 746/1345-1346 вақти ба Табрез омадан якҷанд амиро, ки муҳолифи ӯ буданд, дастгир намуд, ки дар қатори онҳо бародараш Мисрмалик, ки боре амри ӯро иҷро накарда буд, низ шомил буд. Бо амри Малик Ашраф амирони саркаш ба қатл расонда шуданд ва бародараш Мисрмаликро дар қафаси оҳанин нигоҳ доштанд, инчунин амир Артиқ писари Ҳоча Маҷдуддини Рашидиро дар яке аз қалъаҳо ба ҳабс гирифтанд.

Малик Ашраф зимистони соли 1346 ғуломи худ Муҳаммадии Румиро, ки ба ӯ эътимоди зиёд дошт, бо ду ҳазор лашкар дар Табрез гузошта, худ озими Қаробоғ гардид. Баъди ба Қаробоғ рафтани Малик Ашраф Муҳаммадии Румӣ бар зидди ӯ исён бардошта Мисрмалик ва нафарони дигареро, ки дар ҳабс буданд, озод карда, озими Шероз шуд. Ин хабар ба Малик Ашраф расид ва ӯ бо вучуди фасли сармо будан, аз Қаробоғ роҳи Табрезро пеш гирифт ва то баҳор дар он ҷо қарор гирифт [5, 181; 9, 235].

Малик Ашраф дар Табрез ба аҳолӣ зулми бисёр кард ва илова бар он баҳорон дар Табрез вабои азим сар зад ва мардум маҷбур гардида, ҷилои ватан карданд. Малик Ашраф аз бими вабо аввал ба Қаробоғ рафта, пас аз он ҷо ози-

ми Шервон шуд. Малик Ковус лашкар ба канори об оварда, гузархоро ихота намуд. Оқибат онҳо сулҳ бастанд ва ҳар як ба қароргоҳи худ баргашт.

Малик Ашраф дар аввали баҳори соли 748 / март 1348 аз Қаробоғ ба Табрез омад ва аз он ҷо барои Бағдодро аз тасарруфи амир Шайх Ҳасани Бузург халос кардан ба он сӯ лашкар кашид. Шайх Ҳасани Бузург аз ҳамлаи ногаҳонии Малик Ашраф ба тарс афтада, қарор дод, ки ба Рум фирор намуда, дар қалъаи Кумох пинҳон шавад, вале завҷаи ӯ Дилшодхотун ва ашхоси маъруфи дигар аз қабили Хоча Марҷон ва Қароҳасан ба ин монев шуданд ва мустаҳкам намудани девори қалъаро пешниҳод намуданд. Малик Ашраф чанд рӯз кӯшиши забти Бағдодро кард, вале натиҷае ба даст оварда натавонист ва оқибат мағлуб гашта ба Табрез баргашт [5, 199-200; 1, 453].

Малик Ашраф пас аз ба Табрез баргаштан мамлакати худро, ки худудҳои Озарбойҷон, Ироқи аҷам, Муғон, Аррон ва баъзе навоҳии Гурҷистону Курдистонро дар бар мегирифт, байни умаро ва аркони худ тақсим намуда, ба онҳо мувоҷиб ва марсумот таъйин намуд. Зимомии ихтиёри умури давлатдорӣ дар дасти вазир Хоча Абдулҳай буд. Малик Ашраф шахси тарсу буд ва ба ҳар шахсе, ки аз ӯ гумони бад мебурд, ӯро ҳабс карда, амволашро мусодира мекард ва шахси дигарро рӯйи қор меовард.

Дар охири соли 748/1348 Малик Ашраф ба Қаробоғ рафта, Хоча Абдулҳай вазирро бо чанд амири дигар ба ҷониби Шервон фиристод. Ковус ва Кайкубод ба онҳо муқовимат нишон надода, пинҳон шуданд. Лашкари Малик Ашраф дар он ҷо харобии зиёд карданд [5, 201; 4, 562].

Соли 749 / 1348-1349 амир Худодод бо лашкари фаровон аз Гурҷистон озими урдуи Малик Ашраф гардид. Хангоми ба урдугоҳ наздик омадани онҳо Малик Ашраф ҳамроҳи амиронаш бо сари таъзим ба истиқболи амир Худодод баромада, пазирии гарму ҷӯшон намуд. Ҷонибдорони Малик Ашраф пас аз чанд рӯз аз рӯди Ирс убур намуда, дар юрти амир Худодод қарор гирифтанд ва баъди се рӯз Малик Ашраф амир Худододро ба қатл расонда, амволашро ғорат намуда, сипас ба Табрез баргашт.

Зимистони соли 1349 Малик Ашраф ба Қаробоғ рафта, моҳи муҳаррами соли 750 / март - апрели соли 1349 Хоча Абдулҳай вазирро дастгир намуд ва дар яке аз қалъаҳо ӯро маҳбус гардонид, домоди ӯ Масъуди Домғониро вазир таъйин намуд. Пас Хоча Абдулҳайро назди Киё Исмоили Рудборӣ фиристод, то ӯро дар қалъаи Аламут маҳбус нигоҳ дорад. Киё Исмоил ӯро бо эҳтироми зиёд истиқбол карда, духтаре аз наздикони худро ба никоҳи ӯ даровард.

Хоча Абдулҳай дар он ҷо масҷиде сохт ва бо мулуки Гелон муросилот оғоз намуд. Инчунин ба Малик Ашраф мактуб навишта, пайғом дод, ки ба наздикии Гелонро забт намуда, ба ӯ месупорад. Чун Малик Ашраф фаҳмид, ки Хоча Абдулҳай дар назди Киё Исмоил соҳиби эътибор аст, аз ба Аламут фиристодани ӯ пушаймон шуд. Ӯ андешид, ки агар Хоча Абдулҳайро талаб кунад, Киё Исмоил ӯро намефиристад.

Малик Ашраф, ки қаблан фарзандон ва мутааллиқони Хоҷа Абдулхайро дастгир намуда буд, ҳамаашонро ба хонахоёшон ҷавоб дод ва ҳар рӯз ба онҳо инъом ва тухфаҳо мефиристонд.

Онҳо ба Хоҷа Абдулхай нома навишта аз меҳрубони Малик Ашраф ба ӯ хабар медоданд ва ӯро даъват менамуданд, ки ба наздашон баргардад. Пас аз чанде Малик Ашраф мактубе ба хати муғулӣ навишта, бо яке аз муқаррибонаш ба назди Хоҷа Абдулхай фиристонд. Дар он мактуб зикр кард, ки пас аз рафтани ӯ аҳволи мамлакат ва навқарони ӯ номазбут аст ва ӯ ҳар чӣ зудтар бояд ба ин ҷо баргардад. Киё Исмоил ба ӯ гуфт, ки бар мамлақати Малик Ашраф эътимод нест, ба назди ӯ нарав ва ӯ туро аз дасти ман гирифта наметавонад. Вале Хоҷа Абдулхай сухани ӯро рад намуд ва бо умеди он ки аз сари нав мансаби вазириро соҳиб мешавад ва фарзандону мутааллиқони ӯ шод мегарданд, ба хизмати Малик Ашраф омад. Надимони Малик Ашраф аз омадани Хоҷа Абдулхай хабар доданд. Бо амри Малик Ашраф Хоҷа Абдулхайро ба хонаи худаш бурданд. Ҳангоми вориди хона шудан дид, ки зебу зинат дода шудааст. Пас надимони Малик Ашраф омада, ӯро ба қалъаи ан-Начақ бурда, ба ҳабс гирифтанд [5, 217-218; 9, 939].

Баҳори соли 751/1350 Малик Ашраф бо лашкари сершумор озими Исфаҳон шуд. Он замон он вилоятро амир Начибуддин бародари амир Зикриёи вазир ва Хоҷа Имоуддин Маҳмуди Кирмонӣ идора мекарданд. Малик Ашраф бо 50 ҳазор нафар сипоҳиёни худ Исфаҳонро ба муҳосира гирифт. Дар муддати 50 рӯзи муҳосира тавонист танҳо ду дарвозаи шаҳрро зери назорати худ дарорад. Дар ин айём ҳаво тафсон шуда буд ва аз лашкари Малик Ашраф бисёре талаф гашта, қисми дигар мачруҳ шуданд.

Оқибат аҳли Исфаҳон Сайид Ҳиравино, ки мучовири мазори Гулистана (русто дар 22 км шарқии Исфаҳон) буд, ба назди Малик Ашраф фиристода, пайғом доданд, ки агар мақсади онҳо забти шаҳр бошад, то дами дар бадан рамак будан мо мубориза мебарем ва агар ғараз сиккаву хутба бошад, кас фиристад, то хутба ба номи Малик Ашраф бихонанд ва сикка бизананд.

Малик Ашраф мавлоно Шарафуддини Нахчавониро ба шаҳр фиристонд ва рӯзи чумъа дар масҷиди Исфаҳон хутба ба номи Нӯшервони Одил хонданд ва ду ҳазор динори сурх сикка карда, мувозии сад ҳазор динор карбоси мисқоли ва аҷноси дигар ба берун фиристонданд. Чун Малик Ашраф дарк намуд, ки бо роҳи ҷанг Исфаҳонро забт карда наметавонад, бо роҳи Натанз озими Озарбойҷон шуда, дар Уҷон қарор гирифт [5, 220-221; 9, 941; 1, 453-454].

Бо амри Малик Ашраф бисёр амирон ва ашхоси маъруф, ки бо ӯ муҳолифат дошта, дар қалъаҳои мухталиф дар ҳабс буданд, кушта шуданд ва бедодиву зулми ӯ бар аҳоли афзун гардид.

Дар баҳори соли 752 / 1351 Малик Ашраф, ки дар Қаробоғ буд, аз рӯди Ирсу гузашт ва дар Эскишаҳр ба ӯ хабар расид, ки Дилу Боязид аз дарё убур намуда, озими Қаробоғ аст. Ба назди Дилу Боязид кас фиристонд, вале ӯ илтифот накард. Байни онҳо задухӯрд сар зад. Онҳо дар Муғон 50 рӯз ҷанг карданд ва Малик Ашраф дид, ки ғалаба муяссар намешавад, ба Табрз рафта, аз он ҷо барои ёрӣ

лашкар фиристод. Инчунин сипохиёни худро бо сарвари Алпӣ аз Ироқи ачам низ бар зидди Дилу Боязид сафарбар намуд. Алпӣ хангоми ба Қаробоғ расидан ба назди Дилу Боязид кас фиристода, бо ӯ бар зидди Малик Ашраф иттифок бааст. Малик Ашраф инро шунида, ошуфтахотир гашт. Оқибат байни Дилу Боязид ва Алпӣ ихтилоф сар зад ва сари ҳардуро аз тан чудо карда, ба назди Малик Ашраф фиристоданд. Ӯ сари ҳар дуру бар тахта ниҳода, гирди шаҳр бигардонд ва фитнаву ошуб дар шаҳр хомӯш гашт.

Пас аз ин Малик Ашраф тарки лашкаркашӣ намуда, дар Рубъи Рашидӣ сокин гашт ва ба мустаҳкам намудани гирду атрофи он машғул шуд. Пас амр дод, ки акобиру аъён ва ашхоси маъруфи Озарбойҷон ба ин мавзеъ омада, сокин шаванд ва ҳар ки метавонад иморате созад. Дар ҳама боғҳо хона сохтанд. Баъзеҳо дар масоҷиду мадорис ва шифохонаҳо сокин шуданд.

Худи Малик Ашраф аз тарси он ки бар зидди ӯ хиёнате ташкил накунад, дар хонаи торик ҷойгир шуда, бо тарсу ваҳм зиндагӣ мекард. Панҷ ҳазор нафар барои муҳофизати хонаи ӯ сафарбар шуда буданд. Ҳар сол аркони давлати худро иваз мекард ва амиронро нуйонҳоро дастгир намуда, ба қалъаҳо мефиристод ва онҳоро ё мекушт ва ё ба ҷои онҳо касони дигарро таъйин мекард. Дар ин айём ӯ духтари ҳокими Морвинро ба никоҳи худ даровард [5, 238-240; 1, 454].

Зулму таъаддӣ Малик Ашраф то дараҷае расид, ки мардуми Табрез ба вазъи ногувор дучор гардида, ба ҷон расиданд ва уламову акобиру аъёни кишвар маҷбур шуданд, ки шаҳрро тарк карда, ба шаҳру вилоятҳои мухталиф рӯ оварданд.

Ҳоҷа Шайх Куҳаҷ ба Шероз ва аз он ҷо ба Шом рафта, дар он диёр хонакоху мадрасаҳо сохт. Ҳоҷа Садриддини Ардабелӣ озими Гелон гардид. Қозӣ Муҳйиддин Бардаъӣ ба Сарой назди ҳокими Дашти Қипчок Ҷонибекхон рафт ва дар он ҷо ба ваъзгӯӣ машғул шуд. Ҷонибекхон боре дар ваъзгӯӣ Муҳйиддин Бардаъӣ ширкат кард ва Муҳйиддин Бардаъӣ дар аснои ваъз дар бораи зулми Малик Ашраф тавре сухан кард, ки аз таъсири он ҳоким ва аҳли маҷлис дар гирия афтоданд. Пас Муҳйиддин Бардаъӣ рӯй ба Ҷонибекхон оварда, аз ӯ даъват намуд, ки барои раҳони мардум аз зулми Малик Ашраф чорае андешад.

Ҷонибекхон аз суханҳои ӯ мутаассир гашта, барои лашкаркашӣ ба Озарбойҷон омодагӣ гирифт [4, 566-567; 1, 454].

Соли 758 / 1356-1357 Ҷонибекхон аз роҳи Дарбанд озими Озарбойҷон гардид. Вақте ки ин хабарро ба Малик Ашраф расонданд, аввал ӯ бовар накарда, гумон намуд ки сипохиён барои чизе ситонидан ин овозаро паҳн намудаанд, вале пас таҳқиқ дарк намуд, ки ин хабар дуруст аст. Пас ӯ амир Алӣ Қаландар, амир Тағотемур ва амирони дигарро, ки барои истихлоси Сова фиристода буд, фармуд, ки ба назди ӯ баргарданд. Малик Ашраф, ки муддати зиёде дар Рубъи Рашидӣ камин гирифта буд, аз он берун шуда, лашкари пиёдаву савораро дар назди худ ҷамъ намуд. Хотуну духтарон ва инчунин тамоми бойигарии худро, ки дар қалъаи ан-Начақ пинҳон карда буд, биёвард. Ҳазинаву амволи ӯ чорсад қатор хачир ва ҳазор қатор шутур борро ташкил мебуд. Қисме аз бойигарии худро ба сипохиёнаш тақсим намуда, бо лашкари азиме озими Уҷон гардид.

Дар ин асно хабар расид, ки лашкари Ҷонибекхон ба Ардабил расидааст. Малик Ашраф ба изтироб афтада, ба Хоҷа Луълӯ ва Хоҷа Шукруллоҳи Хозин фармуд, ки хотунҳову хазинаҳоро ба Маранд бурда, мунтазири хабари ӯ бошанд. Агар кор ба манфиати ӯ анҷом ёбад, онҳо ба Табреш оянд ва дар акси ҳол ба Хӯй раванд ва дар он ҷо бо ҳам во меҳӯранд.

Оқибат байни лашкари Малик Ашраф ва Ҷонибекхон задухӯрд ба амал омад ва Ҷонибек урдуи Малик Ашрафро пароканда намуд. Малик Ашраф бошитоб аз қафои хотунҳо ва хазинаҳояш равон гашт ва ҳамроҳонаш аз ӯ хело қафо монданд. Вақте ки ӯ ба Ағруқ расид, дар назди ӯ ба ҷуз ду ғуломи гурҷӣ касе набуд. Мардуми Маранд даст ба ғорати хазинаҳо заданд ва хотунон низ тафриқа шуданд. Малик Ашраф ин вазро дида, ба ҷониби Хӯй равон шуд. Дар он ҷо шайх Муҳаммади Болғачӣ ба истикболи ӯ баромада, дар хонааш ҷой дод ва ба назди Ҷонибекхон одам фиристода, ӯро аз ин воқеа огоҳ намуд.

Ҷонибекхон барои овардани Малик Ашраф амир Баёзро равон кард. Амир Баёз Малик Ашрафро аз Хӯй оварда, ба Табреш бурд. Ҳангоми ба Табреш омадан мардум аз бомҳо бар сари ӯ хокистар рехта, дашном медоданд. Малик Ашрафро ба хонаи Халидбекӣ волидаи Хоҷа Шайхи Кучачӣ бурданд, ки малик Ковуси Шервонӣ ва қозӣ Фаҳриддини Бардаӣ он ҷо буданд. Малик Ашраф дасти Ковусро бӯсида зориву тавалло намуд, Ковус барои халосии ӯ ваъда дод, вале оқибат ӯро назди Ҷонибекхон бурданд. Дар ҷавоби саволҳои Ҷонибекхон, ки ӯ чаро вилоятро хароб кард, ҳама гуноҳро ба сари навкарони худ бор намуд.

Ҷонибекхон Малик Ашрафро ҳамроҳи худ ба Сарой бурд. Малик Ковуси Шервонӣ ва қозӣ Фаҳриддини Бардаӣ ба Ҷонибекхон гуфтанд, ки то он даме, ки Малик Ашраф зинда аст, мардуми ин диёр дам аз осудагӣ намезананд. Пас Ҷонибекхон фармуд, ки ӯро қатл намоянд. Сари ӯро ба Табреш оварда, дар майдон бар дари масҷиди Мароғиён овехтанд [5, 292-295; 8, 663; 7, 214].

Пас аз қатли Малик Ашраф тамоми бойигарии ӯ ба дасти ғолибон гузашт ва байни онҳо тақсим гардид. Бо ҳамин ҳукмронии амирони Ҷупонӣ ба поён расид ва Озарбойҷон зери тасарруфи Ҷонибекхон гузашт.

Пас аз сукути давлати Элхониҳо ба ҷуз аз хонадонҳои фавқуззикр боз як қатор сулола ва амирони дигаре ба мисли атобакони Форс, мулуки Шабонқора, атобакони Луристон, атобакони Язд, қарохитоиёни Кирмон ва ғайраҳо дар минтақаҳои мухталиф ҳукуматҳои ниммустақили худро таъсис дода, арзи ҳастӣ доштанд, ки замони зери тасарруфи Темурланг гузаштани ин минтақа аз миён рафтанд.

АДАБИЁТ

1. Иқболи Оштиёнӣ, Аббос. Таърихи муғул ва авоили айёми темурӣ. Ҷ. I-II / А. Иқболи Оштиёнӣ. – Теҳрон: Моҳиманзар, 1386 х.ш. – 652 с.
2. Буват, Л. Таърихи муғул. Темурӣ / Л. Буват; тарҷ. М. Бехфурӯзӣ. – Теҳрон: Озодмеҳр, 1384 х.ш. – 304 с.
3. Ибни Халдун. Ал-Ибар. Таърихи Ибни Халдун. Ҷ. IV / Ибни Халдун; тарҷ. А. Оятӣ. – Чопи 1. – Теҳрон: Муассисаи мутолиот ва таҳқиқоти фарҳангӣ, 1368 х.ш. – 867 с.
4. Мирхонд. Таърихи Равзату-с-сафо. Ҷ. V / Мирхонд. – Теҳрон, 1339 х.ш. – 628 с.

5. Ҳофизӣ Абрӯ, Ш. А. Л. ибн Лутфуллоҳ, Зубдату-т-таворих. Ҷ. I / таҳия, тасҳеҳ ва таълиқот: С. Чаводӣ. – Теҳрон: Созмони чоп ва интишороти Вазорати фарҳанг ва иршоди исломӣ, 1380 ҳ.ш. – 638 с.
6. Оли Довуд, А., Олон, А. ва диг. Таърихи чомеъи Эрон (дунболаи Элхониён то зуҳури Сафавиён). Ҷ. 10 / зерӣ назари К. М. Бачнурдӣ. – Теҳрон: Маркази доирату-л-маорифи бузурги исломӣ, 1393 ҳ.ш. – 865 с.
7. Пигулевская, И. В., Якубовский, А. Ю., Петрушевский, И. П., Строева, Л. В., Беленицкий, А. М. История Ирана с древнейших времён до конца XVIII века. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1958. – 390 с.
8. Груссе, Рене. Императории саҳронавардон / Р. Груссе; тарҷ. А. Майкада. – Чопи 3. – Теҳрон, 1368 ҳ.ш. – 1016 с.
9. Фасеҳи Хавофӣ. Мучмали Фасеҳӣ. Ҷ. I–III / таҳрир ва таҳқиқ: С. М. Ночии Насрободӣ. – Теҳрон: Асотир, 1386 ҳ.ш. – 1472 с.
10. Хондамир, Ф. Ҳ. ал-Хусайн. Таърихи ҳабибу-с-сияр. Ҷ. 3 / таҳрир зерӣ назари д. М. Д. Сиёқӣ. – Теҳрон: Гулшан, 1353 ҳ.ш. – 759 с.
11. Саидов, А. Образование государства Сарбадаров Хорасана и начало правления эмира Ваджехуддина Масъуда / А. Саидов // Историк. – 2022. – № 1(29). – С. 5-15.

АМИРОНИ ЧҶУПОНӢ

Дар мақола дар бораи ҳукмронии амирони Чӯпонӣ, ки солҳои 30-50-уми асри XIV дар ҳудуди давлати Элхониҳо ҷаъолият доштанд, суҳан меравад. Аз ҷумлаи амирони маъруфи Чӯпонӣ бародарон амир Шайх Ҳасани Кучак ва амир Малик Ашраф ба шумор мерафтанд, ки онҳо фарзандони амир Темуртош писари амир Чӯпон буданд. Шайх Ҳасани Кучак соли 1343 аз ҷониби завҷааш ба ҳалоқат расонда мешавад, ки он замон амир Малик Ашраф дар Форс буд.

Ӯ хабари қатли бародарашро шунида, озими Озарбойҷон мешавад ва бар душманони худ голиб омада, ҳокимиятро ба даст мегирад. Ӯ амирон ва ашҳоси маъруфи дигарро, ки бо ӯ муҳолифат доштанд, ба қатл расонда, нисбати аҳоли зулми зиёд менамояд. Бедодгарии ӯ то дараҷае мерасад, ки мардум барои имдод ба ҳокими Дашти Қипчоқ Ҷонибекхон муроҷиат менамоянд ва ӯ ба Озарбойҷон лашкар кашида, Малик Ашрафро ба қатл мерасонад ва бо хамин ҳукмронии амирони Чӯпонӣ ба анҷом мерасад.

Калидвожаҳо: *амир, лашкар, Шайх Ҳасани Кучак, Малик Ашраф, Озарбойҷон, Табрез, Исфохон, қатл, набард, тахт, Ҷонибекхон.*

ЧУПАНСКИЕ ЭМИРЫ

В статье говорится о правлении Чупанских эмиров, правивших на территории государства Илханидов в 30-50-е годы XIV века. Из числа известных Чупанских эмиров были братья эмир Шейх Хасани Кучак и эмир Малик Ашраф, которые являлись сыновьями эмира Темуртоша, сына эмира Чупана. В 1343 году, когда эмир Малик Ашраф находился в Персии, шейх Хасан Кучак был убит своей женой.

Услышав известие об убийстве своего брата, он отправляется в Азербайджан, и, победив своих врагов, приходит к власти. Он казнил эмиров и других известных людей, которые были настроены против него. Началось сильное притеснение народа, и его жестокость дошла до такой степени, что народ обратился за помощью к правителю Дашти Кипчака Джанибекхану, и тот ввёл войска в Азербайджан, казнил Малика Ашрафа, и на этом правление Чупанских эмиров подошло к концу.

Ключевые слова: *эмир, войско, Шейх Хасан Кучак, Малик Ашраф, Азербайджан, Тебриз, Исфакан, казнь, борьба, трон, Джанибекхан.*

CHUPAN EMIRS

The article talks about the reign of the Chupan emirs, who ruled on the territory of the Ilkhanid state in the 30-50s of the 14th century. Among the famous Chupan emirs were the brothers Emir

Sheikh Hasani Kuchak and Emir Malik Ashraf, who were the sons of Emir Temurtosh, son of Emir Chupan. In 1343, while Emir Malik Ashraf was in Persia, Sheikh Hasan Kuchak was killed by his wife.

Hearing the news of the murder of his brother, he goes to Azerbaijan, and, having defeated his enemies, comes to power. He executed emirs and other famous people who were opposed to him. Strong oppression of the people began, and its cruelty reached such an extent that the people turned for help to the ruler of Dashti Kipchak Janibekhan, and he sent troops into Azerbaijan, executed Malik Ashraf, and with this the reign of the Chupan emirs came to an end.

Key words: *peace, army, Sheikh Hasan Kuchak, Malik Ashraf, Azerbaijan, Tabriz, Isfahan, execution, struggle, throne, Janibekhan.*

Сведения об авторе: Саидов Абдукахор - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. ак. Раджабовых, 7. E-mail: Saidov.45@mail.ru.

Information about the author: Saidov Abdukakhor - Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Ancient, Medieval and Modern History of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. ac. Radjabovs, 7. E-mail: Saidov.45@mail.ru.

УДК: 94(575)"1920/1923":355.48

БОРЬБА С БАСМАЧЕСКИМ ДВИЖЕНИЕМ И УПРОЧНЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ И ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ В 1920 – 1923 ГГ.¹

АКРАМОВ М. И.,

Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

После победы Бухарской народной революции 2 сентября 1920 года власть в Бухаре перешла в руки революционных комитетов и народных назиров. С момента образования шестого октября 1920 года Бухарской Народной Советской Республики (БНСР) её правительство столкнулось с трудностями экономического, политического и военного характера. Эти трудности были использованы классовыми врагами для разрушения республики. Бухарская Народная Советская Республика не смогла бы решить эту задачу без помощи Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и российского пролетариата [1, 404].

¹Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа» (Таджикистан в период Советского Союза), государственный регистрационный номер 0121 ТД 1200.

Четвёртого марта 1921 года в Москве был подписан договор между БНСР и РСФСР о союзнических отношениях, согласно которому РСФСР безвозмездно передала в дар БНСР все предприятия, имевшиеся у России на территории бывшего Эмирата. РСФСР также обязалась направлять в БНСР специалистов различных специальностей. Четвёртого марта 1921 года было так же заключено экономическое соглашение, по которому Советская Россия обязалась удовлетворить потребности промышленности в товарах, средствах производства, деньгах и технических кадрах. Де-юре отношения считались союзом двух государств. На самом деле Россия считала БНСР своей составной частью и имела на это историческое право. В 1921 году РСФСР отправила в БНСР чай, кожу, лес, уголь, промышленные товары, промтовары и швейные машины [4].

Двадцать первого марта 1921 года между Бухарой и Россией был подписан военно-политический договор, явившийся одним из главных целей - закрепления достижений победы Октябрьской социалистической революции в Бухаре. Учитывая экономическую политику и военную помощь России, 2 февраля 1921 года Бухарский ревком принял постановление о национализации земли, воды и леса. При помощи трудящихся стали проводиться крупные социальные преобразования, направленные на улучшение положения самих трудящихся масс. Для этого нужно было завоевать доверие народа БНСР. С этой целью в 1921 году в Душанбе прибыла рабочая группа советских и партийных работников.

В стране начались экономические, социальные и культурные преобразования. Однако свергнутый класс навязал массам гражданскую войну, главной силой внутренних контрреволюционных сил, которых в Таджикистане являлось басмачество. Именно басмаческое движение отразило характер гражданской войны в Таджикистане. Лидеры басмаческих формирований, используя религиозные убеждения местных жителей, вели агитацию за непримиримую борьбу против советской власти. Вели ложную пропаганду идей, основанных на духовных ценностях ислама - любой, кто боролся за советскую власть или поддерживал ее, считался неверующим. Многие басмачи, бывшие простыми дехканами, из-за их низкого уровня понимания, слабого экономического развития в стране всё еще верили в правоту баев, беков и мулл, не понимая сути их пропагандистских призывов[4].

Учитывая складывающуюся военно-политическую ситуацию в Средней Азии, иностранные империалисты оказывали помощь басмаческим бандам, снабжая их оружием. Поддерживаемое внешними и внутренними контрреволюционными силами, басмачество стало мощным антисоветским вооружённым движением в Таджикистане.

Еще одной причиной усиления басмаческого движения в Таджикистане стало то, что после изгнания эмира Алимхана некоторые лидеры БНСР, оказались предателями Советской власти [9]. Используя свои полномочия, они назначали в местные органы ярых врагов революции. В их числе были сторонники бухарского эмира. Так, например Давлатманбий, Эшан Султан-Эшан Дарвазский, Авлиёкульбек - бывший бек Гиссара, были избраны главами рев-

комов. Дело доходило до того, что Давлатманбий и Эшан Султан были признаны лучшими работниками БНСР и награждены государственными орденами и медалями. Пользуясь своим служебным положением при ревкомах, эти люди использовали политически неграмотных людей, направляя их для изъятия имущества у якобы зажиточных дехкан, грабя при этом мирное население. В подобной складывающейся ситуации люди, выражая негативное отношение к Советской власти, вступали в ряды басмаческих групп [2, 23].

Первыми организаторами басмаческих банд были Давлатманбий в Бальджуване, Ашур - туксабо в Кулябе, Тугайсари в Кызылмазаре (Восейский район), Ибрагимбек в Лакае (Яванский и Рудакинский районы), Эшан - Султан в Дарвазе и Фузайл Махсум в Каратегине. Главным лозунгом басмачей был газават - борьба с неверными. Духовенство, в свою очередь, заставляло население снабжать басмачей пропитанием и фуражом. Большинство лидеров басмачей были богатыми людьми, чиновниками и уголовниками. Одним из них был Ибрагимбек Чакабой по прозвищу «вор». Он родился в 1889 году в семье из рода Эсанходжайён в Кукташе. За свою службу Ибрагим Галу получил от бека Гиссара право получать в свою пользу доход от мельниц, и налог - закят от 12 дворов. В Душанбе он находился в распоряжении эмира Алимхана. Во время бегства эмира Алимхана в Афганистан, он сопровождал его до селения Чубек, а сам отправился в дом своего тестя Абдукаюма в селе Каросуви Дангара. Именно Ибрагимбек был причастен к подготовке басмаческого выступления и событиям 1921 года в Восточной Бухаре [1, 33].

Исторический момент борьбы противоборствующих сил достиг своего апогея - население Таджикистана разделилось на два лагеря - сторонников Советской власти и сторонников эмира. Сторонники эмира и баи, опасаясь нарастающей консолидации народных сил и укрепления Советской власти, решились на контрреволюционное выступление.

В июле 1921 года, по всей Восточной Бухаре вспыхнули беспорядки. Первоначально басмачи проводили отдельные вылазки отдельными группами. Позже, не выдержав натиска Красной Армии, они примкнули к бандам лидерами которых были Ибрагимбек

(из Лакая), Эшан - Султан (из Дарваза), Фузайл Махсум (из Каратегина), Хуррамбек (из Сурхандарьи) [6].

Ибрагим изначально входил в состав банды Каюма Парванаги. В грабежах и насилиях Ибрагим быстро прославился и стал лидером своей банды басмачей. Под его руководством в конце августа басмачи попытались захватить крепость Куляб, но защитники крепости узнали об этом и организовали сопротивление. 11 июля 1921 года Ибрагимбек направил на помощь сардару Умаркул Саидову в Чубак отряд Абдурахмана Гузака. Но навстречу басмаческим бандам выступил кавалерийский отряд красноармейцев из Чубака. Басмачи были вынуждены отступить. На следующий день 120 конных красноармейцев отправились в Муминабад, где вступили в бой с превосходящими силами шестью ста (600) басмачами. В результате боестолкновения восемьдесят басмачей были убиты, а

остатки скрылись бегством с поля боя. Это первое крупное поражение басмачей. Эта военная группа отправилась в Файзабад, а Ибрагим захватив Куляб, убил членов областного ревкома. На собрании представителей эмира, Ибрагим объявил себя беком и главнокомандующем всех басмаческих формирований, приняв титул Ибрагим - бека. Оставив Давлатманбия (таджика) и Тугайсари (узбека) в Кулябе, сам направился в район Лакая. В Каратегине и Дарвазе Фузаил Махсум и Эшан - Султан восстановили эмират [6, 83, 93].

В сентябре 1921 года, в Султанабаде состоялось собрание лидеров басмачей. Ибрагимбек объявил о свержении советской власти в Гарме и Кулябе. Посланник эмира - Ахмадбек заявил, что Великобритания собирается начать войну против Советов. Эмир также намерен с большой силой прийти в Бухару. Ахмадбек преподнес Ибрагимбеку подарок от эмира — молебный коврик с надписью «Мухаммаду Ибрагимбеку — Великому полководцу», и тем самым возведя его в титул бека вместо прозвища «галу». Ибрагимбек выбрал местом своей резиденции кишлак Мазари-Мавлоно, и оттуда разослал весть в дальние и ближние села о начале «газавата» и упразднении красноармейских гарнизонов [1, 36]. До середины августа 1921 года в Восточной Бухаре Советская власть существовала только в селах, где стояли гарнизоны Красной Армии [8]. Кроме того, Усмонходжа Пулодходжаев, председатель ЦИК БНСР и его брат Атуллоходжа, представитель ЦИК БНСР в Восточной Бухаре, в сопровождении турка Сурайя Эфенди способствовали усилению басмаческого движения в Восточной Бухаре. Они назначали на ответственные посты в правительстве врагов, которые грабили народ и настраивали его против советской власти. Пулодходжаев назначал на руководящие должности лидеров басмаческих группировок. Кроме того с басмачами было заключено соглашение.

Двенадцатого августа 1921 года в Бальджуване Атуллаходжа с Давлатманбием подписали соглашение, с представителями басмаческих банд Куляба, Каратегина, Дарваза, Гиссара Вахша, состоящее из 8 статей [2, 28]. По этому соглашению Красная Армия должна была быть выведена из Восточной Бухары, а район передан басмачам. В соглашении также шла речь об устранении некоторых активных членов революционных комитетов. В частности, по их приказу были освобождены из тюрем враги Советской власти, а также из числа коллаборационистов назначены и выдвинуты на различные советские должности. Фактически договор предусматривал отмену Советской власти в Восточной Бухаре. Как указано в договоре, «Заменить все гарнизоны российских войск и Бухарской Красной Армии в Восточной Бухаре. Всю Священную Бухару следует очистить от русских войск и включить в центральное и местное управление Бухары влиятельных религиозных деятелей. Двенадцать советских активистов, названных в договоре, должны быть наказаны, иначе договор не вступит в силу. Подпись: Чрезвычайный и Полномочный посол по делам Восточной Бухары Атуллоходжа Пулодходжа, Давлатманбий, Камолиддинбий» [2,35]. После этой встречи Атуллоходжа вернулся в Бухару и назначил на своё место Шахзода, который начал формировать в Вахшской долине новые басмаческие отряды.

Фактически, после этого соглашения борьба с басмачеством в Восточной Бухаре замедлилась. Части Гиссарской экспедиции были передислоцированы в Самарканд, а те воинские части, которые были переброшены в Восточную Бухару, не могли заменить Гиссарского отряда. Словом, басмачи всесторонне подготовившись, приступили к захвату Душанбе. Атака началась 21 сентября 1921 года. Ибрагимбек осадил Душанбе и потребовал от гарнизона сложить оружие. Командир гарнизона Т. Морозенко, его заместитель Мухин и генеральный консул РСФСР в Душанбе Нагорный подготовили город к бою и отправили в Файзабадский гарнизон гонцов с просьбой о помощи. Душанбинский гарнизон 22 дня непрерывно отражал атаки войск Ибрагимбека. 14 октября на помощь душанбинскому гарнизону прибыли 100 красноармейцев из Файзабадского гарнизона. Совместными усилиями красноармейцев блокада Душанбе была прорвана, басмачи получили отпор. Это в значительной мере деморализовало ряды басмачей, чем воспользовалось советское руководство, начав психологическую атаку против басмачества. В тот же день, 14 октября, 100 красноармейцев с двумя пулеметами атаковали деревню Мазари-Мавлоно, вызвав панику среди басмачей. Увидев, что силы Красной Армии брошены на район Мазари Мавлоно, Ибрагимбек снова напал на Душанбе, но потерпел поражение и ретировался.

Советская армия одержала крупную победу, но эта победа не означала окончательного разгрома басмачества и конец гражданской войны. Мировой империализм не оставлял попыток уничтожить Советское государство и сыграло не маловажную роль в усилении басмаческого движения. С этой целью в сентябре 1921 года в Бухару был направлен Энвер Паша, бывший министр обороны Турции, имевший генеральское звание. После первой мировой войны и прихода к власти в Турции правительства младотурков ему пришлось покинуть эту страну. И он не оставляя надежды ещё раз проявиться в мировой политике сошёлся с представителями Коминтерна в Берлине и принял предложение об участии в событиях в Средней Азии, заверив что сможет положить конец басмаческому движению, убедив рядовых людей в бандах перейти на сторону Советской власти. Реальность оказалась другой. Политический авантюрист вынашивал планы под идеями пантюркизма создание пантюркистского государства. Энвер получил право приехать в Бухару с помощью правительства БНСР. В сентябре 1921 года в Баку проходил Конгресс восточных мусульман в поддержку Коминтерна, и Энвер присутствовал на нем неофициально. Представители БНСР пригласили его в Бухару. По пути в Бухару Энвер - Паша внезапно меняет направление через Шурабад, Термез-Кабодиён и появляется у Ибрагимбека в Кокташе. Здесь он был объявлен лидером всех бухарских и туркестанских басмачей. Энвер - Паша и лидеры басмаческих группировок приступают к планированию дальнейшей борьбы против советской власти.

На территории Восточной Бухары до декабря 1921 года советская власть сохранялась только в Душанбе. 9 декабря свергнутый эмир Бухары Алимхан приказал Ибрагимбеку захватить Душанбе. В этот же день в Душанбе произо-

шло предательство. Черезвычайный представитель от БНСР в Восточной Бухаре Усмонходжа Пулодходжаев отдал распоряжение коменданту гарнизона Т. Морозенко, его заместителю Мухину в присутствии военного консула РСФСР в Душанбе Нагорному разоружить гарнизон. Но решение первоначально не было подписано. Представители правительства БНСР Пулодходжаев, Али Ризо, Фаррух, Халила и Данияр вынудили Морозенко, Мухина и Нагорного подписать приказ о разоружении гарнизона и взяли их под стражу. Усмонходжа Пулодходжаев и Али Ризо разоружили 3-й батальон 7-го полка. Кто-то из неизвестных горожан сообщил 2-му батальону о действиях Пулодходжаева и Али Резы. Поэтому 2-й объявив тревогу, вооружив личный состав батальона, приготовился к бою [2] В сложившихся условиях Ибрагимбек со стороны кишлака Шохмансур напал на Душанбе. Бой длился три дня. Гарнизон из 550-600 человек, осажденный с четырех сторон, оказали героическое сопротивление и отстояли гарнизон. Басмачи были вынуждены отступить. Однако ситуация в самом Душанбе оставалась сложной. Начальник Душанбинского гарнизона Владимир Мартыновский в донесении штабу Туркестанского фронта сообщал о критическом положении, в котором оказались красноармейцы, и просил скорейшей помощи: «Болезни и истощение вывели из строя 80% личного состава. Десятки красноармейцев убиты и ранены. Осуществить прорыв из плотного кольца окружения практически невозможно» [13]. Басмачи взяли под свой контроль всю территорию вокруг Душанбе. Вновь назначенный вместо Дурова Генеральный консул РСФСР Нагорнов начал переписку с Энвером и Ибрагимбеком [7,271].

Выход из этого казалось, безвыходного положения был найден чекистами осажденного гарнизона, которые были хорошо осведомлены об отношениях между различными осаждавшими Душанбе группировками. Местному ЧК было известно, что соглашение о сотрудничестве между Ибрагимбеком, Энваром-Пашой и джадидами с обеих сторон было продиктовано конъюнктурными соображениями.

Тщательно взвесив эти обстоятельства, чекисты разработали план вывода гарнизона из Душанбе, ключевым участником которого неожиданно оказался Ибрагим-бек. Руководствуясь этим планом, начальник гарнизона направил Ибрагимбеку письмо с предложением заключить взаимовыгодное сепаратное соглашение. В конце концов, басмачи пообещали защитникам гарнизона, что дадут коридор и откроют гарнизону дорогу при условии, что те покинут Душанбе. Они даже пообещали дать корм лошадям. Это произошло 20 декабря 1921 года, но гарнизон отклонил это требование. Только после получения приказа от начальства, душанбинский гарнизон в ночь с 14 на 15 февраля 1922 г., получив приказ, покинули территорию гарнизона и 22 февраля 1922 г. вышел к Байсуну. Советская власть была упразднена на всей территории Восточной Бухары. Ибрагим-бек стал фактическим правителем Гиссарской долины - правда, ненадолго. Уже летом 1922 года красные части вернули утраченные позиции. Лидер басмачей и его отряды спешно покинули Душанбе.

На захваченных территориях Ибрагимбек установил режим эмирской власти и изгнал всех членов ревкомов и сторонников советской власти. Энвер недовольный действиями Ибрагимбека, отправился в Сурхандарью, где орудовали отряды басмачей под руководством Абдул Каххара.

Узнав о прибытии Энвера, воодушевлённые басмачи намеревались напасть на Бухару. Угроза нападения басмачей на Бухару становилась явной. В целом басмаческое движение активизировалось по всей Средней Азии.

Двадцать второго февраля 1922 г. политбюро ЦК ВКП (б), обсуждая «Положение в Бухаре», приняло решение, что Реввоенсовет России выделит средства для немедленной ликвидации басмачества в Бухаре. 1 марта Политбюро обсудило вопросы «Об укреплении войск в Восточной Бухаре», а 13 марта — «О Бухаре». Шёл поиск путей решения оказания практической помощи. 20 апреля 1922 г. Политбюро обсудило вопрос о Туркестанском фронте, для выяснения сложившейся военно-политической ситуации в Ташкент был направлен К. Орджоникидзе. Позже он приехал в Бухару. Были также приняты меры по включению Коммунистической партии Бухары в состав РКП (б) (февраль 1922 г.) и преобразованию Туркестанского Политбюро РКП(б) в Среднеазиатское бюро РКП(б) (май 1922 г.), организация работы Чрезвычайной диктаторской комиссии по Восточной Бухаре (февраль 1922 г.), а также формирование 13 стрелкового корпуса из лучших военных частей Красной армии Советской России из числа первой конной армии М. Будённого и 25-й дивизии Чапаева В.И. Это было беспрецедентным событием в Средней Азии. Эти события были крупной военной компанией против объединённых басмаческих банд, руководимых Энвером – Пашой [14,100].

Басмачи тоже пополняли свои ряды и реорганизовали свои боевые отряды по европейскому образцу. Энверу удалось сформировать армию из 20 000 басмачей. Армия басмачей имела штаб, реанимацию, госпитали и заставы. В эти отделы входили и возглавляли Орипов, Али Реза, Сурайё Эфенди, Махсум Фузаил, Хасан, Данияр, Эшони Султон. Штаб-квартира Энвера была расположена между селениями Байсун и Юрчи.

По его инициативе Энвера - Паши в селе Карасу был организован сбор мулл, эшанов и басмаческих лидеров, на котором объявили Газават – «священную» войну против Советской власти. Однако, приготовления басмачей не остановили боевой настрой борьбы против басмачества, и наступательная инициатива перешла к Красной Армии. В начале июня 1922 года было нанесено поражение в окрестностях Бухары басмаческой банде, возглавляемой Абдука-хором. Также потерпел поражение Данияр, разрозненные силы которого присоединились к Энверу - Паше.

Войска 13-го корпуса Красной армии Басмаческого фронта, отныне стали называться частями Бухарских войск. Они были разделены на два крыла (колонны) «левое» и «правое». Правое крыло во главе с Никитиным должно было пройти через Шурабад-Кокайты-Термез-Кабодиён-Курган-Тюбе-Куляб в Бальджуван, а «левое» крыло от Байсуна во главе с Я. М. Мелкумовым должно было

двигаться в направлении Дехнау-Гисар-Душанбе, Кофарнихон, Файзабад и Бальджуван. В составе «левого» крыла военная группировка выдвигалась из Самарканда в Пенджикент и Мастчу, расчищая верховья Зеравшана.

Стратегическая цель заключалась в том, чтобы предотвратить рассредоточение басмаческих групп или уход их за границу.

Пятнадцатого ноября 1922 года правое и левое крыло Советской Армии начали своё наступление, освобождая территории от басмаческих банд во главе с Энвер - Пашой. В ходе боестолкновения в окрестностях Байсуна и Кафрюна, Энвер оказал сильное сопротивление. Но уже 16 июня в результате успешных боевых действий советские войска освободили Миршоди, а 17 июня того же года Дехну и Юрчи. Энвер отступил через Тангимушское ущелье и Сурхандарьинскую долину, где обратился за дополнительной помощью к афганскому военному министру. По просьбе Энвера в июне и июле 1922 года афганское правительство направило Энверу - Паше 800 афганских сарбазов. Финансовую поддержку этим афганским наемникам оказывал бывший эмир Алимхан.

Восемнадцатого, 19 и 20 июня в окрестностях вокруг селения Сарыассия и на берегах реки Тупалангдаря вспыхнули ожесточенные бои, в результате которых Энвер понёс тяжелые потери. 30 июня 1922 года правительство БНСР направило правительству Афганистана ноту протеста, с требованием прекратить военную помощь Энверу - Паше. Воспользовавшись первоначальным успехом своей операции, войска 13-го корпуса до 1 июля перекрыли границу с Афганистаном в Вахшской долине до Сарай Камара, чтобы не допустить проникновения войск Анвара в Афганистан и афганских войск в Восточную Бухару. Левое крыло 13-го корпуса 1 июля заняло Регар, Гиссар и Курган-Тюбе. Ожесточенные бои произошли в селе Аргамчини Каратага. Энвер отошёл к Душанбе и готовился к обороне. 14 июля 1922 года Советские войска с боем заняли Душанбе [14, 105]. Армия Энвера распалась. Мастчинские басмачи во главе с Рахмондохоном рассеялись в отрогах Гиссарского хребта, каратегинские и дарвазские басмачи во главе с Махсумом Фузайлом и Эшан Султаном ушли в Янгибазар, а остальные во главе с Энвером ретировались в Кокташ и Лакайскую долину. Ибрагимбек оставив Энвера в районе Кокташа, сам отправился в Рангонские горы. Анвар переправился через перевал Фахробад в Вахшскую долину и намеревался захватить Курган-Тюбе, но потерпел поражение от кавалерии 15-го советского полка и направился к Сангтуде.

Предугадав тактику Энвера, 16-й кавалерийский полк раньше него достиг Сангтуды. Энвар с 5000 войсками устремился к Сангтуде. Однако группа войск Давлатманбия не выдержала огня Красной Армии и отступила. Воспользовавшись замешательством в рядах басмачей, Красная Армия нанесла удар по левому флангу армии Энвера и нанесла по его войскам чувствительный удар. Вновь потерпев поражение в бою, Энвер направился к Бальджувану. В Бальджуване Энверу удалось собрать свои войска. 17-18-19 июля 1922 г. в Бальджуване завязался ожесточенный бой, в котором Энвер потерпел поражение. Красная армия, неотступно преследуя басмаческие формирования, 20 июля заняла Бальджуван.

Энвер с 500 солдатами, в основном афганцами, отступил в сторону села Обдара. За битву при Бальджуване 15-му кавалерийскому полку было присвоено звание «Бальджувандской». 4 августа Энвер попытался прорваться сквозь ряды советской армии и выйти через селение Бахорака за границу. Но ему это не удалось. 15-й кавалерийский полк незаметно для Энвера неожиданно вышел в тыл басмачам. 16-й полк вступил в открытый рукопашный бой. Энвер умер после пятого ранения. Давлатманбий также погиб. Десяткам басмачей во главе с Даниярбием удалось прорвать окружение и скрыться. 4 августа завершилось басмаческое движение под предводительством Энвера – Паши [2].

Девятнадцатого августа 1922 года Всебухарский съезд Советов, получив известие о гибели Энвера, выразил благодарность Красной Армии. Эта была большая победа Советской власти, но гражданская война на этом ещё не была завершена. Ибрагимбек контролировал большую часть современных районов Рудаки, Яван и Хуросон. Рашт и Дарваз находились под контролем Махсума Фузайла и Эшана Султана. После уничтожения Энвера, советские войска начали операцию по ликвидации банды Ибрагимбека. Однако военная ситуация изменилась после появления в Восточной Бухаре Сами - Паши.

По инициативе британского правительства после разгрома Энвера в Кабуле в присутствии Алимхана был проведен митинг, где лидерами басмачей и их организаторами были Мухаммадешон и Ишангози из Афганистана, Кази Кузудва Азим Афанди из Ташкента, Кори Афанди из Ферганы и 4 человека из Бухары – в том числе Усмонходжа Пулодходжаев и Ориф Хомид, от туркменов - Мулло Мохаммад. На этой встрече, в присутствии Алимхана, У. Пулодходжаева, Кори Афанди и представителей иностранных правительств, был сформирован центр руководства басмаческим движением в Центральной Азии. Также было объявлено, что Сами - Паша, будучи одним из помощников Энвера, является инициатором объединения среднеазиатских басмачей. В октябре 1922 года Сами прибыл в Дарваз через Калайхумб. Он воспользовался соперничеством между Эшаном - Султаном и Фузайлом Махсумом. Превосходство сил Фузайла Махсума вынудило Сами - Пашу встать на его сторону. По инициативе Сами, Фузайл Махсум двинулся на Дарваз и в Вандже Ишан Султан и его брат Эшан Сулаймон были убиты. Фузайл Махсум объявил себя эмиром Каратегина и Дарваза. В свою очередь Фузайл Махсум признал Сами преемником Энвера и отправил вместе с Сами - Пашой отряд из 500-600 человек во главе со своим братом Сахдоном (Сахдодом) в Кулябскую долину. Но поначалу басмачи Куляба не примкнули к Сами.

Причина заключалась в том, что саамские силы Сами Паши не были реалистичны в отношении создания единого исламского государства, освобождения мусульман от большевизма и с чисто религиозной точки зрения. Сами был представителем шиитского направления Ислама, а жители Средней Азии были в основном суннитами. Поняв это, по некоторым данным, в декабре 1922 года, Сами взял в жёны вдову Давлатманбия сменил имя на Салим Пашу. После этого случая басмачи Кулябской области признали его. В декабре 1922 года, Салим

осадил Куляб. В течении 15 дней в результате непрерывных атак был уничтожен военный гарнизон красноармейцев в составе 60-70 бойцов. Начальник гарнизона Гольцев приказал бойцу Абдулназиру тайно покинуть гарнизон и сообщить о происшествии в Кангуртский гарнизон. Абдулназир дошел до Кангурта, но войска 15-го полка не успели прийти на подмогу. Салим захватил Куляб и уничтожил оставшихся красноармейцев, у которых просто кончились патроны. Захватив Куляб, Салим Паша не смог в нём удержаться. Прибывший 15-й полк кавалеристов выбил его из Куляба. После этого поражения, Салим решил выступить в Гиссарскую долину. Однако на перевале Фахрабад произошел ожесточенный бой с отрядами Красной армии, и он не смог войти в Гиссарскую долину. Повернув свои силы в сторону Курган-Тюбе, Салим Паша захватил его (февраль 1923 г.) прибыл в селение Шурабад в районе Эсанбая, и перешёл под командование Ибрагимбека. В Шуренбоше он провел совещание лидеров басмаческих формирований и разослал во все округа свои «приказы». Эти «приказы» в основном касались убийств советских чиновников. Один из приказов гласил: «...каждый мусульманин обязан оказывать всяческое содействие исламу. Те, кто не будет содействовать басмачам и будет признан виновным измене, будут приговорены к смерти».

После идеологической пропаганды и проведённой организационной работы в своих военизированных формированиях Салим поручил Ибрагимбеку вести борьбу против Красной Армии в Гиссарской и Вахшской долинах, а сам двинулся на Гузар и Карши [2]. Целью этих басмаческих действий было присоединение к нему разрозненных басмаческих банд Центральной и Западной Бухары. Его действия носили провокационный характер – выдавая себя за сторонника Советской власти, он грабил села вокруг Самарканда, чтобы настроить народ против Советской власти. Во время грабежа и разбоев некоторые из басмачей даже говорили по-русски. Но лидер басмачей - Салим Паша, просчитался. Коренные жители уже знакомые с деятельностью Советской власти стали склоняться на сторону нового правительства. Это было одним из величайших достижений в борьбе с басмачеством. К тому же, Салим не смог объединить басмачей Центральной и Западной Бухары. Основной причиной была проведённая операция 13-го корпуса Красной армии, которым командовал Лисовский, а затем П.А. Павлов. В марте Салим потерпел окончательное поражение в районе Карши, и его войско распалось на его сторонников и вышедших из-под его руководства басмачами.

Ибрагимбек снова вышел на первый план в басмаческом движении. После поражения в Карши и распада своих сил, Салим Паша попытался перейти границу, но потерпел поражение в Келифе и был вынужден вернуться в Гиссарскую долину. Он потерял свой авторитет среди басмачей и больше не мог объединить под своё руководство басмачей.

Во второй половине мая 1923 г. Салим созвал курбашей Боботога, Хонако и Файзабада в Лакае и решил повести их всех на левый берег реки Вахш. Но Ибрагимбек обладал большим влиянием, и у него было больше шансов подчинить

себе основные силы басмачества. В его распоряжении было до пяти тысяч басмачей. Ибрагимбек еще не потерпел фатального поражения. Напряженность между Ибрагимбеком и Салим - пашой возрастала. Противостояние между Салимом и Ибрагимбеком, а также между Ибрагимом и Фузайлом Махсумом, не позволило объединиться бандам басмачей в реальную силу.

В начале июня 1923 года состоялся последний бой у Салима - паши и его банды. В селении Аулкиик Ибрагимбек осадил 2-й Туркестанский конный полк. Салим, тоже пришел в это село с двумя тысячами бойцов. Два басмаческих лидера опасались друг друга и действовали не скоординировано. Командир полка Панкеев воспользовался их несогласованностью, чтобы атаковать войска Ибрагимбека.

Первый кавалерийский полк под командованием Мельникова нанёс удар по басмачам Салима и Ибрагимбека. Ибрагимбек и Салим потерпели поражение. Они потеряли более 800 человек в боях у Гулькибуллы, Бешбулака, Аулкиика и перехода Кызылкала (18-21 мая 1923 г.). После еще нескольких поражений 15 июля 1923 года, Салим бежал в Афганистан через проход Хирманчай. Полуторатысячная банда Ибрагимбека распалась на небольшие группы и скрылась в Боботаке, Лакае и Вахше. В июле-августе 1923 года Каратегин и Дарваз были освобождены Красной Армией. Для освобождения Каратегина и Дарваза была организована специальная экспедиция, известная как «Политико-экономический и культурно-экспедиционный отряд». Эта экспедиция имела два центра: Файзабадский и Истрафшанский и возглавлялась Е.Н. Швецовым. Е. Н. Швецов был также командиром Самаркандской экспедиционной группы. Командиром Файзабадской группы был И. Баранов. Швецов Е.Н. разгромил басмаческие банды верховья Зеравшанского хребта, прошел через переход Дубурса вышел на правую сторону района Сорбут, разгромил отряды Холбутта в горной местности области Хирсуна, Сиёхдара и спустился к селению Шингилич.

Одновременно И. Баранов, разгромив силы Фузайла Махсума в Оби Гарме, 29 июля 1923 года с боями освободил селения на правом берегу Вахша (Алиглабон, Сичарог (Сечрог), Чорсада, Пумбачи, Гарм). В результате ожесточенного шестичасового боя Фузайл Махсум отступил в Тавильдару, Чильдару и дальше скрылся в Калай Хумбе [2, 37].

Одиннадцатого августа экспедиционные войска заняли Калай Хумб. 12 августа 1923 года Фузаил Махсум потерпел тяжелое поражение под Бальджуваном и вместе со своим братом Сааданом бежал в Афганистан. В сентябре-октябре 1923 года Ибрагимбек вновь сумел объединить басмачей под своё руководство, с отрядом в 5000 человек активизировался в Яване и Даханакике.

В боестолкновениях при Урта-Кайнаре, Нарыне, Джончике было убито более 1000 басмачей. Именно в этот период Советская армия имела явное преимущество перед басмачами. По архивным данным, в составе Советской Армии в Восточной Бухаре было 5832 солдата с 222 пулеметами. В стычке в селении Джончик, Ибрагимбеком и группой из 3800 всадников, вооруженных шестью автоматами и примерно 20 английскими автоматами, были окружены 1520 со-

ветских военнослужащих, из них 800 с саблями и 720 винтовками, 5 пулеметными группами и 16 пулеметами были взяты в плен. Но поражение было небольшим. В декабре 1923 года в Восточной Бухаре осталось всего около 1500 басмачей. Таким образом, второй антибасмаческий поход, подготовленный и проведенный против Салима, закончился разгромом крупных групп басмачей со всей Восточной Бухары. Так закончилась гражданская война в Таджикистане. Но движение басмачества все еще продолжалось. Басмаческое движение превратилось в грабеж и разбой населения, утратило свой политический характер и приобрело характер преступности.

Ушедшему в 1922 году в Афганистан Ибрагимбеку, удалось снова собрать и пополнить ряды своей басмаческой банды, деятельность которой приобрело форму транснациональной организованной преступности. Объединив под своё руководство деклассированные слои таджиков и узбеков северного Афганистана, дестабилизировал её северные провинции и оттуда совершал бандитские вылазки на территории Восточной Бухары.

В 1924 -1925 годах Ибрагимбек организовал и возглавил новый поход отрядов басмачей на территорию Восточной Бухары, но к июню 1926 года был разгромлен и вынужден снова отступить в Афганистан.

Под давлением нового афганского правительства Надирхана и ряда проведенных совместных с ОГПУ правительственных войск Афганистана против Ибрагимбека, он вынужден быть вновь перейти советско - афганскую границу, рассчитывая получить поддержку от недовольных советской политикой дехкан на Родине.

Тридцатого марта 1931 года Ибрагимбек со своим отрядом вторгся на советскую территорию и начал наступать вглубь территории СССР.

Для устранения возникшей угрозы и разгрома сил Ибрагимбека были привлечены части 7-й отдельной Туркестанской кавалеристской бригады, Таджикского стрелкового батальона, 83-го Бегалинского полка 8-й отдельной кавалеристской бригады, узбекской кавалеристской бригады, киргизского кавалерийского дивизиона, 3-й Туркестанской горнострелковой дивизии, 9-й и 10-й горнострелковых дивизий САВО [7,416].

К началу июня 1931 года в боях с Красной Армией отряды Ибрагимбека потеряли 1224 человека убитыми. 75 человек было взято в плен. 314 человек добровольно сложили оружие. Сам Ибрагимбек 23 июня 1931 года при попытке переправы через реку Кафирниган у кишлака Ходжибулбулон был задержан в результате спецоперации сотрудниками ГПУ под руководством лейтенанта госбезопасности Таджикской ССР Валишева Абдулло. Также в задержании Ибрагимбека участвовали М. Султанов- командир добровольческого отряда, А. Алимардонов, А.В. Васильев, К. Сардаров. Тринадцатого апреля 1932 года решением тройки Объединенного государственного политического объединения (ОГПУ) Ибрагим-бек был приговорен к высшей мере наказания - расстрелу [7,417].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдурашитов, Ф. М. Земельно-водная реформа в Таджикистане в конце XX – начале XXI вв. / Ф. М. Абдурашитов. – Душанбе, 2018. – 404 с.
2. Акрами, З. И. Босмачигарй: вокеият ва тахайюлот / З. И. Акрами. – Душанбе, 2019. – 50 с.
3. Абулхаев, Р. А. Упрочение Советской власти в верховье Зеравшана / Р. А. Абулхаев. – Душанбе: Дониш, 1972. – 155 с.
4. Бармин, В. А. О новых подходах к оценкам движущих сил и социальной базы басмаческого движения в Туркестане в 1918–1920 гг. / В. А. Бармин // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – Барнаул, 2019. – Т. 19. – № 1.
5. Гафуров, А. М. Ревкомы Таджикистана (1917–1924) / А. М. Гафуров. – Душанбе: Ирфон, 2008. – 144 с.
6. Искандаров, Б. И. Из истории борьбы за установление Советской власти в Таджикистане / Б. И. Искандаров // Известия АН Тадж. ССР. Отделение общественных наук. – 1953. – № 4. – С. 83–95.
7. История таджикского народа. Т. V / под ред. Р. Масова. – Душанбе: Дониш, 2004. – 752 с.
8. Кореневская, Е. И. Становление высших органов государственного управления. Правовые основы организации и деятельности Советского правительства в 1917–1922 гг. / Е. И. Кореневская. – М.: Наука, 1975. – 159 с.
9. Материалы по истории Компартии Таджикистана. – Душанбе, 1963. – С. 91–98.
10. Польшковский, М. И. Конец Мадамин-бека (Записки о гражданской войне) [Электронный ресурс] / М. И. Польшковский. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/polikovskij-mark-iljich/konec-madamin-beka-zapiski-o-grazhdanskoj-vojne> (дата обращения не указана).
11. Хотамов, Н. Б. Ташкилёбии Ҷумҳурии Шӯравии Сотсиалистии Тоҷикистон – қадами устувор ба сӯи истиқлолият / Н. Б. Хотамов // Муаррих. – Душанбе, 2019. – № 1(17). – С. 25–36. – ISSN 2789-2948.
12. Шевченко, Д. В. Басмаческое движение: политические процессы и вооруженная борьба в Средней Азии (1917–1931 гг.) / Д. В. Шевченко. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2006. – 36 с.
13. Шерматов, Г. Тайная сделка советской власти с главным «басмачом» Средней Азии / Г. Шерматов // BBC Russian. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42399231> (дата обращения: 11.02.2022, 13:00).
14. Эркаев, М. Барпо ва мустаҳкам намудани ҳокимияти Совети дар Тоҷикистон / М. Эркаев. – Душанбе, 1966. – С. 105.
15. Эркаев, Д. Э. История гражданской войны в Таджикистане / Д. Э. Эркаев. – Душанбе, 1971. – 165 с.

БОРЬБА С БАСМАЧЕСКИМ ДВИЖЕНИЕМ И УПРОЧНЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ И ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ В 1920 – 1923 ГГ.

В данной статье проанализированы проблемы становления и укрепления Советской власти в 1920–1923 годах в Центральном и Южном Таджикистане. Проведён анализ расстановки политических сил в Бухарском эмирате и её восточной части. Раскрыт процесс формирования революционных сил при поддержке Красной армии и контрреволюционных формирований в лице басмаческих бандформирований.

Изучен идеологический аспект противоборствующих сторон, в результате которого большинство трудящихся масс перешли на сторону Советской власти. Данный факт несмотря на то, что революционные идеи были привнесены, импортированы из революционной России, угнетённый народ поддержал свержение бухарского эмирата и принял активное участие в гражданской войне против бывшего режима, а также против басмаческого движения.

Автор раскрыл социальный и религиозно – этические особенности ментальности местного населения, оказавшее влияние на шаткость населения в выборе приверженности к одной или другой противоборствующей стороне. Несмотря на своё поражение 2 сентября 1920 года, эмиру Алимхану удалось развернуть ширококомасштабную гражданскую войну в Центральном и Южном Таджикистане.

В статье прослежена военно – политическая ситуация в Центральном и Южном Таджикистане.

Автор последовательно раскрыл ход и последствия борьбы Советской власти с басмаческим движением в Центральном и Южном Таджикистане (Восточной Бухаре) после свержения эмира Алимхана.

В мае 1922 года была организована работа Чрезвычайной диктаторской комиссии по Восточной Бухаре (февраль 1922 г.), а также формирование 13 стрелкового корпуса из лучших военных частей Красной армии Советской России. Эти события были крупной военной кампанией против объединённых басмаческих банд. Результатом проведённой Красной Армией крупной военной операции был разгром основных сил басмаческих бандформирований. Таким образом, в декабре 1923 года победоносно закончилась гражданская война в Центральном и Южном Таджикистане.

Ключевые слова: *гражданская война, басмаческое движение, Советская власть, Чрезвычайная диктаторская комиссия, Центральный и Южный Таджикистан, Красная Армия, Гиссарская долина, Душанбе, Восточная Бухара, 13- стрелковый корпус, Бухарский эмират.*

МУБОРИЗА АЛАЙҲИ ҲАРАКАТИ БОСМАЧИЁН ВА ТАҲКИМИ ҲОКИМИЯТИ ШУРАВӢ ДАР ТОҶИКИСТОНИ МАРКАЗӢ ВА ҶАНУБӢ ДАР СОЛҲОИ 1920 - 1923

Дар мақола масъалаҳои ташкил ва таҳкими Ҳокимияти Шуравӣ дар солҳои 1920-1923 дар Тоҷикистони Марказӣ ва Ҷанубӣ мавриди баррасӣ қарор дода шудааст. Таҳлили ҳамбастагии қувваҳои сиёсӣ дар аморати Бухоро ва қисми шарқии он гузаронида шуд. Раванди бо мадади Армияи Сурх ва отрядҳои контрреволюсионӣ ташкил ёфтани қувваҳои инқилобӣ, ки дар онҳо дастаҳои босмачиҳо намоёндагӣ мекарданд низ ошкор карда шудааст.

Бар замми ин ҷиҳатҳои идеологии тарафҳои муқобил низ омӯхта шуд, ки дар натиҷаи он аксарияти оммаи меҳнатқашон ба тарафи Ҳокимияти Шуравӣ гузаштанд. Ин ҳақиқат, сарфи назар аз он ки идеяҳои инқилобӣ, аз Русияи инқилобӣ оварда шуда буданд, халқи мазлум сарнагун кардани аморати Бухороро ҳамаҷониба дастгирӣ карда, дар ҷанги таҳмилии шаҳрвандӣ зидди речаи собиқ, инчунин ба муқобили ҳаракати босмачиён фаъолона иштирок намуданд.

Муаллиф хусусиятҳои иҷтимоӣ ва динӣ - ахлоқии тафаккури аҳолии маҳаллиро, ки ба ноустувории аҳоли дар интиҳоби пайрави ба ин ё он тарафи ҷангкунанда таъсир расонидааст, ошкор кардааст. Ба амир Олимхон бо вучуди мағлубияташ 2 сентябри соли 1920 муяссар шуд, ки дар Тоҷикистони Марказӣ ва Ҷанубӣ ҷанги васеи шаҳрвандӣ сар кунад.

Дар мақола вазъияти ҷарбию сиёсии Тоҷикистони Марказӣ ва Ҷанубӣ баён шудааст. Муаллиф рафти муборизаи Ҳокимияти Шуравиро ба муқобили ҳаракати босмачиён дар Тоҷикистони Марказӣ ва Ҷанубӣ (Бухорои Шарқӣ) баъд аз сарнагун шудани амир Олимхон пайваста ошкор мекунад.

Моҳи майи соли 1922 қори Комиссияи Фавқуллодаи Диктатории Бухорои Шарқӣ (феврари 1922), инчунин аз ҳисоби беҳтарин қисмҳои ҷарбии Армияи Сурхи Россияи Шуравӣ ташкил карда шудани корпуси 13-уми тирандозӣ ба вуқӯъ пайваست. Ин воқеаҳо як маъракаи калони ҷарбӣ ба муқобили дастаҳои босмачиён муттаҳид гардиданд. Натиҷаи амалиёти калони ҷангии, ки Армияи Сурх гузаронда буд, торумор гардонидани қувваҳои асосии дастаҳои босмачиён буд. Ҳамин тавр, дар моҳи декабри соли 1923 ҷанги граждони дар Тоҷикистони Марказӣ ва Ҷанубӣ бо ғалаба анҷом ёфт.

Калидвожаҳо: *ҷанги шаҳрвандӣ, ҳаракати босмачиён, Ҳокимияти Шуравӣ, Комиссияи фавқуллодаи диктаторӣ, Тоҷикистони Марказӣ ва Ҷанубӣ, Армияи Сурх, водии Ҳисор, Душанбе, Бухорои Шарқӣ, корпуси 13-уми тирандозӣ, аморати Бухоро.*

THE FIGHT AGAINST THE BASMACH MOVEMENT AND THE STRENGTHENING OF SOVIET POWER IN CENTRAL AND SOUTHERN TAJIKISTAN IN 1920-1923

This article analyzes the problems of the formation and strengthening of Soviet power in 1920-1923 in Central and Southern Tajikistan. An analysis of the alignment of political forces in the Bukhara Emirate and its eastern part was carried out. The process of formation of revolutionary forces with the support of the Red Army and counter-revolutionary formations represented by Basmachi gangs is revealed.

The ideological aspect of the warring parties has been studied, as a result of which the majority of the working masses went over to the side of Soviet power. This fact, despite the fact that revolutionary ideas

were introduced, imported from Revolutionary Russia, the oppressed people supported the overthrow of the Bukhara emirate and took an active part in the civil war against the former regime, as well as against the Basmachi movement.

The author revealed the social and religious-ethical features of the mentality of the local population, which influenced the instability of the population in choosing adherence to one or another warring side. Despite his defeat on September 2, 1920, Emir Alimkhan managed to launch a large-scale civil war in Central and Southern Tajikistan

The article traces the military and political situation in Central and Southern Tajikistan. The author consistently reveals the course and consequences of the struggle of Soviet power against the Basmachi movement in Central and Southern Tajikistan (Eastern Bukhara) after the overthrow of Emir Alimkhan.

In May 1922, the work of the Extraordinary Dictatorial Commission for Eastern Bukhara was organized (February 1922), as well as the formation of the 13th Rifle Corps from the best military units of the Red Army of Soviet Russia. These events were a major military campaign against the united Basmachi gangs. The result of a major military operation carried out by the Red Army was the defeat of the main forces of the Basmachi gangs. Thus, in December 1923, the civil war in Central and Southern Tajikistan ended victoriously.

Key words: *civil war, Basmachi movement, Soviet power, Extraordinary dictatorial commission, Central and Southern Tajikistan, Red Army, Gissar Valley, Dushanbe, Eastern Bukhara, 13th Rifle Corps, Bukhara Emirate.*

Сведения об авторе: **Акравов Муртазо Иномович** - кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ. Телефон: (+992) 907-14-43-65. E-mail: akramov.murtazo@mail.ru

Information about the author: **Akramov Murtazo Inomovich** - candidate of Historical Sciences, researcher of the Institute history, archeology and ethnography named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992) 907-14-43-65. E-mail: akramov.murtazo@mail.ru

УДК: 94(575)"1960/1970":316.346.32-053.6

ВКЛАД МОЛОДЕЖИ КУЛЯБСКОЙ ОБЛАСТИ ТАДЖИКСКОЙ ССР В СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ В 60 - Е ГОДЫ XX ВЕКА

АХМЕДОВА С. П.,

Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша

Общеизвестно, что в Советском Союзе социально - экономическое развитие определялось пятилетками. Начиная с 1928 года развитие экономики страны планировалось на каждые 5 лет.

Восьмая пятилетка не была исключением, она характеризовалась высоким трудовым и политическим подъемом людей, вызванный подготовкой к празднованию двух знаменательных дат: 50-летия Октябрьской революции и 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Две славные даты своей истории отмечал

также и ВЛКСМ: 50-летие со дня образования ленинского комсомола и 50-летие выступления В.И. Ленина на III съезде РКСМ.

В ходе подготовки к празднованию 50-летия Великой Октябрьской Социалистической революции комсомольские организации города и Кулябской группы районов, следуя почину комсомольских организаций Московской области, направили соревнование молодых рабочих, колхозников, служащих и специалистов на выпуск сверхплановой продукции, улучшение ее качества, экономию и бережливость, на повышение профессионального мастерства.

Молодёжь города Куляба внесла достойный вклад в честь 50-летия Октябрьской революции. На трудовой вахте, в 1967 году стояли комсомольско-молодёжные бригады Саидова С., Бобоева Э., Акчурина из СУ-15, Насреддинова Бури из заготзерно и многие другие. По путевкам горкома комсомола целая бригада комсомольцев осваивала целинные земли Зафарабадского района. Бригада работала отлично. Зафарабадский райком партии, учитывая хорошую работу бригады, направил благодарность в городской комитет комсомола.

Пятидесятилетие ВЛКСМ превратилось в настоящий праздник для советской молодёжи. Комсомольцы на всех участках народного хозяйства брали на себя повышенные социалистические обязательства, комсомольско-молодёжные бригады боролись за право называться бригадой «50-летия ВЛКСМ». За это звание в городе Кулябе боролись комсомольско-молодёжные бригады инструментального завода, горторга, кирпичного завода, автобазы № 17, УПП слепых, КБО. По итогам соревнования получили право носить это высокое звание бригады Давлятова М. из инструментального завода, Ахтамова Х. из магазина «Бахор», «Икромова К. из УП слепых. Они досрочно рапортовали о выполнении планов и взятых обязательств в честь 50-летия ВЛКСМ [13, л.5].

В 1968 году за активное участие в общественной работе многие комсомольцы промышленных, строительных, транспортных и других предприятий и организаций города награждались Почетной Грамотой ЦК ЛКСМ республики и грамотами городского комитета комсомола. «В год юбилея ВЛКСМ по путевкам горкома комсомола десятки комсомольцев направлялись работать на Все-союзные республиканские ударные стройки, на предприятия города. Например, на ударные комсомольские стройки в город Тольятти и Комсомольск на Амуре было направлено 18 человек, на строительство железной дороги Термез-Яван 6 человек, Нурекской ГЭС-3, в местные предприятия и организации 150, в ПТУ на учебу -60 человек» [13, л.6].

В годы восьмой пятилетки, как и ранее, важной формой ударной комсомольской работы, оставались комсомольско-молодёжные бригады. На промышленных предприятиях, стройках, транспорте, в колхозах и совхозах Кулябского района, в 1970 году работали 16 комсомольско-молодёжных бригад, в которых трудились 455 комсомольца и молодёжи, из них 150 боролись за звание «ударника коммунистического труда», 60 носили это высокое звание [13, л.8].

В борьбе за выполнение заданий пятилетки отличились комсомольско-молодёжные бригады опытного завода технологической оснастки. По инициа-

тиве комитета комсомола на заводе было создано 3 бригады. Бригадами руководили коммунисты и комсомольцы. Все бригады успешно справлялись с выполнением заданий пятилетки, а плановые задания 1970 года выполнили на 106 - 115 процентов. Самоотверженно трудились комсомольско-молодёжные бригады кирпичного завода и КБО. За успехи, достигнутые в выполнении задания пятилетки, награждались вымпелами ЦК ВЛКСМ комсомольские организации кирпичного завода, КБО, КОЗТО [14, л.6].

Во второй половине 60-и годов XX века в вечерних школах и рабочей молодёжи обучались и работали ежегодно более тысячи юношей и девушек. Например, если в 1966-1967 учебном году в них учились 1693 человек, то в 1969-1970 учебном году 2166 человек. Около 1000 юношей и девушек получала рабочую квалификацию. Комсомольские организации шефствовали над общеобразовательными школами рабочей молодёжи, помогали администрациям школ комплектовать классы, создавались все условия для нормальной работы и учебы молодёжи [14, л.7].

В 1966-1970 годы дальнейшее развитие получило научно-техническое творчество. Комсомольские организации направили усилия молодёжи на улучшение технического творчества, участие в освоении новой техники. За 1970 и 1971 годы, только в городе Кулябе 69 молодых рационализаторов и изобретателя внесли 55 рацпредложений в различных отраслях производства, 45 из которых были внедрены в производство. Экономический эффект от внедрённых рацпредложений в различных отраслях производства составил в сумме 60 тысяч рублей. Например, предложение тов. Новоселова из автобазы № 6 «Съёмник для подшипника редуктора» было внедрено в производство, от реализации которого получен экономический эффект в сумме 2280 рублей [14, л.7].

Много рацпредложений было выдвинуто комсомольцами Пархарского района. Наиболее ценные из них были рацпредложения слесарей хлопзавода Нуруллоева Х. и Нуралиева С. Экономический эффект от внедрения в производство их предложения составил 12 тыс. рублей годовой экономии [15, л.24].

Комсомольцы и молодёжь города и районов с большим энтузиазмом трудились на самых различных участках промышленного и сельскохозяйственного производства. В 1967 году на предприятиях райцентра Пянджа работали более 100 комсомольцев. Они, встав на трудовую вахту в честь 50-летия Октябрьской революции, добились больших успехов в труде. Комсомольцы комбината бытового обслуживания досрочно справились с заданиями двух лет пятилетки. Бригада металлистов КБО, возглавляемая Исаевым выполнила план 1967 года на 200 процентов. В бригаде в основном работала молодёжь большинство из них учились в вечерней школе. Бригада боролась за звание бригады коммунистического труда [16, л.2].

Претворяя в жизнь решения партии в годы восьмой пятилетки, коммунисты и комсомольцы города и районов возглавили поход тружеников сельского хозяйства за повышение культуры земледелия, за подъем животноводства.

В колхозах и совхозах, на животноводческих фермах молодёжь горячо обсуждала письма ЦК ВЛКСМ от 23 января 1966 года. В письме отмечалось: «ЦК ВЛКСМ считает, что успех дела будет зависеть от умения комсомольских организаций объединить и направить энергию сельской молодёжи на решение самых насущных, проблем колхозного и совхозного строительства, разумно использовать все возможности для воспитания у молодых хлеборобов добросовестного отношения к труду, ответственности за порученное дело, понимания необходимости постоянного совершенствования знаний, создать необходимые условия для творческого труда, быта и отдыха молодёжи [23, 63].

Юноши и девушки села организуя социалистическое соревнование между полеводческими бригадами направили усилия всей сельской молодёжи на успешное выполнение исторических решений XXIII съезда КПСС. Большая организаторская работа, самоотверженный труд молодых колхозников в рабочих совхозах, специалистов сельского хозяйства способствовало улучшению работы в животноводстве, хлопководстве, зерноводстве и овощеводстве, укреплению экономики сельского хозяйства.

Городской и районные комитеты, комсомольские организации колхозов и совхозов в течении пятилетки неоднократно на бюро и собраниях рассматривали вопросы улучшения производительности труда молодых хлопкоробов и животноводов, внедрения комплексной механизации в комсомольско-молодёжных бригадах и т.д. Комитеты комсомола регулярно направляли лучших членов на работу в животноводческие фермы.

Хлопководство в Кулябской группе районов с каждым годом развивалось. Благодаря крупным мероприятиям, проведенным под руководством партийных органов, в пятидесятых и начало шестидесятых годах по мелиорации земель, дальнейшей интенсификации сельского хозяйства производство хлопка увеличилось в несколько раз. Если в 1949 году область получила всего 27 тысяч тонн хлопка, то в 1970 году та же самая территория производила более 100 тыс. тонн хлопка. [1,154]

В этих успехах сельского хозяйства комсомольцы и молодёжь вложили свой весомый вклад. Ежегодно в течении восьмой пятилетки в колхозах и совхозах работали десятки комсомольско-молодёжные хлопководческие бригады. В 1966 году на хлопковых полях работали 51 комсомольско-молодёжные бригады. Соответственно были созданы такие бригады в 1967 году - 43, в 1968 году - 44, в 1963 году - 46, а в 1970 году было создано 49 бригад. Горком и райкомами комсомола за годы пятилетки в хлопководство было направлено 2000 комсомольцев и молодёжи [23, 65].

Были установлены планы и твердые закупочные цены на производство и продажу хлопка-сырца. Это положение заинтересовывало работников сельского хозяйства, особенно сельскую молодёжь, в результате своего труда. Хлопководческие бригады значительно расширили посевную площадь, при обработке хлопка использовали современные достижения агротехнической науки.

Комсомольские организации Кулябского района брали повышенные обязательства по производству хлопка и продали его государству. В колхозах района были созданы в 1963 году 3 комплексно-механизированные молодёжные хлопководческие бригады [13, л.7-8].

Комплексно - механизированная бригада Назимова М. из колхоза имени Шаталова в 1969 году собрала и сдала государству с каждого гектара по 36,3 центнера хлопка, выполнив план на 114%. Бригада Бобоева Абдулазиза из колхоза «Ленинград» выполнила годовой план на 113,7% [13, л.7-8].

В 10 комсомольско-молодёжных в 1970 году работали 207 комсомольцев и молодёжи, большинство из которых были механизаторами. Ими за сезон было собрано и сдано государству 4629 тонн «белого золота». [13, л.9].

Пархарский район ежегодно перевыполнял план сдачи хлопка государству. Задание восьмой пятилетки районом был выполнено досрочно. В этих успехах района была большая доля комсомольцев и молодёжи района. В 1963 году комсомольско-молодёжная бригада Рахмонова Махмадали из колхоза «Рохи Ленин» выполнила годовой план продажи хлопка на 131%. [15, л.22].

По итогам социалистического соревнования 35 передовиков и активистов района были награждены Почетными грамотами ЦК ЛКСМ Таджикистана, 8 Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ, 29 передовых комсомольца наградили юбилейными значками. «По рекомендации партийных организаций при комитетах комсомола были созданы «Комсомольские прожекторы», которые явились новой массовой формой участия юношей и девушек в коммунистическом строительстве» [4, 76].

Включаясь в социалистическое соревнование за достойную встречу 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, комсомольцы и молодёжь Московского района добились хороших показателей в хлопководстве. Тринадцать комсомольско-молодёжных бригад колхозов имени В.И. Ленина, «Дружба», имени Кирова, имени Турдыева, «Правда» и другие включились в соревнование между собой и выполнили планы и взятые социалистические обязательства. 45-молодых передовика производства были награждены Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ и ЦК ЛКСМ Таджикистана [17, л.50].

Образцы самоотверженного труда на хлопковых полях показали комсомольцы Восейского района. Из 18 комсомольско-молодёжных бригад, 6 были комплексно-механизированными. В 1966 году бригады Гавхарби Пираковой из колхоза имени Ленина, Зиёдали Курбанова из колхоза имени Карла Маркса. Годжиддина Давлятова из колхоза имени Кирова, Джумы Менгулова из колхоза имени Томина, Ятима Салима из колхоза «Москва» и комплексно-механизированная бригада ПТУ-16 показали образцы Коммунистического труда, перевыполнили плановые задания и социалистические обязательства [18, л.12].

Основной рабочей силой в колхозах и совхозах Дангаринского района наряду с юношами составили девушки. В годы восьмой пятилетки в сельском хозяйстве района трудились 6583 девушки. В составе 15 комсомольско-

молодёжных бригад, созданных в 1970 году, самоотверженно трудились 40 девушек [19, л.4].

Производство и продажа государству тонковолокнистого хлопка всегда была главной отраслью сельского хозяйства Пянджского района. Район досрочно выполнил плановые задания пятилетки. Наивысших результатов район добился в 1967 году. Развернув соревнование в 1967 году, труженики района при плане 17600 тонн, сдали государству 25 тысяч тонн ценного тонковолокнистого хлопка, и заняли первое место в республике. В этой замечательной победе хлопководов была большая доля комсомольцев и молодёжи. Все 7 комсомольско-молодёжных бригад перевыполнили свои плановые задания. В бригаде Чупона Егиева из колхоза «1-мая» работало 20 комсомольцев. Все члены бригады работали, как говорится, по-ударному обработку хлопка провели своевременно и на самом высоком агротехническом уровне, своевременно приступили к уборке урожая. В результате бригада по урожайности (32,7 центнера с гектара) заняла первое место в районе. Она собрала и сдала государству 183 тонны ценного хлопка [16, л.3].

Серьёзное внимание уделялось развитию животноводства на территории Кулябской группы районов. Курс партии на специализацию и концентрацию сельскохозяйственного производства по сути дела сама собой определили отдельные районы по их природным условиям, на производство соответствующей сельскохозяйственной продукции. Климатические и природные условия Дангаринского, части Восейского, Кулябского и Московского районов были более удобные для развития животноводства. Поэтому в годы восьмой пятилетки в этих местах ускоренным темпом развивалось животноводство.

Комсомольские организации оказывали большую помощь партийным органам в решении этой важнейшей задачи сельского хозяйства. Ими были созданы десятки ударных бригад по подготовке ферм, сенокошению и заготовке кормов. В эту отрасль ежегодно направлялось по комсомольским путевкам от 300 до 400 юношей и девушек. От 19 в 1966 году, до 31 в 1970 году, комсомольско-молодёжные бригады работали в животноводческой отрасли.

Молодые животноводы Восейского района, включившись в социалистическое соревнование за достойную встречу 50-летия комсомола, и 50-летия Октября успешно перевыполняли задание двух лет восьмой пятилетки. Комсомолки-доярки Халимова Савлатби, Халилова Савронби, Саидова Мамлакат из совхоза «Правда» от каждой коровы надоили по 2700-3000 листов молока и досрочно выполнили свои личные планы на 120-125% [18, л.35].

Комсомольцы и молодёжь Дангаринского района, широко развивая социалистическое соревнование добились значительных успехов в дальнейшем развитии животноводства. Увеличилось поголовье скота и надои молока от каждой коровы, стабильно проходила зимовка скота. В 1970 году в четырёх комсомольско-молодёжных фермах работали 97 юношей и девушек [20, л.8].

Еще в январе 1970 года передовые доярки Хайрокулова Зайнаб и Холмуродова Улбош из совхоза «Дангара», Рахимова из колхоза имени «Карла Маркса»,

Рахматуллоева из колхоза «XXII партсъезда», Амиршоева Сабохат из колхоза имени «Фрунзе», Аллаева Хосият и Шарифалиева из колхоза «Коммунизм», Темурова из колхоза «Гайрат» выполнив свои личные пятилетние планы, брали дополнительные повышенные обязательства на конец пятилетки [20, л.4-5].

Среди Кулябской группы районов во второй половине 60-х г.г. заметно выделялись животноводы Пянджского района В 1967 район выполнил план продажи мяса на 102%, молока на 104%, шерсти на 127%, каракулевых смушек на 106%, яиц на 185,5%. Молодые доярки из колхоза «Пограничник» Джумаева Улчжон, Гулиева М., Тиллоева Мехринисо, Зурхонова Джумагуль и Махсумова Сабохат от каждой коровы надоили от 1150 до 1500 литров молока, значительно перевыполнив плановые задания. Чабаны Курбан Шоев, Гулак Амонов из колхоза «1-Мая» от каждой 100 закрепленных за ними овцематок получили по 110-111 ягнят, Махмаджон Каримов, Пирак Назриев из колхоза «Правда» по 105 голов ягнят [16, л.4-5].

Поход молодёжи за экономию и бережливость, за всемерный рост производительности труда и рациональное использование рабочего времени в годы восьмой пятилетки, стал эффективной формой, приобщения юношей и девушек к делам производства, воспитания у них чувства хозяина, высокой общественной активности.

В рассматриваемый период комсомольская организация города Куляба намного усилила деятельность штаба и отрядов «комсомольского прожектора». В 1970 году отрядами «КП» города была проведена серия рейдов по проверке транспорта, подготовки сельских школ к новому учебному году, использованию технических средств в школах, состояния торговли и общественного питания, культурного обслуживания населения, по подготовке сельскохозяйственных машин к весеннему севу и др. [14, л.24].

Совместно с комитетом народного контроля в 1970 году, Пархарский районный штаб «комсомольского прожектора» провели рейд по фермам колхозов п совхозов по учету новорожденных ягнят и их биркования. В целях эффективного проведения рейда к каждой ферме был прикреплен член штаба. В результате чего каждый ягненок был поставленные на учет. По итогам рейда, за халатное и недобросовестное отношение к своей работе были строго наказаны зав. фермой и зоотехник колхоза имени В.И. Ленина [15, л.30].

В течении 1968-1969 годов в Московском районе было создано 79 постов «комсомольского прожектора», они объединяли 203 человек. Только в 1969 году штабом «КП» района было проведено 26 рейдов [17, л.80].

Штаб «комсомольского прожектора» Восейского района объединял 7 человек, а прожектористами были 786 юношей и девушек. В первой половине 1970 года штабом привелось 5 общерайонных рейда [21, л. 20].

«Комсомольский прожектор» Дангаринского района состоял из 96 отрядов и постов и 311 «прожектористов». Только в рейдах «КП» проведенных в мае и июне 1970 года участвовало 230 человек. Эти рейды «комсомольского прожектора» позволили сэкономить в масштабе района 1,5-2 тысячи рублей [20, л. 47].

В центре внимания комсомольских организаций была также забота о росте рядов, и в 1970 году на территории Кулябской группы районов на 1 октября насчитывалось 6 райкомов комсомола (кроме Пянджского) и 578 первичных комсомольских организаций, которые объединяли в своем составе 29099 комсомольцев. Среди важнейших вопросов комсомольской работы главное место занимали вопросы подбора и расстановки комсомольских кадров, укрепления всех участков комсомольской работы политически зрелыми, инициативными и способными организаторами.

Таким образом, данное исследование показывает, что молодёжь в Кулябской области внесла весомый вклад в развитие экономики Таджикистана в рассматриваемый период, особенно в успешном развитии хлопководства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амаков, М. Комсомол на ударных стройках пятилетки (в помощь лектору) / М. Амаков, В. Зайнидинов. – Душанбе: Знание, 1981. – 154 с.
2. Джалилов, Ш. Комсомол – верный помощник партии в выполнении исторических решений XXVI съезда КПСС (в помощь лектору) / Ш. Джалилов. – Душанбе: Общество «Знание», 1982. – 139 с.
3. Зикриёев, Ф. Комсомол Таджикистана в борьбе за технический прогресс / Ф. Зикриёев. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 289 с.
4. Зикриёев, Ф. Комсомол Таджикистана: краткая летопись / Ф. Зикриёев. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 192 с.
5. Зикриёев, Ф. Таджикская Советская Социалистическая Республика. VII. Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи Таджикистана [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/108/419.htm> (04.04.2024).
6. Зикриёева, М. Ф. Комсомол Таджикистана за трудовое воспитание женской молодежи в условиях развитого социализма (в помощь лектору) / М. Ф. Зикриёева. – Душанбе: Общество «Знание», 1985. – 192 с.
7. Исломов, Ю. Таърихи ташкилҳои комсомол дар Тоҷикистон / Ю. Исломов. – Сталинобод: Нашриёти Давлатии Тоҷикистон, 1960. – 167 с.
8. Исломов, Ф. Очеркҳои таърихи комсомолҳои Тоҷикистон / Ф. Исломов. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 276 с.
9. История и культура Куляба (прошлое и настоящее). – Душанбе: Дониш, 1988. – 127 с.
10. История коммунистической организации Средней Азии. – Ташкент: Узбекистан, 1967. – 794 с.
11. История коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. – М.: Политиздат, 1970. – 732 с.
12. Кривенький, А. И. Комсомол в борьбе за единство своих рядов (1921–1932 гг.): учебное пособие / А. И. Кривенький. – М., 1980. – 238 с.
13. Партийный архив Кулябского обкома партии, Ф. 24. – Оп. 6. – Д. 2, 23. – Л. 5, 6, 7, 8, 9, 19, 27.
14. Ф. 24. – Оп. 6. – Д. 13, 113. – Л. 6, 7, 13, 24.
15. Ф. 27. – Оп. 6, 7. – Д. 1. – Л. 2, 13, 19, 22, 24, 30.
16. Ф. 31. – Оп. 6. – Д. 23. – Л. 2, 3, 4, 5, 11, 13, 14, 17.
17. Ф. 25. – Оп. 5. – Д. 9. – Л. 50, 80.
18. Ф. 20. – Оп. 3. – Д. 23, 36, 47. – Л. 12, 35, 49, 56, 93.
19. Ф. 24. – Оп. 3. – Д. 33. – Л. 4.
20. Ф. 21. – Оп. 3. – Д. 26, 33. – Л. 4, 5, 8, 47.
21. Ф. 29. – Оп. 3. – Д. 47. – Л. 20.

22. Сатаров, А. Комсомол Таджикистана в коммунистическом строительстве / А. Сатаров. – Душанбе: Знание, 1978. – 211 с.
23. Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ. – М., 1967. – 263 с.

ВКЛАД МОЛОДЕЖИ КУЛЯБСКОЙ ОБЛАСТИ ТАДЖИКСКОЙ ССР В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕСПУБЛИКИ В 60-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Восьмая пятилетка характеризовалась высоким трудовым и политическим подъемом советских людей, вызванный подготовкой к празднованию двух знаменательных дат: 50-летия Октябрьской революции и 100 летие со дня рождения В. И. Ленина.

Главная задача комсомольских организаций в годы восьмой пятилетки, заключалась в мобилизации юношей и девушек на борьбу за досрочное выполнение пятилетнего плана, повышение эффективности общественного производства, участие в ускорении темпов научно-технического прогресса, борьба за выпуск продукции высокого качества, широкое распространение прогрессивных форм и методов труда.

В годы восьмой пятилетки в вечерних школах и рабочей молодёжи

обучались и работали ежегодно более тысячи юношей и девушек. Например, если в 1966-1967 учебном году в них учились 1693 человек, то в 1969-1970 учебном году 2166 человек. Около 1000 юношей и девушек получала рабочую квалификацию. Комсомольские организации шефствовали над общеобразовательными школами рабочей молодёжи, помогали администрации школ комплектовать классы, создавались все условия для нормальной работы и учебы молодёжи.

Жизнь и опыт многих лет работы с молодёжью комсомольских организаций ещё и ещё раз убеждали в том, что только, регулярное, без пропуска, проведения намеченных культурно-массовых и агитационно- пропагандистских мероприятий в ходе различных сельскохозяйственных компаний позволяет повысить активность молодёжи, способствует повышению производительности труда в колхозах и совхозах.

Ключевые слова: *Социализм, коммунист, комсомол, партия, сельско-хозяйство, колхоз, съезд, коллективизация, инициативы, молодёжь, кампания, лозунг, мероприятие, организатор, ликвидация.*

САҲМИ ЧАВОНОНИ ВИЛОЯТИ КЎЛОБИ ЧШС ТОЧИКИСТОН ДАР РУШДИ ИҚТИМОЙ - ИҚТИСОДИИ ҚУМҲУРӢ ДАР СОЛҲОИ 60- УМИ АСРИ ХХ

Панҷсолаи ҳаштум бо руҳбаландии баланди меҳнатӣ ва сиёсии одамони шуравӣ, ки зимни омодагӣ ба истиқболи ду санаи муҳим: чашни 50-солагии Инқилоби Октябр ва 100-солагии рӯзи таваллуди В. И. Ленин фароҳам омада буд, тавсиф мешавад.

Вазифаи асосии ташкилоти комсомолӣ дар панҷсолаи ҳаштум аз он иборат буд, ки чавонписарон ва духтаронро дар мубориза барои пеш аз муҳлат иҷро намудани нақшаи панҷсола, зиёд кардани самараи истеҳсолоти ҷамъиятӣ, ширкат дар тезондани суръати рушди илму техника, мубориза баҳри истеҳсоли маҳсулоти аълосифат, васеъ паҳн намудани шаклу усулҳои прогрессивии меҳнат сафарбар кунанд.

Дар панҷсолаи ҳаштум дар мактабҳои шабона ва коргарчавонон ҳар сол зиёда аз ҳазор нафар чавонписарону духтарон таҳсил ва кор мекарданд. Масалан, агар дар давраи соли таҳсили 1966-1967 дар онҳо 1693 нафарашон таҳсил карда бошад, пас дар соли таҳсили 1969-1970 теъдоди хонандагон 2166 нафарро ташкил дод. Қариб 1000 нафар писарону духтарон соҳиби иқтисос ва касбҳои коргарӣ шуданд. Ташкилотҳои комсомолӣ ба мактабҳои миёнаи чавонони коргар парасторӣ карда, ба маъмурияти мактабҳо дар пуррасозии гуруҳҳо кумак мекарданд, барои кори муътадил ва хониши чавонон тамоми шароитҳоро фароҳам меоварданд.

Ҳаёт ва таҷрибаи чандинсолаи қор бо ҷавонони ташкилотҳои комсомолӣ моро гаштао баргашта бовар қунонд, ки танҳо ҷорабиниҳои маданӣ-оммавӣ ва тарғиботии пайваста дар раванди маърақаҳои гуногуни хоҷагии қишлоқ ба болоравии ғаёлонокии ҷавонон боис гардида, ба баланд шудани ҳосилнокии меҳнат дар қолхозу совхозҳо ҳамаҷониба мусоидат меқунанд.

Қалидвожаҳо: *социализм, коммунист, комсомол, ҳизб, хоҷагии кишоварзӣ, қолхоз, съезд, коллективонидан, ташаббус, ҷавонон, маърақа, шиор, ҷорабинӣ, ташкилотчӣ, барҳам додан.*

THE CONTRIBUTION OF YOUTH OF THE KULOB REGION OF THE TAJIK SSR TO THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC IN THE 60S OF THE XX CENTURY

The Eighth Five-Year Plan was characterized by a high labor and political upsurge of the Soviet people, caused by preparations for the celebration of two significant dates: the 50th anniversary of the October Revolution and the 100th anniversary of the birth of V.I. Lenin.

The main task of Komsomol organizations during the Eighth Five-Year Plan was to mobilize young men and women to fight for the early implementation of the five-year plan, increase the efficiency of social production, participate in accelerating the pace of scientific and technological progress, fight for the production of high-quality products, and the widespread dissemination of progressive forms and methods labor.

During the Eighth Five-Year Plan in evening schools and working youth More than a thousand young men and women studied and worked annually. For example, if in the 1966-1967 academic year 1693 people studied there, then in the 1969-1970 academic year there were 2166 people. About 1000 boys and girls received working qualifications. Komsomol organizations patronized secondary schools for working youth, helped school administrations staff classes, and created all conditions for normal work and study for young people.

The life and experience of many years of working with young people of Komsomol organizations have convinced us again and again that only regular, without missing, planned cultural, mass and propaganda events during various agricultural companies can increase the activity of young people and contribute to increasing labor productivity in collective farms and state farms.

Key words: *Socialism, communist, Komsomol, party, agriculture, collective farm, congress, collectivization, initiatives, youth, campaign, slogan, event, organizer, liquidation.*

Сведения об авторе: **Ахмедова Сайёра Партововна** – соискатель Института истории, археологии и этнологии имени Ахмада Дониша. Телефон:(+992) 93-113-48-01; E-mail: ahmedova.sayora01@gmail.com.

Маълумот дар бораи муаллиф: **Ахмедова Сайёра Партововна**– унвонҷӯи Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониш. Телефон: (+992) 93-113-48-01; E-mail: ahmedova.sayora01@gmail.com.

Information about the author: **Akhmedova Sayyora Partovna** – Graduate of the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992) 93-113-48-01. ahmedova.sayora01@gmail.com.

УДК: 902.2(575)

ТАҶРИБАИ ТАРМИМ ВА ҲИФЗИ ЁДГОРИҲОИ БОСТОНШИНОСИИ ТОЧИКИСТОН

САИДЗОДА С. С.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониш

Тавре ба ҳамагон маълум аст, масъалаи ҳифзи ёдгориҳо дар саросари ҷаҳон пас аз пайдоиши илми бостоншиносӣ ба вучуд омадааст, ки он дар баъзе кишварҳо барвақттар ва дар баъзеи дигар дертар пайдо гардидааст. Дар таърихи Тоҷикистон аввалин ҳафриёти бостоншиносии касбӣ пас аз Ҷанги Бузурги Ватанӣ дар Панҷакенти бостонӣ оғоз гардида буданд. Вале пас аз як муддати кӯтоҳ ба масъалаи ҳифз ва тармим намудани ёдгориҳои бостоншиносӣ тавачҷух зоҳир гардид.

Таҷрибаи Ҷумҳурии Тоҷикистонро дар самти ҳифзи ёдгориҳои бостоншиносӣ метавон ба ду марҳала ҷудо намуд. Марҳалаи аввал замони Шуравӣ, ки солҳои 1948 то 1989-ро дар бар мегирад ва марҳалаи дуюм замони Истиқлол, ки аз соли 1991 оғоз гардида то ҳол идома дорад.

Метавон гуфт, ки марҳалаи аввал ё худ замони Шуравӣ давраи бунёди ташаккул ва рушди корҳои тармимгарӣ мебошад. Зеро дар ин марҳала ба масъалаи тармим ва ҳифзи ёдгориҳо тавачҷух зоҳир гардид ва гурӯҳи тармимгарон таҳти сарвари П. Костров аз Эрмитажи давлатӣ ба Ҷумҳурии Тоҷикистон омада, ба мактаби тармимгарӣ дар ин ҷо асос гузошанд.

Бояд тазаққур дод, ки сабаби асосии ба миён омадани масъалаи ҳифзи ёдгориҳо ва сафарбар гардидани гурӯҳи тармимгарон ба Тоҷикистон, ин кашфи деворнигора аз Панҷакенти қадим дар соли 1948 буд [7, 146].

Пеш аз оғози корҳои тармимӣ, тармимгарон шакл ва техникаи деворнигораҳои шаҳри бостонии Панҷакентро омӯхта, ҳаммонанди онро ҷустуҷӯ карданд. Онҳо ба хулосае омаданд, ки деворнигораҳои маъбади буддоии Турфон дар Чин, ёдгориҳои Хоразм ва Самарқанд аз ҷиҳати техникаи тасвир ба деворнигораҳои Панҷакент шабоҳати зиёд доранд. Бинобар ин онҳо тарз ва методҳои тармимгаронро дар ёдгориҳои фавқуззикр мавриди омӯзиш қарор дода, барои тармим кардани деворнигораҳои Панҷакенти қадим ин методҳоро истифода намуданд. Масалан С. М. Дудина барои тармим кардани деворнигораҳои маъбади буддоии Турфони Чин аз ширешҳои органикӣ истифода карда буд [4, 159].

Дар баробари ин, барои ҳифзи минбаъда, атроф ва пушти деворнигораҳоро гачқорӣ карда буданд. Ин деворнигораҳо низ, дар Эрмитажи давлатии Россия

нигаҳдорӣ мешуданд ва таҷриба нишон дод, ки тавассути гач ҳифз кардани деворнигораҳо номумкин аст. Зеро гач буғи ҳаворо ба худ чабида мегирад ва ин боиси дамидани намак ва дигар кристалҳо дар деворнигораҳо мегардад. Бинобар ин П. И. Костров дар ҷустуҷӯи методҳои нав гардида, барои таҳкими деворнигораҳои Панҷакент дар соли 1949 аз ширешҳои поливинилатсетат (ПВА) ва поливинилбутирал (ПВБ) истифода мебарад, ки ин ду ширеш дар спирти шароб ва ё спирти бензол ҳал карда мешуданд. Ин намудҳои ширеш бори аввал соли 1948 барои таҳкими деворнигораҳо аз Топрокқалъа ва яке аз осорхонаҳои шаҳри Кембриҷ истифода гардида буданд.

Қобили зикр аст, ки кашфиётҳои нави бостоншиносӣ дар солҳои 60 уми асри XX аз қабилҳои деворнигораҳо ва мучассамаҳои гилӣ аз Ачинатеппа, ҷӯбҳои нимсӯхта ва деворнигораҳои қалъаи Қаҳқаҳа, деворнигораю мучассамаҳо ва орошоти меъмории Кофирқалъа, матоъпораҳои Бозордара ва амсоли инҳо ба корҳои тармимгарӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон тақони ҷиддӣ бахшида, боис гардиданд, ки дар Тоҷикистон ташхисгоҳи махсус барои тармимгарӣ таъсис дода шавад. Ин ташхисгоҳ дар соли 1964 таъсис ёфт, ки дар ибтидо ҳамагӣ се нафар коргар дошт [8,12].

Чи гунае зикр намудем, яке аз кашфиёти нодири солҳои 60-ум ин мучассамаи Буддо дар ҳоли нирвана буд, ки он соли 1964 аз ёдгории буддоии Ачинатеппа (ноҳияи Вахш) кашф шуда буд. Бостоншиносон онро соли аввал зери хок намуданд, то ки соли оянда бо мусоидати тармимгарон онро ба осорхона интиқол диҳанд.

Ҳамин тавр, соли 1965 тармимгарон аз Панҷакенти қадим таҳти сарвари П. Костров ба Ачинатеппа омада, ба корҳои мустаҳкамнамоӣ ва тармимгарӣ пардохтанд. П. Костров барои мустаҳкам намудани мучассама аввал поливинилатсетат, баъдан поливинилбутирал ва билохира полибутилметакрилат (ПБМА)-ро таҷриба кард ва натиҷа нишон дод, ки ПБМА аз ширешҳои қаблӣ дида беҳтар аст [3,69].

Барои интиқоли мучассама тармимгарон онро ба 72 қисм тақсим карда, ҳар як қисмро рақамгузорӣ намуданд [6,310]. Сипас, барои ҳар як қисми мучассама қуттиҳои алоҳидаи ҷӯбӣ сохта, фарши онро бо майдаҷӯб (апилка) пур карданд. Баъди гузоштани қисмҳои мучассама дар дохили қуттиҳо, ҷойҳои холимонда низ бо майдаҷӯбҳо пур карда мешуданд, то ин ки ҳангоми интиқол ба қисмҳои мучассама осеб нарасад. Бо ин васила мучассамаи Буддо ба ташхисгоҳи Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон интиқол ёфт.

Дар ташхисгоҳи корҳои тармимгарии мучассамаи Буддуро Л. П. Новикова бо ҳамкорони худ идома дод. Барои анҷоми корҳои тармимгарӣ онҳо методҳои навро ҷустуҷӯ мекарданд ва маслиҳатҳои тармимгарони дигар давлатҳоро инз ба кор мебарданд. Чунончӣ, бо маслиҳати олими Институти санъатшиносии ба номи Ҳамзаи Ҷумҳурии Узбекистон Е. Ф. Федорович онҳо якҷанд қисмҳои мучассамаҳо дар дохили ҷевонҳои махсуси хушкконанда дар ҳарорати аз 80 то 110 дараҷа гузоштанд. Вале дар рӯзи панҷум аллақай мушоҳида гардид, ки аз

дохили қисмҳои мучассама кафидагиҳо пайдо шудаанд. Аз ин хотир Л. П. Новикова онҳоро берун бароварда дар ҳавои кушод хушконид ва барои барқарор кардани онҳо якчанд маҳлулҳоро таҷриба намуда, мушоҳида кард, ки маҳлули ПБМА и консентратсияшуда дар ксилоли 25 % натиҷаи дилхоҳро нишон дод [5,239].

Аз ин лиҳоз, бо ҳамин усул мучассамаи Буддо дар ҳоли нирвана қисм қисм тармиму барқарорсозӣ мегардид. Мутаассифона, ҳаводиси солҳои 90-уми асри мозӣ нагузоштанд, ки қорҳои тармимгарӣ пурра ба сомон расонида шаванд ва ҳамин тариқ панҷ қисми Буддо тармим ва барқарорсозӣ нашуд.

Муҳимияти дигаре, ки дар замони Шуравӣ вобаста ба масъалаи ҳифзи ёдгориҳои бостонӣ рух дод, ин таъсис додани муассисаҳои махсус оид ба ҳифз ва тармими ёдгориҳо мебошад. Аз ҷумлаи онҳо «Инспексияи ҳифзи ёдгориҳо» дар сохтори Вазорати фарҳанги Тоҷикистони Шуравӣ ва «Устохонаи махсуси илмӣ - истеҳсоли ва тармимгарӣ» буданд [10].

Таҳлили таҷриба нишон медиҳад, ки дар давраи Шуравӣ бештар ба тармиму барқарорсозии ёдгориҳои бостонии манқул ба монанди деворнигораҳо, ҳайкалу мучассамаҳо, ҷӯбҳои нимсӯхта, матоъпораҳо ва амсоли инҳо таваҷҷуҳ зоҳир мегардид ва тармиму барқарорсозии онҳо асосан дар ташхисгоҳи Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон амалӣ мешуд.

Баҳши дигари ёдгориҳо, ки дар замони Шуравӣ мавриди таваҷҷуҳ қарор гирифтаанд ва қорҳои тармимгарӣю барқарорсозӣ дар онҳо анҷом пазируфтааст, ёдгориҳои меъморӣ мебошанд. Аз ҷумлаи онҳо Мадрасаи Олим Додхоҳ (шаҳри Панҷакент), Мадрасаи Абдулатиф Султон (шаҳри Истаравшан), Мақбараи Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ (шаҳри Кӯлоб), маҷмааи қалъаи Ҳисор ва монанди инҳо мебошанд. Қорҳои тармиму барқарорсозиро дар ин ва дигар ёдгориҳои меъморӣ, устохонаи махсуси илмӣ - истеҳсоли ва тармимгарӣ дар асоси лоиҳаҳои омодашуда, амалӣ гардондааст.

Тавре мушоҳида мешавад дар давраи Шуравӣ ба ёдгориҳои бостоншиносии ғайриманқул камтар таваҷҷуҳ зоҳир гардидааст. Ин дар ҳоле аст, ки бозёфтҳои ин ёдгориҳо тармим шудаанд ва аз тарафи дигари муҳимияти таърихии ин ёдгориҳо инъикос кардаанд. Ба таври мисол метавон аз ёдгории будоии Ачинатеппа, Кофирқалъа, Чилхучра ва Панҷакенти қадим ёдоварӣ намуд.

Баъди анҷоми қовишҳои бостоншиносӣ ин ёдгориҳо дар ҳавои кушод ба ҳоли худ гузошта шудаанд, ки ин боиси харобшавии баъзе аз ин ёдгориҳо аз ҷумла, дайри будоии Ачинатеппа, дижи Кофирқалъа, қалъаи Бешкент ва ҳоказои дигар гардидааст. Ҳатто одитарин усули консерватсия кардани ёдгориҳо, яъне дубора бо хок пӯшонидани ҳафриётҳо амалӣ нагардидааст. Ин дар ҳоле буд, ки усули мазкур барои ҳифз кардани деворнигораҳои шаҳри бостонии Панҷакент ва мучассамаи Буддо истифода гардида буд.

Расми 1. Ачинатеппа замони ҳафриёти Расми 2. Ачинатеппа бо гузашти солҳо, соли 1969. соли 2006.

Мавриди зикр аст, ки дар ин давра ҳатто барои ҳифзи ёдгориҳои бостонии ғайриманқул дар рӯзномаю маҷаллаҳои даврӣ, баъзе мақолаҳо рӯйи чоп омадаанд, аммо масъалаи ҳифз шудани онҳо норавшан аст. Аз он ҷумла, мақола дар бораи ёдгории асримиёнагии Чилхучра таҳти унвони «Чилхуджа все ждет» дар рӯзномаи «Коммунист Таджикистана» 11.10.1979 рӯйи чоп омада буд. Ҷолиби диққат он аст, ки мақолаи мазкур дар ҳаёти мушовараи Вазорати фарҳанги Тоҷикистони Шуравӣ мавриди баррасӣ қарор гирифта, дар қарори ҳаёти мушовара дарҷ гардидааст. Дар асоси қарори ҳаёти мушовараи Вазорати фарҳанг таҳти № 20/10 аз 31.10.1979 лоиҳаи болопӯш намудани ёдгории Чилхучра омода гардида буд [10]. Вале бо сабабҳои барои мо номаълум лоиҳаи мазкур амалӣ нагардид. Ҳамин гуна лоиҳае, ки дар амал татбиқ нашудааст, барои қалъаи Кофарниҳон дар деҳаи Эсанбойи ноҳияи Рӯдакӣ низ омода гардида буд.

Аз таҳлили марҳалаи аввал ё худ замони Шуравӣ метавон гуфт, ки бо вучуди асос гузоштан ба мактаби тармимгарӣ ва тармиму барқарорсозӣ намудани дахҳо ёдгориҳои манқул ва меъморӣ боз ҳам костагиҳои ҷиддӣ дар самти ҳифзи ёдгориҳои бостонии ғайриманқул дида мешаванд. Айни замон, ҳатто муносибати нодуруст ба онҳо ва риоя нагардидани одитарин усулҳои консерватсия қардани ёдгориҳо боиси хароб гардидани ёдгориҳо низ гардидааст.

Қорҳои тармимгарӣ дар марҳалаи дуюм ё худ замони Истиқлол асосан баъди солҳои 2000-ум оғоз гардиданд. Албатта, барои дубора ба масъалаи ҳифзи ёдгориҳо тавачҷуҳ зоҳир қардан, саҳми Пешвои миллат, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ниҳоят назаррас аст. Зеро маҳз бо ташаббуси мавсуф тармимгар В. Фоминих ба Ҷумҳурии Тоҷикистон омад ва ба тармим қардани қисмҳои боқимондаи Буддо дар ҳоли нирвана пардохт [6,315]. Ҳамзамон, бинои алоҳида барои Осорхонаи миллии бостонӣ сохта шуд, ки барои ҳифзи ёдгориҳои бостонии манқул заминаи мусоид гузошт. Аммо раванди инкишофи ҳифз ва тармим намудани ёдгориҳои бостонии манқул ба солҳои 2013 рост омад. Зеро дар ин сол бинои нави Осорхонаи миллии бостонии Тоҷикистон

ифтидох гардид, ки он дорои ташхисгоҳи махсуси тармимгарӣ ва фонд барои ниғаҳдории ёдгориҳои манқул буд.

Қайд кардан ба маврид аст, ки дар ташхисгоҳи Осорхонаи миллии сафолҳо, ашёҳои мисӣ, мучассамаҳо ва дигар ашёҳои осорхонавӣ таъмиру таҷдид мешаванд. Гарчанде ташхисгоҳи мазкур то ҳол таҷрибаи тармим кардани деворнигораҳо ро надорад, аммо бисёр бозёфтҳои нодирро тармим ва ба ин васила ҳифз намудааст. Масалан, яке аз чунин бозёфтҳои нодир тобути гилии замони Кушониён мебошад, ки аз шаҳри Ҳисор бозёфт гардида буд ва як муддат дар Осорхонаи Ҳисор ниғаҳдорӣ мешуд. То замони ба Осорхонаи миллии овардани тобути мазкур, он тавассути гаҷ ва ширешҳои замонавӣ мустаҳкамкорӣ шуда буд, ки ин амал барои ҳифзи тобут чандон натиҷаи дилхоҳ надода буд ва ширешҳои истифодагардида пораҳои тобутро ба ҳамдигар хуб начаспонида буд. Аз ин хотир тобути гилии дар дохили қолаби ҷӯбин гузошта шуда буд. Баъди овардани тобути гилии ба ташхисгоҳи Осорхонаи миллии тармимгарон ибтидо онро аз гаҷ ва ширешҳои нолозим ба воситаи маҳлули якҷошудаи атсетон ва этанол пок намуда, сипас ба тармим кардани он пардохтанд. Барои тармим кардани тобут тармимгарон се навъи ширеш, аз ҷумла: эпоксид, ПБМА ва ширешҳои махсуси замонавиро таҷриба карда, билохира навъи сеюмро истифода намуданд. Барои пур кардани ҷойҳои холии тобут тармимгарон омехтаи ПВА бо гилро истифода бурданд. Барои ниғаҳдории минбаъдаи тобут дар экспозитсия ва нарасидани осеб ба он тармимгарон зери тобутро бо ҷӯб ва пена мустаҳкам намуданд [1,153].

Ба монанди тобути мазкур боз садҳо ёдгориҳои бостонии манқул ба сиккаҳо, бозёфтҳои устухонӣ, сафолпораҳо, зарфҳои мисӣ, ашёҳои биринҷӣ ва ғайраҳои дигар дар осорхонаҳо поккорӣ ва тармим гардида, ба ин васила ҳифз шудаанд.

Дар замони Истиқлол ба монанди замони Шуравӣ ба ёдгориҳои меъморӣ низ аз ҷониби Роҳбари давлат таваҷҷуҳи хоса равона гардида, чанде аз онҳо тармиму барқарорсозӣ гардидаанд. Ба таври мисол метавон аз ёдгориҳои Муҳаммади Башоро, мақбараи Ҳоҷа Нақшрон, Ҳоҷа Машҳад ва амсоли инҳо ёдоварӣ намуд.

Бояд гуфт, ки дар замони соҳибистиклолӣ нисбат ба замони Шуравӣ ба корҳои тармимгарӣ бештар таваҷҷуҳ зоҳир гардида, ҳамкориҳо дар ин самт бо ташкилотҳои байналмилалӣ, ба монанди ЮНЕСКО ва ИКРОМ роҳандозӣ гардиданд. Дар ин замина якчанд семинару конференсияҳо низ баргузор гардиданд, ки ҳадафи асосӣ боз ҳам баланд бардоштани сатҳи таҳассуснокии тармимгарон буд.

Фарқияти дигари замони Истиқлол аз замони Шуравӣ дар он аст, ки дар ин давра корҳои тармимгарӣ дар ёдгориҳои бостонии ғайриманқул густариш дода шуданд. Масалан гирем, дайри буддоии Ачинатеппа дар замони Шуравӣ кашф ва пурра ҳафрийет гардида буд. Аммо барои ҳифз кардани ин ёдгориӣ ягон коре ба сомон расонида нашуда буд. Дар замони Истиқлол, аниқтараш солҳои 2007-2008 мақоми ваколатдори соҳаи фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон дар якҷоягӣ

бо давлати ба мо дӯсти Чопон ва Созмони бонуфузи ЮНЕСКО лоиҳаи тармим ва ҳифз кардани ёдгории Ачинатеппаро роҳандозӣ намуд. Лоиҳаи мазкур гузаронидани таҳқиқоти илмӣ, кӯшишҳои бостоншиносӣ, корҳои консерватсиякунонӣ ва ҳуҷҷатнигориро дар бар мегирифт. Зимни таҳқиқот маълум гардид, ки сабаби асосии хароб гардидани деворҳо ва биноҳои дайри буддой обҳои борон ва обҳои зеризаминӣ мебошанд.

Аз ин рӯ, барои корҳои консерватсиякунонӣ усули махсус истифода гардид. Яъне, ибтидо аз хоки атрофи ёдгорӣ хиштҳои хом омода карда шуданд ва тавассути онҳо деворҳои аслии ёдгорӣ, ки қисман боқӣ монда буданд, пӯшонидани шуданд. Сипас, барои кам кардани таъсири обҳои борон, болои хиштҳои хом бо қабати тунуки андова рӯйпӯш карда шуд. Ҳамзамон, сохтани системаи махсуси обпартоӣ (дренаж) барои нест кардани таъсири обҳои зеризаминӣ дар лоиҳаи мазкур ба нақша гирифта шуда буд [11]. Аммо бо сабабҳои номаълум, системаи мазкур амалан сохта нашуд. Бо гузашти чанд сол маълум гардид, ки набудани системаи махсуси обпартоӣ таъсири худро ба ёдгорӣ расонид ва деворҳои консерватсияшуда ба харобшавӣ шуруъ карданд.

Ҳоло Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон тасмим гирифтааст, ки дар доираи лоиҳаҳо системаи мазкурро дар Ачинатеппа созад ва ҳамзамон деворҳои онро дубора консерватсия намояд.

Ёдгории дигаре, ки дар замони Истиқлол тармим гардид, ин қалъаи Бешкент мебошад. Лозим ба зикр аст, ки ёдгории мазкур ба асрҳои II то мелод нисбат дошта, то солҳои 1950 хеле хуб боқӣ монда буд. Бо мурури замон ва таъсири боду борон мушоҳида гардид, ки харобшавии деворҳои мудофиавӣ ва бурҷҳо бештар аз қисмати поён ба назар мерасанд. Дар сурати пешгирӣ накардани харобшавии ин қисмати деворҳо, хатари яку яқбора чаппа шудани онҳо мавҷуд буд. Барои пешгирӣ намудани ёдгорӣ аз харобшавӣ, мутахассисон чунин методро истифода бурданд. Ибтидо аз атрофи қалъа похсаҳо ва сангҳои афтодаро ҷамъ намуда, дар қисмати поён деворҳо гузошта, онҳоро бо симтӯр мустаҳкам карданд, то ин ки дубора наафтанд. Баъдан бо истифода аз хоки атрофи ёдгорӣ болои ҷойҳои тармимшуда, андова карда шуд [2,13].

Расми 3. Қалъаи Бешкент соли Расми 4. Девори қалъа пеш Расми 5. похсаҳои атрофи қалъа. 1950.

Расми 6. Раванди корҳои тармимгарӣ. Расми 7. Қалъа баъд аз тармим.

Ин усул аз як тараф харобшавӣ ва несту нобуд гаштани деворҳоро пешгирӣ карда бошад, аз тарафи дигар аслияти таърихии ёдгориҳо ҳифз намудааст. Ин басо муҳим аст, зеро мақсади аслии корҳои тармимгарӣ ва консерватсиякунонӣ ин ҳифз кардани аслияти ёдгориҳои таърихӣ мебошад. Аммо дар баъзе мавридҳо бинобар сабаби нафаҳмидани моҳияти корҳои тармимгарӣ, ёдгориҳо аслияти таърихии худро гум мекунанд.

Баъзе ёдгориҳои бостонии Тоҷикистон аз хиштҳои пухта бино гардидаанд. Дар чунин ёдгориҳо, харобшавӣ бештар аз қисмати болои деворҳо ва аҳёнан аз қисмати поён ба назар мерасанд. Бинобар ин барои ҳифз кардани аслияти таърихии чунин ёдгориҳо моро пеш аз ҳама зарур аст, ки ҳангоми роҳандозӣ намудани корҳои тармимгарӣ ва ё барқарорсозӣ мувозинатро нигоҳ дорем. Яъне, агар девор дар баландии 1 м боқӣ монда бошад, пас тармим қисмати болоии он бояд то 40 см тармим ва барқарорсозӣ гардад. Зеро дар сурати аз меъёр зиёд гузоштани хиштҳо метавонад вазн зиёд шавад ва оҳиста - оҳиста ба девори аслии таъсир расонида, кафидагиҳо ва харобиҳоро дар деворҳо ба вучуд орад.

Аз тарафи дигар зиёд кардани корҳои тармимгарӣ тавассути хиштҳои нав аслияти таърихии ёдгорино нисбатан коста мегардонад. Барои коста нагардидани аслияти ёдгориҳои таърихӣ имконияти истифода буридан аз усули омода кардани хиштҳои таърихӣ мавҷуд аст. Ин усулро Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ёдгориҳои меъморӣ бештар таҷриба кардааст. Масалан, барои ёдгориҳои Хоча Машҳад, Хоча Нақшрон ва амсоли инҳо, ки аз хиштҳои андозаашон 25x25 сохта шудаанд, печҳои махсус омода карда шудааст. Дар чунин печҳо хиштҳои низ омода мешаванд, ки аз лиҳози ҳаҷм, шакл ва намуд ба хиштҳои таърихии ҳамин ёдгориҳо шабоҳати зиёд доранд [9,6].

Аммо барои истехсоли чунин хиштҳо, мутахассисон дар мадди аввал хоки мувофиқро ҷустуҷӯ намуда, якчанд маротиба онро месанҷанд. Баъдан аз хоке, ки хишти мавриди назар ҳосил шудааст, боқимондаи хиштҳоро дар чунин печҳо мепазонанд. Пухтани хиштҳо дар чунин печҳо нозукии худро доро мебошад. Яъне дар он аз дилхоҳ намуди сӯзишворӣ истифода кардан мумкин нест. Сӯзишвории мувофиқ ин аррамайдаҳо мебошанд, ки онҳо оҳиста сӯхта ҳарорати лозимиро дар дохили печ ба вуҷуд меоранд.

Дар воқеъ метод ва усулҳои мухталифи ҳифз намудани ёдгориҳои бостонӣ вуҷуд дорад. Аммо барои ин зарур мебошад, ки аввал санъати меъмории ёдгорӣ, масолеҳи сохтмон (хишти хом, поҳса, санг ва ё хишти пухта), мавқеи ҷойгиршавии ёдгорӣ ва таъсири омилҳои табиӣ ба он, дараҷаи замминҷунбӣ, боришоти миёнаи сол, миқдори барф дар фасли зимистон ва дигар омилҳои таъсиррасон ба ёдгориҳоро пурра омӯхта, сипас, методҳои мувофиқ ва санҷидашударо истифода кардан мумкин аст.

Бо вуҷуди он, ки таҷрибаи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самти тармим ва ҳифзи ёдгориҳо ду давраро дар мегирад ва дар марҳалаи аввал заминаҳои хуб ба вуҷуд омада буданд, вале ҷанги таҳмилии шаҳрвандӣ қариб ки ин заминаҳоро аз байн бурд. Ҳатто як муддат холигӣ дар корҳои тармимгарӣ ва аз Тоҷикистон кӯч бастанӣ тармимгарон ба вуқӯ пайваст. Аммо маҳз дар давраи дуум корҳои назаррас дар ин самт ба сомон расонида шуданд. Албатта, камбудӣҳо ва костагӣҳои ҷиддӣ низ, дар ин росто мушоҳида мешаванд. Аз ҷумла нодуруст ба роҳ мондани корҳои тармимгарӣ, ки ҳатто баъзан ёдгорӣ пурра ба хок ҳамвор мешавад ва бо хиштҳои нав ва беасоси таърихӣ деворҳои баланд бунёд мешаванд, ки дар натиҷаи аслияти таърихии ёдгорӣ пурра нест мегардад. Мисоли равшани ин гуфтаҳо ёдгории Муғтеппаи ноҳияи Истаравшан мебошад. Аммо сабаби асосии сар задани чунин иштибоҳҳо, пеш аз ҳама набудани дастурамал ва ё маводи илмӣ махсус роҷеъ ба тармим, норасоии тармимгарони боҳабар аз илмҳои бостоншиносӣ ва тармимгарӣ ва ё ҷалб нагардидани онҳо дар раванди амалӣ гардонии лоихаҳои тармими ёдгориҳо мебошад.

Аз ин лиҳоз, моро зарур аст, ки дар самти ҳифз ва тармими ёдгориҳои бостоншиносӣ беш аз пеш маводи илмӣ - таҳқиқотӣ нашр намоем ва бештар тармимгарони соҳибтаҷрибаро ба корҳои тармимгарӣ ҷалб намоем.

1. Абдуллоева, П. Тобути гилӣ аз шахри Ҳисор / П. Абдуллоева // Ахбори ОМТ. – 2021. – № 3. – С. 184.
2. Абдусаломов, М. Аз таҳия то татбиқи «Барномаи давлатии ҳифзи мероси таърихӣю фарҳангӣ барои солҳои 2021–2025» / М. Абдусаломов, З. Отахон. – Душанбе, 2023. – 87 с.
3. Винокурова, М. Применение полибутилметакрилата при реставрации памятников живописи и скульптуры / М. Винокурова // СГЭ. – 2001. – № 59. – 224 с.
4. Костров, П. И. Исследование, опыт реконструкции и консервация живописи и скульптуры древнего Пенджикента / П. И. Костров // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. – М., 1959. – 245 с.
5. Новикова, Л. П. Работа реставрационно-технологической лаборатории / Л. П. Новикова // АРТ. – М., 1973. – 362 с.
6. Фоминых, В. А. Реконструкция монументальной глиняной скульптуры Будды в Нирване из Аджина-Теппе / В. А. Фоминых // АРТ. – Душанбе, 2003. – 326 с.
7. Шейнина, Е. Г. Консервация и реставрация стенных росписей древнего Пенджикента / Е. Г. Шейнина // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1953. – № 37. – С. 146. – 324 с.
8. Мальцев, Ю. С. Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониш / отв. ред. Ю. С. Мальцев. – Душанбе, 1981. – 69 с.
9. Қарори ҳайати мушовараи Вазорати фарҳанги РСС Тоҷикистон № 20/10 аз 31.10.1979 / Бойғонии ҷорӣи Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон.
10. Қарори Шурои Вазирони РСС Тоҷикистон № 194 аз 08.07.1968 (б. 6 – таъсиси Инспексияи давлатӣ дар доҳили Вазорати маданият; б. 7 – таъсиси Устохонаи махсуси илмӣ-истеҳсоли ва тармимгарӣ) / Бойғонии ҷорӣи Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон.
11. Лоихаи тармим ва барқарорсозии Ачинатеппа / Бойғонии ҷорӣи Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон.

ТАҶРИБАИ ТАРМИМ ВА ҲИФЗИ ЁДГОРИҲОИ БОСТОНШИНОСИИ ТОҶИКИСТОН

Дар мақолаи мазкур сухан асосан дар бораи таҷрибаи Тоҷикистон дар самти тармим ва ҳифз намудани ёдгориҳои бостонӣ меравад. Муаллиф дар ибтидои мақола таҷрибаи Тоҷикистонро дар ин самт ба ду марҳала ҷудо намуда, сипас ҳар ду марҳаларо дар алоҳидагӣ мавриди омӯзиш ва таҳлил қарор додааст.

Ҷи тавре аз мазмуни мақола маълум мегардад, дар марҳалаи аввал ё худ замони Шуравӣ бештар ба тармим намудан ва ҳифз кардани ёдгориҳои бостонии манқул тавачҷуҳ зоҳир мегардид. Дар мақола қўшиш ба харҷ рафтааст, ки бо овардани мисолҳо ва намунаҳо ин нукта собит гардад.

Баъд аз таҳлили марҳалаи аввал ва нишон додани дастовардҳои камбудии он, муаллиф ба инъикоси таҷрибаи Тоҷикистонро дар самти ҳифзи ёдгориҳо дар замони Истиқлол пардохтааст. Таҳлил ва омӯзиши таҷриба дар ин давра низ, бо нишон додани мисолҳо ва лоихаҳои анҷомёфта сураат гирифтааст. Баъд аз ин муаллиф бо таъя ба мисолҳои овардашуда, ҳар ду марҳаларо қиёс намуда, фарқиҳои онҳоро баён менамояд.

Аз ҷумла, гуфта мешавад, ки дар замони соҳибистиклолии Тоҷикистон ҳамкориҳо бо созмонҳои байналмилалӣ дар самти ҳифзи ёдгориҳо афзуд ва якҷанд лоихаҳо низ амалӣ карда шуданд. Инчунин, дар мақола якҷанд методҳо ва усулҳои тармим кардани ёдгориҳои бостонӣ зикр гардидаанд ва гуфта мешавад, ки дар тармим кардани ёдгориҳои бостонӣ ба масолаҳе ки ёдгори аз он бино ёфтааст, шароити муҳити зист ва таъсири боду борон тавачҷуҳи махсус дода шавад.

Калидвожаҳо: ёдгори, бостонӣ, тармим, ҳифз, ширеш, усул (метод), манқул, ғайриманқул, хишт, консервация, таиҳисгоҳ, Ачинатеппа, Шуравӣ, Истиқлол, Тоҷикистон.

ОПЫТ РЕСТАВРАЦИИ И ОХРАНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТАДЖИКИСТАНА

В данной статье речь в основном идет об опыте Таджикистана в сфере реставрации и сохранения древних памятников. В начале статьи автор разделил опыт Таджикистана на два периода, а затем изучил и проанализировал каждый период по отдельности. Как видно из содержания статьи, в первом периоде, то есть в Советское время, больше внимания уделялось реставрации и сохранению движимых археологических памятников.

В статье предпринята попытка доказать эту точку зрения на примерах. Проанализировав первый этап и показав его достижения и недостатки, автор обратил внимание на опыт Таджикистана в области сохранения памятников в период независимости. Также были проведены анализ и изучение опыта за этот период, показаны примеры и реализованные проекты.

После этого автор, опираясь на приведенные примеры, сравнивает оба периода и поясняет их различия. В том числе говорится, что за время независимости Таджикистана расширилось сотрудничество с международными организациями в области охраны памятников и было реализовано несколько проектов.

Также в статье упоминается несколько методов и приемов реставрации археологических памятников и говорится, что при реставрации древних памятников особое внимание следует уделять материалам, из которых построен памятник, условиям окружающей среды и воздействию ветра, дождя и т.д.

Ключевые слова: *памятник, археологический, реставрация, охрана, клей, метод (способ), движимое, недвижимое, кирпич, консервация, лаборатория, Аджинатеппа, Советский Союз, Независимость, Таджикистан.*

EXPERIENCE OF RESTORATION AND PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF TAJIKISTAN

This article mainly discusses Tajikistan's experience in the field of restoration and preservation of ancient monuments. At the beginning of the article, the author divided Tajikistan's experience into two periods, and then studied and analyzed each period separately.

As can be seen from the content of the article, in the first period, that is, in Soviet times, more attention was paid to the restoration and preservation of movable archaeological monuments. The article attempts to prove this point of view by examples. Having analyzed the first stage and shown its achievements and shortcomings, the author drew attention to the experience of Tajikistan in the field of preserving monuments during the period of independence. An analysis and study of the experience during this period was also conducted, examples and implemented projects were shown.

After that, the author, relying on the examples given, compares both periods and explains their differences. In particular, it is said that during the time of Tajikistan's independence, cooperation with international organizations in the field of monument protection has expanded and several projects have been implemented.

The article also mentions several methods and techniques for the restoration of archaeological monuments and states that when restoring ancient monuments, special attention should be paid to the materials from which the monument is built, environmental conditions and the effects of wind, rain, etc.

Key words: *monument, archaeological, restoration, protection, glue, method (way), movable, immovable, brick, conservation, laboratory, Ajinateppa, Soviet Union, Independence, Tajikistan.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Саидзода Савриддини Сайдамир - докторант PhD Институту таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. Телефон:(+992) 918-58-68-04. E-mail: savriddin.saidzoda.98@mail.ru

Сведения об авторе: Саидзода Савриддини Сайдамир – докторант PhD Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Телефон: (+992) 918-58-68-04. E-mail: savriddin.saidzoda.98@mail.ru

Information about the author: Saidzoda Savriddini Saidamir – doctoral PhD student at the A. Donish Institute of history, archeology and ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992) 918-58-68-04. E-mail: savriddin.saidzoda.98@mail.ru

УДК: 338.48:930.25(575)

САЙЁҲӢ ҲАМЧУН ОМИЛИ ҲИФЗИ ЁДГОРИҲОИ ТАЪРИХИЮ ФАРҲАНГӢ: ТАҶРИБА, АНЪАНА ВА НАВОВАРӢ

ҚОДИРЗОДА Ф. С.,

Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибқори Тоҷикистон

Таваҷҷуҳ ба сайру сайёҳӣ бо мақсадҳои гуногун таърихи ниҳоят кӯҳан дорад. Ҳамасола шумораи зиёди соқинони сайёра бо мақсадҳои табобат, фароғату истироҳат, ҷаҳонгардӣ, зиёрат, таҳсилот, вақтхушӣ ва амсоли инҳо ба саёҳат баромада, он дар ҳоли афзоиш қарор дорад. Тибқи пешгӯиҳои Созмони Умумиҷаҳонии Сайёҳӣ (СУС) ё худ (ЮНВТО) шумораи сайёҳон дар соли 2030 ба 1,8 млрд. нафар мерасад [10].

Зиёда аз 40%-и саёҳатҳо хусусияти фарҳангӣ - тичоратӣ дошта, одамон бо мақсадҳои омӯзиши таърихи инсоният, эҳсоси воқеияти таърихӣ, ошноӣ бо арзишҳои фарҳангӣ, урфу одат ва анъанаҳо, махсусиятҳои этнографӣ, иншооти меъморий, иштирок дар маросимҳои ибодатӣ ва амсоли инҳо ҷаҳонгардӣ мекунанд.

Баробари афзоиши шумораи бесобиқаи сайёҳон ва таваҷҷуҳи онҳо нисбат ба шароити воқеии табиат, бисёре аз объектҳо ва зухуроти фарҳангӣ муҳити табиӣ ба гардиши сайёҳӣ ворид карда мешаванд. Дар баробари ин, мушкилоти зиёде дар мавриди раҳёфти дурусти истифодаи мерос ба вучуд меояд; аввалан, аз мерос ба унвони объекти рағбатҳои сайёҳон истифода мешавад ва он ба як манбаи даромад табдил меёбад; дуввум ин ки, аз мерос дар баробари истифода қардан ҳамчун объекти рағбати сайёҳон, инчунин масъалаи ҳифзу нигоҳдошти он ба миён меояд; саввум, дар баробари ҳифзу нигоҳдошти мерос, масъалаи эҳё, рушд ва меросгузорию объектҳои табиӣ ва фарҳангӣ ба наслҳои оянда аз умдатарин бокӣ мемонад.

Омили беҳтарин ва дастрастарини ошноӣ пайдо кардани меҳмонони хориҷӣ бо Тоҷикистон ин мероси фарҳанги пурғановати халқи тоҷик мебошад. Мубрамияти аз ҳама муҳимми сайёҳӣ пеш аз ҳама аҳаммияти гуманитарии он вобаста ба истифодаи имкониятҳои сайёҳӣ ҷиҳати рушди шахсият, нуруи эҷодии он ва васеъ сохтани доираи донишу ҷаҳонбинӣ мебошад. Тавачҷуҳ ба донишазҳудкунӣ аз хусусиятҳои асосии шахс ба ҳисоб мераванд. Омӯзиши истироҳат ва дарки воқеии ҳаёт, таърих ва фарҳанги халқиятҳои ғайр маҳз дар доираи вақти саёҳат амалӣ мегардад. Ошноӣ бо фарҳанг ва мероси фарҳангии халқу миллатҳои мухталиф олами маънавии шахсро ҷилои дигар бахшида, ҷаҳони андешаояшро низ тақвият мебахшад.

Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун кишвари дорои имкониятҳои бениҳоят зиёди сайёҳӣ - иқтисодии гаронмояи таърихӣ - фарҳангӣ ва сайёҳӣ, дурнамои рушди соҳа, бахусус дар самти сайёҳии фарҳангӣ муваффақона хоҳад буд.

Аз ҷониби дигар, пешрафти иқтисодиёти миллии дар замони имрӯза, афзоиши тавачҷуҳи ҷаҳонӣ ба Тоҷикистон, рушди соҳаи хизматрасонӣ, дигар соҳаҳои бо он алоқаманд, инчунин омилҳои дигар ба рушди соҳа дар шароити имрӯза заминаи мусоиду созгорро фароҳам сохтааст. Маҳз вобаста ба ҳолати ба амал омада ва эътирофи соҳаи сайёҳӣ ҳамчун соҳаи афзалиятдори иқтисодиёти миллии, масъалаи ҳифз ва эҳёи мероси хангоми ба гардиши сайёҳӣ ворид намудан нисбатан мубрамтар мегардад. Ҷамъи мушкilot дар ин самт ниҳоят фарох - аз ҳифзи объектҳо, беҳдошт, рушд ва то меросгузорӣ ба наслҳои баъдина маҳсуб меёбад. Аз ин ҷо, зарурати коркард ва татбиқи маҷмӯи зиёди тадбирҳои меъёрӣ - ҳуқуқӣ ва ташкилӣ, ки ба манфиати ҳифзу нигоҳдошти мероси равона гардида бошад, пеш меояд.

Аз солҳои 80-уми садаи XX ва минбаъд ҷомеаи ҷаҳонӣ дар мавриди танзими муносиботи мутақобилаи мерос ва сайёҳӣ корҳои шоёнро анҷом додааст. Масоили истифодабарии мерос ҳамчун объекти рағбатҳои сайёҳон дар бисёре аз ҳуҷҷатҳои байналхалқии Созмони умумиҷаҳонии сайёҳии СММ дарҷ гардидааст. Масалан, дар Декларатсияи Манил (соли 1980, Декларатсияи «В», банди 10.) оварда шудааст: «Рушди сайёҳӣ ҳам дар сатҳи миллии ва ҳам дар сатҳи байналхалқӣ метавонад дар ҳаёти миллатҳо тавассути хуб омода ва пешниҳод кардан, ҳифз ва ҳимоя кардани мероси фарҳангӣ, арзишҳои сайёҳӣ ва муҳити табиӣ, иҷтимоӣ ва инсонӣ саҳми мусбат дошта бошад» [7,14]. Дар Декларатсияи Гаага оид ба сайёҳӣ (1989) ба ҳайси яке аз принципҳои рушди сайёҳӣ (Принсипи III) оварда шудааст: «Муҳити табиӣ, фарҳангӣ ва инсонии зиённорасида аз шароитҳои муҳимми рушди сайёҳӣ мебошад. Зиёда аз ин, идоракунии мақсаднок метавонад дар ҳифз ва рушди муҳити атроф ва мероси фарҳангӣ, инчунин баланд бардоштани сатҳи зиндагӣ таъсири бориз боқӣ гузорад» [3,19].

Дар Кодекси глобалии ахлоқи сайёҳӣ (1999) омадааст, ки: «ҳуқуқ ба сайёҳӣ»-ро ҳар як нафари сокини сайёра дорад, ва захираҳои сайёҳии он дастоварди тамоми инсонияти башар мебошад; ҷамъияте, ки ин захираҳо дар ҳудудҳои он ҷойгиранд аз ҳуқуқ ва уҳдадорӣҳои махсус бархурдоранд».

Тибқи муқаррароти Кодекси мазкур «хуқуқ ба сайёҳӣ» дар баробари хуқуқҳои вобаста ба истифодабарӣ, инчунин хуқуқ ба ҳифзи аслияти фарҳангии миллат ва халқҳои кураи Замин, ҳамзамон ба муҳити фарҳангӣ ва инсонии зиён норасида низ мебошад [1, 5]. Дар ҳамин кодекс тавсияҳо оид ба ҳифзи мероси хангоми истифодабарӣ ба ҳайси захираи сайёҳӣ, аз ҷумла истифодаи воситаи молиявӣ барои нигоҳдошт, ҳифз, беҳдошт ва барқарорсозии объектҳои мероси пешниҳод гардидааст.

Чунин раҳёфтҳо вобаста ба ҳифзи мерос дар шароити истифодабарӣ ба ҳайси объекти сайёҳӣ дар ҳуҷҷатҳои ЮНЕСКО [1,6] низ дарҷ гардидааст. Аз ҷумла, ба сифати яке аз вазифаҳо, ки дар Конфронси байнихукумати «Нақшаи амал оид ба сиёсат дар самти фарҳанг бо мақсади рушд» қабул гардидааст, чунин вазифаи пешгузошта шудааст: «...мо бояд ба он мушарраф гардем, ки сайёҳӣ нисбат ба фарҳангҳо ва муҳити атроф эҳтиром дошта бошад, даромад аз сайёҳӣ ҳамзамон бояд барои ҳифзи мерос ва мустаҳкамсозии равандҳои рушди фарҳанг низ истифода гардад» [9,121].

Дар баробари ин, масоили баррасӣ ва корбурди ҳифзи мероси тавассути ба гардиши сайёҳӣ ворид намудани он, ки аз ҷониби ЮНВТО қабул гардида, дастгирӣ меёбад дар Консепсияи рушди устувори сайёҳӣ [11,152] махсус дарҷ гардидааст.

Мафҳуми рушди устувори сайёҳӣ дар таълифоти муаллифони нимаи дууми солҳои 80-уми садаи XX низ воҷеҳӯрад. Мақсади рушди устувори сайёҳӣ аз ҷониби Созмони Байналмилалӣ Сайёҳӣ (ЮНВТО) дар ҳамбастагӣ бо UNER (Барномаи СММ оид ба муҳити атроф) ҳанӯз соли 2005 мушаххас гардида буд: қобилиятнокии иқтисодӣ, рушди маҳал, сифати ҷойҳои қорӣ, адолати иҷтимоӣ, қонешавии сайёҳон, назорат аз ҷониби ҷамъиятҳои маҳаллӣ, некӯаҳволии ҷамъиятӣ, бойигарии фарҳангӣ, томияти ҷисмонӣ, гуногунии биологӣ, самаранокии истифодаи захираҳо, тозагии муҳити атроф [2].

Бояд дарк намуд, ки барои таъмини ҳадафҳои зикргардида мавҷудияти «сайёҳии устувор» зарур аст. Вай бояд дарк намояд, ки хангоми интиҳоби маҳсулоти маҷмуии сайёҳӣ талаботи болозикр риоя ва аз ҷониби сайёҳ рафтори масъулони роҳандозӣ карда шавад. Бо мақсади собит намудани он нукта, ки рушди устувор яке аз асосҳои рақобатпазирии сайёҳӣ мебошад, бояд нишондиҳандаҳои рушди устувор ва нишондиҳандаҳои рақобатпазирӣ ҳатман мавриди муқоиса қарор дода шаванд [8, 117-128].

Ба андешаи Е. М. Максарова «Сайёҳии устувор - ин намуди сайёҳиест, ки истифодаи мақсадноки захираҳои муҳити атроф таъмин гардида, хусусияти иҷтимоӣ - фарҳангии ҷамъияти қабулкунандаи сайёҳон дастгирӣ меёбад, қобилиятнокии равандҳои дарозмуддати иқтисодӣ бо дарназардошти аҳаммияти он барои тамоми доираҳои манфиатнок таъмин мегардад» [5, 345-350].

Е. М. Максарова дар ҷойи дигар овардааст, ки: «Рушди устувори сайёҳӣ - инчунин тарзи рушди сайёҳиест, ки раванди тӯлонӣ дошта, тавозуни амалисозии мақсадҳои ба рушди иқтисодӣ, экологӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ бо

дарназардошти рағбатҳои ҳамаи тарафҳои манфиатдор (сайёҳон, дестинатсияҳои қабулкунанда ва фиристонанда, аҳолии маҳаллӣ) дар асоси истифодаи мақсадноки захираҳо ва шарикӣ ҳаматарафаро таъмин месозад, мебошад» [5, 345-350].

Раҳёфтҳои чихати истифодаи мақсаднок аз мероси фарҳангӣ ҳам дар самти соҳаи сайёҳӣ ва ҳам дар самти сиёсати фарҳангӣ ва хифзи табиат дар қонунгузорию Ҷумҳурии Тоҷикистон васеъ инъикос гардидааст. Масалан, дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи сайёҳӣ», моддаи 29 - «Ҳуқуқ ва уҳдадорӣҳои сайёҳ», зербанди 3 омадааст: «захираҳои сайёҳиро тибқи талаботи санадҳои меъриӣ ҳуқуқӣ мақсаднок истифода намојд, ба ҷойҳои мамнуъ ворид нашавад, ба муҳити зист, ёдгориҳои мероси таърихӣ фарҳангӣ, ҷойҳои муқаддас ва осори дигаре, ки тахти ҳимояи давлат қарор доранд, эҳтиромона муносибат намојд» [4].

Аксари иқтидори таърихӣ - фарҳангии Тоҷикистонро ёдгориҳои таърихӣ – фарҳангӣ ташкил медиҳанд, ки тибқи маълумоти Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон айни ҳол дар мамлакат зиёда аз 3000 [6].

Рушди рағбатҳои сайёҳон нисбат ба объектҳои фарҳангии Тоҷикистон барои татбиқи лоиҳаҳои ҷадиди созмонҳои ҷамъиятӣ дар мавриди ошкорсозии объектҳои нисбатан ҷолиб замина гузошт. Масалан, аз ҷониби Созмони ҷамъиятии ҷумҳуриявии «Маркази рушди сайёҳӣ» соли 2009 лоиҳаи «Ҳафт ганҷинаи Тоҷикистон» роҳандозӣ ва ҷамъбаст карда шуд. Лоиҳаи мазкур дар ҳамбастагӣ бо Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон амалӣ гардида, маблағгузорию он аз ҷониби Шӯъбаи Ташкилоти байналмилалӣ Институти «Ҷомеаи кушода», Ҳазинаи ҳамкорӣ дар Тоҷикистон сурат гирифт. Ҳафт ганҷинаи Тоҷикистон тариқи СМС-паёмнокҳои шахрвандон муайян ва муаррифӣ карда шуда, дар шакли китобча - албоми ранга нашр гардид. Нашрияи мазкур аз воситаҳои муҳимми тарғиби имкониятҳои нодири сайёҳӣ байни сокинон ва сайёҳони хориҷӣ ба ҳисоб меравад.

Дар мамлақати мо вобаста ба мавҷуд будани шумораи зиёди оромгоҳҳо ва ҷойҳои муқаддаси зиёратӣ, сайёҳии динӣ - зиёратӣ ва маърифатӣ байни сайёҳони мамолики олам маъмул гардидааст.

Айни замон, шумораи ин гуна объектҳо ба зиёда аз 140 адад баробар буда, аксари онҳо мавриди таваҷҷуҳи сайёҳони ватанию хориҷӣ қарор доранд. Бисёре аз ин объектҳо ба ҳайси ёдгориҳои шинохтаи меъморӣ шуҳрат пайдо кардаанд. Инҳо, оромгоҳи Ҳоча Муҳаммади Башоро дар шаҳри бостонии Панҷакент, оромгоҳи Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ дар шаҳри бостонии Кӯлоб, оромгоҳи Султон Увайси Қаранӣ дар ноҳияи Ховалинг, оромгоҳи Ҳочӣ Ҳусайни Кангуртӣ дар ноҳияи Темурмалик, оромгоҳи Бурхи Сармасти Валӣ дар ноҳияи Сангвор, оромгоҳи Ҳоча Нақшрон дар шаҳри Турсунзода, оромгоҳи Мавлоно Яъқуби Чархӣ дар шаҳри Душанбе, оромгоҳи Маҳдуми Аъзам дар шаҳри Ҳисор ва амсоли инҳо мебошанд. Ҷамъи сайёҳон ва зиёраткунандагон, ки аз ин объектҳо дидан менамојанд, ҳамсола аз 30 то 40 ҳазор нафарро ташкил медиҳад.

Ба Рӯйхати силсилаи ёдгориҳои моддии ЮНЕСКО ворид гардидани Саразм (соли 2010), Панҷакенти қадим, Шаҳраки Санҷаршоҳ, Шаҳраки Ҳисорак», «Гарданаи Ҳисор», «Қалъаи Муғ», «Қум», «Тали Ҳамтӯда», мақбараи «Ҳоча Муҳаммади Башоро» (соли 2023), шухрати ҷаҳонӣ ва ҷозибияти сайёҳии ёдгориҳои мазкурро афзудааст.

Таҷрибаи ҷаҳонии танзими таъсири мутақобилаи саноати сайёҳӣ ва объектҳои мероси таърихӣ ва табиӣ ҳам дар сатҳи миллий ва ҳам дар сатҳи маҳаллӣ бесобиқа мебошад.

Маҳз, танзими дурусти ин раванд на танҳо боиси беҳдошт, балки боиси эҳё ва дарёфти ҷанбаҳои нави мавриди истифода ва рушди минбаъда мегардад. Дар кишварҳои аврупоӣ шумораи маъмурони маҳаллӣ, ки мақсади таъмини раванди беҳдошт ва барқарорсозии объектҳои мероси таърихӣ ва фарҳангӣ, барқарорсозии маҳаллаҳои қадимии шаҳру шаҳракҳо ва ёдгориҳои меъморӣ онҳоро доранд, пайваста афзоиш ёфта, бо ин васила дар кори ҷалби ҳарчӣ бештари сайёҳон саҳми басо ҳам назаррас мегузоранд.

Сабаби асосии ба таври дилхоҳ рушд накардани соҳаи сайёҳӣ дар Тоҷикистон пеш аз ҳама рушди начандон ғаёлонаи бунёди инфрасохтори замонавии сайёҳӣ, бахусус, роҳҳо ба самти ҷойгиршавии объектҳои сайёҳӣ, норасоӣ ва сифати пасти хизматрасонӣ дар меҳмонхонаҳо, тарабхонаҳо, норасоии мутахассисон ва ё ҷалб накардани мутахассисони баландихтисоси соҳа барои ғаёолият дар иншооти инфрасохтори соҳаи сайёҳӣ, ҳолати хароби баъзе аз объектҳои мероси таърихӣ - фарҳангӣ, норасоии хатсайрҳои ҳавоӣ бо кишварҳои ҷаҳон, нархи гарони чиптаҳои ҳавопаймоӣ ва амсоли инҳо мебошанд. Дар баробари ин, омилҳои дигар, аз қабили сатҳи паст ва ё умуман набудани менечменти дилхоҳ, ҳатто дар объектҳо ва муассисаҳои пойгоҳӣ барои сайёҳӣ ба монанди осоишгоҳҳо, мамнуъгоҳҳо, боғҳои миллий ва табиӣ, инчунин анқариб тамоман набудани корҳои тарғиботӣ аз ҷониби дастандаркорони объекту муассисаҳои сайёҳӣ пешрафти соҳаро ҳалалдор месозад.

Маврид ба зикр аст, ки аз ҷониби Мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ тавачҷуҳ ба объектҳои таърихӣ - фарҳангӣ ба унвони захираи пешбаранда ва тағйирдиҳандаи вазъи иҷтимоӣ - иқтисодии минтақа чандон зоҳир намегардад. Нақш ва мақоми сайёҳӣ ҳамчун омилҳои пешбурди вазъи иҷтимоӣ - иқтисодӣ ва таҳкимбахши сатҳу сифати зиндагии аҳоли дар минтақаҳо чандон назаррас нест.

Маҷмуан, истифодаи иқтидори сайёҳии ёдгориҳои бостоншиносӣ новобаста аз тавачҷуҳу рағбати сокинони мамлакат ва сайёҳони хориҷӣ нисбат ба гузаштаи қадима ва асрҳои миёнаи халқи тоҷик начандон қаноатбахш роҳандозӣ гардидааст. Дар баробари ин, дар объектҳои фарҳангӣ ва таърихӣ Тоҷикистон шаклҳои ниҳоят содаи ташкили сайёҳӣ ва ё экскурсияҳои маърифатӣ ташкил карда мешаванд. Дар таҷрибаи ҷаҳонӣ бошад, ин раванд тавре ба роҳ монда шудааст, ки сайёҳонро на танҳо ба андеша водор месозад,

балки онҳо бевосита дар раванди ковишҳои бостоншиносӣ иштирок карда, ба ин васила бо «таърих» дар тамос мешаванд.

Барои тағйир додани вазъ ва қонеъ кардани ҳуқуқи конститутсионӣ ва умуминсонӣ ҷиҳати дастрасӣ ба объектҳои мероси бостонӣ дар Тоҷикистон, бояд заминаи илмӣ - методӣ оид ба осорхонавикунонии ёдгориҳои бостонӣ таҳия гардида, дар асоси принципҳои менечменти соҳа ва барномаи махсуси давлатӣ принципҳои менечмент барои ин объектҳо таҳия карда шуда, барномаи махсуси давлатии осорхонавикунонии мероси бостонӣ мавриди амал қарор дода шавад.

Дар саросари ҷаҳон, объектҳои мероси фарҳангӣ ва шахрҳо, ки дорои мероси бойи ёдгориҳои меъморӣ, таърихӣ ва фарҳангӣ мебошанд, ба ҷойҳои ташрифоварии фаъолонаи шумораи зиёди сайёҳон табдил ёфтаанд. Аз ин рӯ, дар ҷойҳои ташрифоварии фаъолонаи сайёҳон, мушкилоти ҳифзи мерос ба миён омада, аксар вақт ба яке аз манбаъҳои хатарзо барои объектҳои мерос мубаддал мегарданд. Масалан, бисёр объектҳои мерос, ки ба рӯйхати ёдгориҳои Мероси ҷаҳонии ЮНЕСКО дохил шудаанд, таҳти хатари харобшавӣ ва нобудшавӣ қарор доранд, ки дар байни онҳо ҳатто Девори бузурги Чин, шаҳри таърихии Томбукту дар Малӣ, маркази таърихии шаҳри Шаҳрисабз дар Ҷумҳурии Ўзбекистон, Харобаҳои Килва - Кисивани ва Сонга - Манара дар Танзания ва амсоли инҳоро ном мебаранд.

Рушди номуташаккилонаи сайёҳӣ на танҳо ба ёдгориҳои моддии фарҳангӣ зарар мерасонад, балки аксар вақт ба тарзи ҳаёти мардуми бумӣ ва вайрон кардани анъанаҳо ва расму ойинҳо оварда мерасонад. Маҳз, соҳаи сайёҳӣ ба бештар ворид шудани унсурҳои фарҳангии бегона дар тарзи ҳаёт, анъана ва урфу одат, фарҳанги рӯзгордорӣ ва ҳатто чашну маросимҳо оварда мерасонад. Ин ҳолат, ҷаззобияти зухуроти фарҳангии ҷомеаро, ки қаблан боиси ҷалби ҳарчӣ бештари сайёҳон мавриди таваччуҳи онҳо қарор дошт, ботадрич аз байн меравад.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон низ объектҳои таърихӣ - фарҳангии ҷой доранд, ки бо сабабҳои муносибати нодуруст ва ғайриоқилона нисбат ба онҳо ба харобшавӣ ва ё нестшавӣ рӯй овардаанд. Мисоли равшани ин ҳолат шаҳри бостонии Панҷакент аст. Дар ин ҷо сохтмони хонаҳои нав намои бузурги мунаққашро, ки бузургии Панҷакенти Қадим, шаҳри суғди асрҳои VII-VIII-ро ба ёд меоранд ё умуман аз чашм пинҳон ва ё тамоман нобуд мекунанд. Харобаҳои Панҷакенти қадим дар масофаи якчанд километр аз ин биноҳои нав ҷойгир шудаанд.

Ёдгориҳои таърихии одамони ҷомеаи ибтидоӣ бо саҳнаҳои ҳаёти онҳо, ки то замони мо омада расидаанд, дар Тоҷикистон бешуморанд. Имрӯз, мутаассифона бархе аз ин ёдгориҳо дар ҳоли харобшавӣ ва ё нестшавӣ қарор доранд. Дар ҳудуди ёдгориҳои тасвири рӯйи санг (петроглифҳо), ки таърихи 2-3 ҳазорсола доранд, навиштаҷоте аз ташрифоварии сайёҳон ва ё соқинони бумӣ вохӯрада, ки ҷаззобияти онҳоро аз байн мебаранд. Намунаи ин гуна ҳолат дар тасвири рӯйи сангии деҳаи Лангари Бадахшон, ки шуморашон зиёда аз 6

ҳазор мебошад, вомехӯрад. Қайд кардан бамаврид аст, ки ин гуна ёдгориҳо аз ҷониби касе ҳифз намешаванд. Дар ин ҷойҳо нишонаҳои огоҳкунанда ва ё навиштаҳо дар бораи ин ёдгориҳо вомехӯрад. Ҳатто, сокинони маҳал огоҳ нестанд, ки зери пойи онҳо дастоварди дорои таърихи ҳазорсолаҳо нухуфтааст.

Ҳамин гуна ёдгории арзишманд Қалъаи Қаҳ - қаҳа (асрҳои III – IV то замони мо) воқеъ дар деҳаи Намадгути ноҳияи Ишкошим мебошад. Ин қалъа солиёни зиёд аз мадди назарҳо дур монда ва ҳатто бо мақсадҳои ғайр истифода гардида, деворҳои манори он ботадрич хароб шуда истодаанд.

Маҳз, соҳаи сайёҳӣ яке аз самтҳои барои ҳифзи мерос муҳимми тичорат ва фаъолияти ҷамъиятӣ буда, дар ҳоли аз меъёр бештар мавриди истифода қарор додани арзишҳои мероси фарҳангӣ барои ба харобӣ рӯй овардани онҳо оварда мерасонад. Аз ин рӯ, мушкилоти асосии сайёҳӣ дар ин самт аз он иборат аст, ки ду тамоюли аз нигоҳи аввал ба ҳам муқобил - ҳифзи объектҳои мерос ва рушди сайёҳӣ тавре ба ҳам оварда шаванд, то ки онҳо на муҳолифат, балки якдигарро пурра созанд.

Тачрибаи ҷаҳонӣ собит месозад, ки бо мақсади истифодаи оқилона аз арзишҳои мероси фарҳангӣ барои рушди соҳаи сайёҳӣ тадбирҳои судманд роҳандозӣ мегардад. Махсусан, дар кишварҳои аврупоӣ шумораи маъмурони маҳаллӣ, ки мақсадашон ҳифз, барқарорсозӣ ва ё тармими мероси фарҳангӣ ба хотири рушди сайёҳӣ ба ҳисоб меравад, айни замон дар ҳоли афзоиш қарор дорад. Ин амалҳо тавассути қабули маҷмӯи қонунгузориҳо, тадбирҳои ташкилӣ ва иттилоотӣ, инчунин технологияҳои нав сураат мегирад. Дар натиҷа, тарафҳои, ки дар қори ҳифзи мерос ҳавсмандӣ зоҳир намудаанд, барои ташкили фаъолияти сайёҳӣ - рекреатсионӣ ва экскурсионӣ - маърифатӣ бештар заҳмат кашида, дар баробари ин кӯшиш менамоянд, ки мероси фарҳангиро аз харобшавӣ эмин нигоҳ дошта, минбаъд низ аз он ба унвони манбаи даромади буча мавриди истифода қарор диҳанд. Ин тадбирҳо, пеш аз ҳама бо мақсади танзими ташрифоварии сайёҳон, беҳдошти инфрасохтори атроф (бунёди иншооти нақлиётӣ дар назди объектҳо, таваққуфгоҳҳо, мағозаҳо, қаҳвахонаҳо, тарабхонаҳо, гулгаштҳо), пешниҳоди хизматрасониҳои иттилоотӣ, ташкили чорабиниҳои дилхушкунанда, банақшагирии рушди сайёҳӣ, минтақабандии нуқтаҳои ташрифоварии сайёҳон, муайянсозии харитаи хатсайрҳои экскурсионӣ-сайёҳӣ, бунёди фазои мусоиди тичоратӣ дар ҳудуди объектҳо ва ғайраҳо роҳандозӣ мегардад.

Дар ҳошияи масъалаи баррасишаванда рушди сайёҳӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон бо сиёсати фаъол дар самти ҳифзи мероси фарҳангӣ ва табиӣ иртиботи қавӣ дошта, ҳамчун захираи пурахаммияти иқтисодӣ, заминаи муҳимми стратегияи хоҷагидорӣ мамлакат шинохта мешавад. Бо таваҷҷуҳ ба боигарии фарҳангӣ - таърихӣ, қайд бояд намуд, ки он имконияти воқеӣ барои рушди иҷтимоӣ ва иқтисодии тамоми минтақаҳои мамлакат, бахусус шаҳрҳои қадима буда метавонад.

Нақши бориз дар ташаккули сиёсати самараовар ва мақсаднок дар самти рушди сайёҳӣ ва ҳифзи мероси таърихӣ - фарҳангии Тоҷикистон бар дӯши илм

меистад. Аз ин рӯ, зарурати татбиқи амалии таҳқиқоти фарогири вобаста ба иқтидор, дурнамо ва технологияҳои истифодаи сайёҳии мероси фарҳангӣ ва таърихӣ, омодагии лоиҳаҳои пешгӯйисозанда ва тавсияҳо оид ба дурнамои рушди сохтори сайёҳӣ дар минтақаҳо ва ноҳияҳо, ки маҷмӯи зиёди объектҳои мероси ҷойгиранд ба миён меояд. Дар баробари ин, таваччуи махсус бояд ба таъмини услубии муассисаҳои соҳаи сайёҳӣ оид ба масоили истифодаи технологияҳои муосири сайёҳӣ, ба унвони ҳамоҳангсозандаи фаъолияти тичоратӣ дар ҳудуди объектҳои мероси фарҳангӣ - таърихӣ бо пешбурди тадбирҳои самараовари барқарорсозӣ ва ҳифзи ин объектҳо равона карда шавад.

Дар асоси раҳёфтҳои муосир коркард намудани лоиҳа ва барномаҳои минтақавии рушди сайёҳӣ дар марказҳои сайёҳӣ ва шаҳрҳои қадима бо дарназардошти усулҳои нисбатан қобили қабули истифодаи иқтидори мероси фарҳангӣ ва таърихӣ, инчунин пешбурди корҳои машваратӣ-иттилоотӣ миёни субъектҳои хоҷагидорӣ соҳаи сайёҳӣ, масъулони мақомоти дахлдор ва шаҳрвандон оид ба истифодаи самараовар, мақсаднок ва бидуни зиёноварӣ ба мероси фарҳангӣ ва таърихӣ аз тадбирҳои муҳим арзёбӣ мегарданд.

Тавре бармеояд, нақши сайёҳӣ ҳамчун омили ҳифзи мерос дар Ҷумҳурии Тоҷикистон бояд тақвият ёбад. Технологияҳо, ки дар соҳаи сайёҳӣ ҷой доранд, метавонанд ҳар як минтақаи кишвар ва ё шаҳрҳоро ба ҷойҳои ҷолибу диданӣ мубаддал созанд. Дар ин миён, навгониҳои иншоотӣ инфрасохтори ҷолиби сайёҳӣ дар шаҳрҳои Тоҷикистон (боғҳои фарҳангӣ фароғатӣ, иншооти истироҳатӣ фароғатӣ ва Маҷмаи Истиқлол дар шаҳри Душанбе, оромгоҳи Мир Сайид Али Ҳамадонӣ дар шаҳри бостонии Кӯлоб, оромгоҳи ҳазрати Султон Увайси Қаранӣ дар ноҳияи Ховалинг, Маҷмаи таърихӣ-меъморӣ Шайх Муслиҳиддин ва роҳҳои танобӣ дар шаҳри Хучанд ва шаҳри Хоруғ ва иншооти муосири фарҳангӣ фароғатӣ ва маишии онҳо, боғи наботот ва амсоли инҳо)-ро номбар кардан ҷои аст.

Таърихи бисёрасраи халқи тоҷик, анъанаҳои бешумор ва мухталиф, объектҳои нодири меросӣ сарчашмаи муҳим барои татбиқи лоиҳаҳои гуногунҷанбаи мавриди истифодаи сайёҳӣ буда метавонад. Аз ин рӯ, ҷиҳати истифодаи объектҳои мерос ба хоҳири рушди сайёҳӣ, пеш аз ҳама масъалаи бунёди фазои мусоиди сармоягузорӣ барои коркард ва татбиқи амалии лоиҳаҳои сармоягузорӣ зарурат касб мекунад. Вобаста ба ин, роҳандозӣ намудани тадбирҳои таъхирнопазири баланд бардоштани ҷолибияти сармоягузорӣ ба объектҳои мерос бо мақсади ҳифзи ин объектҳо муҳим арзёбӣ мегардад. Дар ин самт пеш аз ҳама мутамарказонии фаъолият дар соҳаи фарҳанг ва сайёҳӣ ҷиҳати татбиқи лоиҳаҳои муштарак дар минтақаҳо аз аҳамият ҳолӣ нест.

Рушди сайёҳӣ бо амали дигар соҳаҳои хоҷагидорӣ иртиботи зич дошта, метавонад дар танзими фаъолнокии фаъолияти хоҷагидорӣ ва ташаккули инфрасохтори истеҳсолии иҷтимоӣ ва даромаднокии соҳаҳои гуногуни иқтисодӣ низ таъсири ҷашмас бокӣ гузорад. Ин самараи банизомдарорандаи

соҳаи сайёҳӣ дар бисёре аз кишварҳои ҷаҳон ба хотири рушди иқтисодиёт васеъ истифода мегардад. Барои Тоҷикистон рушди номуназзами сайёҳӣ на танҳо гувоҳи мавриди истифода қарор надоштани имкониятҳои рушди иқтисодиёти миллӣ, балки гувоҳи ҷой доштани маҳдудиятҳо дар рушди фарҳанг низ мебошад.

Рушди сайёҳӣ бо сиёсати фаъол дар самти ҳифзи мероси фарҳангӣ ва табиӣ Тоҷикистон ҳамчун захираи муҳимми иқтисодиёт ва заминаи татбиқи стратегияи хоҷагидорӣ бо ҳам алоқаманд мебошад. Таваҷҷуҳ ба боигарии таърихӣ фарҳангӣ ва таъмини беҳдошти он имконияти таъмини рушди иҷтимоиву иқтисодии мамлакатро фароҳам сохта, ҷолибияти сайёҳӣ ва имичи онро дар миқёси ҷаҳон бамаротиб боло мебарад.

Дар сурати баланд бардоштани ҷаззобият ва бунёди шароит ҷиҳати истифодабарӣ аз объектҳои мероси таърихӣ-фарҳангӣ барои рушди соҳаи сайёҳӣ масъалаи ҳифзу нигоҳдории объектҳо ва рушди устувори сайёҳӣ дар минтақаҳо ва мамлакат дар маҷмуъ, амалан татбиқ мегардад.

АДАБИЁТ

1. Глобальный этический кодекс туризма: принят на тринадцатой сессии Генеральной ассамблеи ВТО, Сантьяго (Чили), 27 сентября – 1 октября 1999 г. – 5 с.
2. Двенадцать целей устойчивого развития туризма / ЮНВТО // UNWTO. World Tourism Barometer. – 2015. – Vol. 13, January. – P. 1. – Дата обращения: 13.08.2021.
3. Декларация Гааги о туризме (14 апреля 1989 г.) // Международный туризм: правовые акты. – М.: Финансы и статистика, 2000. – 19 с.
4. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи сайёҳӣ» аз 7 августи соли 2020, № 1717.
5. Максарова, Е. М. Основные направления реализации принципов устойчивого развития в туризме / Е. М. Максарова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 85. – 350 с.
6. Мамаджанова, С. М. Архитектурное наследие Худжанда / С. М. Мамаджанова, Р. С. Мукимов. – Душанбе: Мерос, 1993. – 126 с.
7. Манильская декларация по мировому туризму // Организационно-правовые основы туристского и гостиничного бизнеса: нормативно-правовые документы / под ред. В. Н. Акишина, И. В. Гончаровой, А. И. Клебанова, Н. Д. Малахаткиной. – М.: Финстатинформ, 1998. – 14 с.
8. Новиков, В. С. Характерные черты туризма XXI века – устойчивое и инновационное развитие / В. С. Новиков // Сборник научных статей Московской академии туристского и гостинично-ресторанного бизнеса при Правительстве Москвы. – 2006. – 128 с.
9. План действий по политике в области культуры в интересах развития (принят в Стокгольме 2 апреля 1998 года Межправительственной конференцией по политике в области культуры в интересах развития) // Всемирное культурное наследие: документы, комментарии, списки объектов. – М.: Институт Наследия, 1999. – С. 121.

10. Развитие туризма до 2030 года [Электронный ресурс] // Сайт: <https://tjur.ru/yunvto-o-gazvitii-mezhdunarodnogo-turizma-do-2030-goda> (дата обращения: 12.11.2022).
11. Устойчивое развитие туризма: пособие для специалистов по местному планированию. – Мадрид, 1993. – 152 с.

САЙЁҲӢ ҲАМЧУН ОМИЛИ ҲИФЗИ ЁДГОРИҲОИ ТАЪРИХИЮ ФАРҲАНГӢ: ТАҶРИБА, АНЪАНА ВА НАВОВАРӢ

Дар мақола муаллиф мавқеъ ва ҷойгоҳи сайёҳиро дар ҳифзи ёдгориҳои таърихию фарҳангӣ мавриди пажӯҳиш қарор дода, аз дигар ҷониб ёдгориҳои таърихию фарҳангиро ҳамчун хориқаи беназири фарҳангӣ дар рушди сайёҳии фарҳангӣ муҳим арзёбӣ намудааст.

Қайд мегардад, ки Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун кишвари дорои имкониятҳои бениҳоят зиёди сайёҳӣ - иқтисодии гаронмояи таърихӣ - фарҳангӣ ва сайёҳӣ, дурнамои рушди соҳа, бахусус дар самти сайёҳии фарҳангӣ муваффақона хоҳад буд.

Муаллиф яке аз афзалиятҳои рушди соҳаи сайёҳиро тавачҷуҳ намудани мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ ба объектҳои таърихӣ-фарҳангӣ ба унвони захираи пешбаранда ва тағйирдиҳандаи вазъи иҷтимоӣ - иқтисодии минтақа хело муҳим меҳисобад.

Туризм метавонад омилҳои ҳифзи мероси таърихию фарҳангӣ бошад. Барои он ки туризм дар ҳифзи мероси таърихию фарҳангӣ саҳми муносиб гузорад, бояд туризми масъулиятнокро ривож дода, дастрасии сайёҳон ба мавзӯҳои таърихию фарҳангиро танзим намуда, барномаҳои таълимӣ барои сайёҳон таҳия карда шавад.

Калидвожаҳо: *сайёҳӣ, сайёҳ, ҳифз, таърих, ёдгорӣ, анъана, навоарӣ, фарҳанг, мерос, афзоиш, қалъа, оромгоҳ, сангнигора, муаррифӣ.*

ТУРИЗМ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО – КУЛЬТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ: ПРАКТИКА, ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИИ

В статье автор исследовал место туризма в охране памятников истории и культуры, а с другой стороны дал оценку памятникам истории и культуры как уникальному культурному достоянию в развитии культурного туризма.

Отмечается, что в Республике Таджикистан, как у страны с огромным туристическим и возможностями – ценным историко-культурным и туристическим потенциалом, перспективы развития отрасли, особенно в направлении культурного туризма, будут успешными.

Одним из приоритетов развития туристической отрасли автор считает внимание органов местного самоуправления к историко-культурным объектам, как ведущему ресурсу и преобразователю социально-экономической ситуации региона.

Туризм может быть как фактором разрушения, так и фактором сохранения историко-культурного наследия. Для того чтобы туризм способствовал сохранению историко-культурного наследия, необходимо развивать ответственный туризм, ре-

гулировать доступ туристов к историческим и культурным объектам и развивать образовательные программы для туристов.

Ключевые слова: *туризм, историко - культурные ресурсы, защита, опыт, традиции, инновации.*

TOURISM AS A FACTOR IN THE PRESERVATION OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS: PRACTICE, TRADITION AND INNOVATION

In the article, the author researched the position and place of tourism in the protection of historical and cultural monuments, and on the other hand, he assessed historical and cultural monuments as a unique cultural treasure in the development of cultural tourism.

It is noted that the Republic of Tajikistan, as a country with enormous tourism potential - valuable historical-cultural and tourism potential, the prospects for the development of the industry, especially in the direction of cultural tourism, will be successful.

The author considers one of the priorities of the development of the tourism industry to be the attention of the local government authorities to the historical-cultural objects as a leading resource and changer of the socio-economic situation of the region.

Tourism can be both a factor of destruction and a factor of preservation of historical and cultural heritage. In order for tourism to contribute to the preservation of historical and cultural heritage, it is necessary to develop responsible tourism, regulate tourist access to historical and cultural sites and develop educational programs for tourists.

Key words: *tourism, historical and cultural resources, protection, experience, traditions, innovations.*

Сведения об авторе: Кодирзода Ф. С. — кандидат педагогических наук, доцент кафедры туристского бизнеса, рекреации и гостеприимства Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана. Адрес: Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Борбад, 48/5 E-mail: edelvis-07@mail.ru. Телефон (+3772) 93-411-96-42.

Маълумот дар бораи муаллиф: Қодирзода Ф. С. - номзоди илмҳои педагогӣ, дотсенти кафедраи бизнеси сайёҳӣ, истироҳат ва меҳмондорӣи Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибкорӣи Тоҷикистон. Суроға: Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Борбад, 48/5. E-mail: edelvis-07@mail.ru Телефон (+3772) 93-411-96-42.

Information about the author: Kadirzoda F. S. - Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Tourism Business, Recreation and Hospitality, International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan. Address: 48/5 Borbad Avenue, Dushanbe, Tajikistan. E-mail: edelvis-07@mail.ru, Tel.: (+3772) 93-411-96-42.

УДК: 81'373.212:929(5)"0776/0780"

ВОСТОЧНОИРАНСКИЕ ИМЕНА В ИСТОРИИ МУКАННЫ

ЛУРЬЕ П. Б.,
Государственный Эрмитаж

Настоящая статья посвящена анализу собственных имен, которые встречаются в персидских и арабских источниках, описывающих историю восстания Муканны¹ (776 – 780 гг.)², в первую очередь в «Та'рихнамэ Бал'ами».

Восстание Муканны, «Пророка в вуали», хорошо известно и по урокам истории, и по литературным произведениям Томаса Мура и Хорхе Луиса Борхеса, и по очерку Садридина Айни. Наиболее полно события восстания Муканны проанализированы сейчас в монографии Ю. В. Карева [18, 161-232]. Относительно недавно в научный обиход в полной мере был введен наиболее подробный источник по истории восстания: раздел расширенной версии *Ta'riḫnāmэ* саманидского визиря и историка Абу 'Али Бал'амӣ – персидского переложения «Истории пророков и царей» ал-Табарӣ [22, 164; 8, III, 1594-98; 5; 6]. Именно в нем мы встречаем большинство имен родственников, сподвижников, противников Муканны. Как пишут П. Кроун и М. Джафари Джази, эта, последняя часть сочинения Бал'амӣ (или его позднейшего редактора), трудна для критического издания из-за очень большого количества рукописей, наиболее старая из которых (Fatih 4281, 725 г. х. / 1325) на четыре столетия отстоит от времени составления самого труда (352 г. х. / 963). К 22 рукописям, на основе которых они составили свое критическое издание и перевод, надо добавить пять списков, которые использовал в своей статье О. Г. Большаков [11] и около десяти – Ю. В. Карев³, а также ряд литографий, преимущественно индийских⁴. В настоящей работе автор пользовался также литографией, изданной в Канпуре в 1916 г. (страницы 742 – 744), которую получил из библиотеки В. А. Лившица. Нескольких имен, кроме того, можно почерпнуть из «Истории Бухары» Наршахй, где они взяты из недошедшего сочинения *Ахбār Муқанна'* некоего Ибраҳима

¹ Здесь и ниже мы используем упрощенную форму имени главы восстания, широко принятую в литературе (правильнее (ал-)Муқанна').

² Я следую датам, предложенным О. Г. Большаковым [11], обзор сведений см. также в [12, 167 – 184].

³ Как видно из последней работы, петербургские рукописи С432 и D223 многое добавили бы к сводному тексту. Пользуюсь случаем выразить благодарность Ю. В. Кареву за многочисленные советы автору.

⁴ З. Садриддин Айни при написании очерка пользовался литографией, изданной в Бомбее в 1874 г., как он сожалел, неполной [9 прим. 8]

[2, 65-72; 3, 77-89; 4, 65-76], и из «Украшения Известий» Абӯ Са‘ида ‘Абд ал-Хаййя Гардизӣ [7].

Переписчики рукописей чаще всего не понимали незнакомых, чуждых им имен, и потому в процессе копирования рукописей они существенно искажались, особенно страдали диакритические точки, которые очень важны для правильного понимания имени. Имена могли сокращать или переделывать в понятную для переписчика форму. Нелегко выбрать правильную форму из всего разнообразия приводимых в рукописях (и критическом тексте) вариантов, и во многих случаях мы предпочитали ту, которая (1) наиболее длинная; (2) наиболее частотная, (3) дающая внятную этимологию или (4) не имеющая внятного арабского, персо-таджикского или тюркского объяснения. Некоторые из восточноиранских имен в разделе у Бал‘амӣ были откомментированы Кроун и Джази (в том числе со ссылкой на автора настоящего сообщения); О. Г. Большаков также кратко сообщал, что из 11 имен сподвижников Муканны было только два мусульманских [15, 37]¹, ср. также [18, 215].

В дальнейшем для передачи имен мы будем пользоваться неогласованной транслитерации

ей арабграфичного текста (той же, что в ходу, например, у исследователей хорезмийского языка) и сопровождать его оригинальным написанием. Огласованная транскрипция будет даваться только в случаях более или менее ясного толкования имени. Звездочка означает реконструируемую форму.

Имена родственников Муканны. Имя брата Муканны приводится в рукописях Бал‘амӣ как *Qurm*, *Qyzm*, *Qyrm Xrš‘m* (قيرم ، قيزم ، قيرم خرشام) [11, 97 прим. 33], *Qurm*, *Qrm*, с куньей *Xwš‘m* (قيرم و كنيته خوشام) [5, 168; 6, прим. 137]. Наличие увулярного *Q* (которое почти отсутствует в этимологически иранских словах в персо-таджикском) не заставляет нас считать это имя арабским или тюркским: в ранних арабских передачах иранских слов /k/ выписывалось как *q* ق [19, 22-23], ср. те же *Самарканд* или *Кумм* (*sm‘rknḏh* в согдийских и *kwm* в пехлевийских документах). Имя можно связывать с бактрийским родом *Kirmoγavo*, среднеперсидское *Kirmōg*, по-видимому, от древнеиранского **kṛma-* ‘змея, червь’ с гипокористическим суффиксом [26, 79]. Ю. В. Карев предлагает читать *Qauzam* [18, 202]. Его кунья (скорее прозвище чем имя по сыну) восстанавливается менее надежно, быть может к согдийскому (‘)хš‘m ‘вечер, ужин’? Карев приводит форму *Ḥwšn‘m* (по рукописи СПб D223) и объясняет как *Xwašnām*, что может значить ‘(имеющий) доброе имя’ или ‘Названный (в честь) Окса - Вахшу’, ср. согдийское имя (документы с горы Муг) *‘xwšwn(‘)[mg]* и *X(w)šn‘m* в «Китаб ал-Қанд» [28; 20, 123].² Ср. также **Fn‘rm* ниже.

¹ При этом все имена и прозвища основателя движения – *Хайим*, *Хайшим*, *‘Атā*, (ал-)Муканна – арабские.

² Ю. В. Карев любезно указал мне, что ряд ученых из Мавераннахра и Хорасана с нисбой *ал-Хушнāмӣ* приводит ас-Сам‘āни [ал-Ансāб... изд. ‘Абд ар-Рахмāн ал-Му‘аллимӣ ал-Йамāни, Каир, 1280, том V, с. 130 – 131].

Оставшаяся в живых жена Муканны имела имя *B'nwqh / N'bwqh / T'bwqh* (نابوقه ، نابوقه ، تابوقه) [5, с. 169, 22 и прим. 157], в канпурской литографии (с. 744) – *Y'qwnh* (ياقونه), Айни читал *Ёкута*. Имя можно сравнивать со среднеперсидским *bānōg* ‘госпожа’, либо с термином *u'kwnd* ‘яхонт, рубин’. Известно, что девочкам часто давали имена по драгоценным камням. В согдийском именнике сохранились женские имена *mry'rth* ‘жемчужина’ и *mrkth* ‘изумруд’ [20, 244]. Последнее слово восходит к древнеиндийскому *marak(a)ta*, которое, в свою очередь, объясняется как заимствование из семитского *Barāqtu* (изумруд добывали на Синае) [21, 389]¹.

Имена сподвижников Муканны. Имя важного военачальника [6, 196, 21 и прим. 149]² Муканны *Srjmh* (سرجمه , Канпурская литография *Srhm*, у Большакова – *Сархаме*, у Айни – *Сарчам*) надежно сопоставляется с согдийским именем *Srcmyk / Sarčamtk/*, отцом Бутяна в колофоне перевода «Сутры против опьяняющих напитков» [20, 350]. Значило имя, видимо, ‘первый, головной’ (‘первородный?’), с нестандартным суффиксом, который Николас Симс-Уильямс понимает как «компромисс» между синонимами *srcu* и *'prtmkyk* ‘начальный’ [24, 70]³.

Важнейшим военачальником, наравне с Сарчамай был некий *X'ryh* (خارجه), упомянутый также в истории Гардйзй. К. Э. Босворт полагает, что имя это арабское, и что оно могло быть связано с хариджитами [7, 35, 124, прим. 118]; Ю. В. Карев указывает на вариант *Tx'ryh* (تخارجه) в петербургской рукописи Бал‘амй С432 и колеблется между арабским и местным объяснением имени [18, 215]. Конечное *yh* может передавать восточноиранский суффикс *-cy, -ck, -cuk*, характерный для нисб и (реже) гипокористик, начало по полной форме созвучно Тохаристану.

Другой военачальник, неудачно штурмовавший Нахшаб, известен по имени *Hjmy* (حمى) [5, с. 164-5, 8], он же *Jmhy* или *Hmjy* (جمى , حمى) в Канпурской литографии (742); Большаков приводит вариант *Hmjr* (حمجر) , для которого Т. Кадырова предлагала чтение *Джамхур* [11, 96, прим. 28]; Айни читал *Чамчй*, а Карев – как *Хамхй* [18, 209]. Возможно, от согдийского *st* ‘глаз’, в любом случае, виден согдийский гипокористический суффикс *-cy*. Ср. также отмеченное среди надписей верховьев Инда, но убедительно не истолкованное согдийское имя *xt 'c* [20, 433].

¹ Любопытно, что этимологически то же имя, через пракритскую форму *maragada* и закономерную бактрийскую **marayilo*, мы видим в имени *Марйджил*. Это дочь другого повстанца, Устада Сйса (758 – 768, запад современного Афганистана), которая стала наложницей халифа Харун ар-Рашида и была, вероятно, матерью халифа ал-Ма‘мун [16, с. 151-157; 7, с. 33].

² Или даже сына: *писараш Сарджам* только в рукописи F.

³ Кроун и Джафари Джази приводят определение имени, данное независимо Н. Симс-Уильямсом и автором этих строк [6, с. 385]. Карев также определяет имя как согдийское, ссылаясь на сообщение Франца Гренэ [18, с. 215]

Имя другого сподвижника передается как *Xšwū* (خشوی) [5, 163, 6.2.], он же, по-видимому, *Hšry* или *Hšry xrtu* (حشری ، حشری خرمی) в истории Наршахй [3, 80 и прим. 7; 4, 86, 145, прим. 248], уроженец Кӯшки Фузайл где-то под Бухарой. Фрай сравнивает его с именем *Xšwūh/Xšwnh/Xšw'ryh* (خشویه / خشونه / خشواری), визирем и влиятельным человеком в Бухаре, видимо, в начале IX в. [4, 139-140, прим. 211]. Оба имени вероятно восходят к очень частому в согдийской ономастике *ixhšw*, *'xhšw* и т. д. ‘божество Окса, Вахшу’ [20, 420-421] с неким гипокористическим суффиксом, ср. также *xš'wkk* в надписях из верховьев Инда [6, 385-86 со ссылкой на сообщение П. Лурье].

Имя еще одного военачальника записывается как *Ky'k ŷwry / Kyk'n 'rby / Ky'n / Ky'l ŷwry* (کیال غوری کیاک غوری ، کیکان عربی ، کیان) [5, 164, 6,2; 166, 12.1] или *Ky'l ŷwry* (کیال غوری) в Канпурской литографии (с. 743). Имя сложное. Вероятной ошибкой является нисба *'arabī* – вряд ли у араба было неарабское имя. Кроун и Джафари Джази полагают что, поскольку он один раз упомянут как собеседник *Халлух-кагана*, он представлял тюрков и приводят этимологию Петера Гольдена от тюркского *keyik* ‘дичь, олень’ [6, 386]. Карев, напротив, полагает, что нисба *Гурі* показывает, что он, вероятно, происходил из Гура (северо-западный Гиндукуш). В этом случае возможно восстанавливать имя как **Gb'l* (*گبال) и сравнивать с родом *Γαβαλιανο* в бактрийском документе P (668 – 69 г. н. э.) [26, 54; 27, 126]. Имя, к сожалению, не этимологизируется.

Военачальника из войска Муканны, сразившегося с ‘Уқбой б. Муслимом ал-Аздй в Мйймурге¹ звали *Fyrwz* или *Fyrwr* (فیروز ، فیروور) [5, 163, 5.2, 18, 181]. Это имя, конечно, отсылает к среднеперсидскому *Pērōz*, персо-таджикскому *Фйрӯз*, отмечено оно и в манихейском согдийском в форме *pyrwz* [20, 319]; однако нельзя исключить, что это описка из имени *Кйрм* (قیرم < فیروور ; источник не сообщает, что Фируз был убит в этом сражении).

«История Бухары» дает нам имена еще двоих военачальников. Один из них, происходивший, как и *Xšwū*, из Кӯшки Фузайля, приводится в форме *B'yu*, рукописи *D B'nxu* (بانخی باغی) [3, 80; 4, 68]. Фрай сравнивает его с арабским *bāgin* (таджикское *богй*) ‘повстанец, притеснитель, тиран’ [4, с145, прим. 248], а Камалиддинов – с согдийским *β'γ* ‘бог’ [2, 363]. Данная форма ошибочна, в согдийском отмечено только *βγ*, номинатив *βγυ*. Я полагаю возможным добавить под первой буквой вторую точку и читать имя как *Y'γ/xu* (یاخی یاغی). Оно точно соответствует согд. *y'yu* или *y'xu* ‘отважный’ [17, 443, 445], которое отмечено как имя или часть имени в согдийском, в среднеперсидской и в китайской передаче [20, 445].

¹ В тексте Бал'амй *дихи Бāг Марг*, где без труда можно опознать Мйймург (باغ مرغ > ماى مرغ), см. [18, с. 181]

Другой происходил из Гидждувāна и носил имя *Krđk* (كرددك), которое почему-то часто читают как *Гирдак* [2, с. 67, 69; 1, с. 88]. К предложению Ш. С. Камалиддинова, что имя образовано как гипокористик от основы на **krta-* ‘сделанный’ [2, 363-4, прим. 44] надо добавить, что то же имя *krtk* мы встречаем во фрагменте согдийского письма с горы Муг, хранящемся в Самарканде [20, 211].

Sydy'n (В: *S'd Sydy'n* سعد سغديان ، سغديان) был, по сообщению Наршахи, эмиром Согда, из помощников (*нақибāн*) Муканны, и был убит присланным Джибрā'йлом человеком из Бухары [3, 84; 4, 71]. Если это имя, то оно очевидно связано с географическим термином *Сугд*, то есть ‘Согдиана’ (как и полагает большинство исследователей); Р. Н. Фрай сравнивал имя также с селением *Сугдāн* под Бухарой [4, 145, прим. 244]. Во второй части можно видеть либо согдийское *y'n* ‘милость’, либо считать его составным суффиксом: в этом случае имя соответствует *Σοῦδιανός*, ахеменидскому царю в 424 г. до н. э. [23, 337-338]. С другой стороны, возможно, в тексте есть некая ошибка, и *сугдийāн* тут – множественное число от *сугдй* ‘согдиец’ [18, 175]¹.

Как известно, на стороне Муканны сражался отряд *Халлух-қāгāна* (т. е. кагана карлуков) и *гуззы*, и потому неудивительно, что тут мы встречаем несколько древнетюркских имен.

У Бал'амй богатыря, брата *Халлух-қāгāна*, богатыря, которого убил Лайс бин Наср, звали *qyl, ql, fyl* (قیل ، قیل ، قیل) [5, 163, 10. 3], также *fyl* в Канпурской литографии. Можно представить себе, что у богатыря было имя или прозвище ‘Слон’, *фйл, фйл-мард-й* ‘слономуж’ [18, 188] однако мне представляется предпочтительным объяснение Питера Гольдена: древнетюркское *qil* ‘грива’ (также отмечено как имя собственное) [6, 387].

Другое имя, у Наршахй *kwl'rtkyn*, ркп. Г *krdr* (کولارتکین ، کردر) [3, 85, 4, 72] относится к одному из военачальников Муканны в Бухаре. Имя следует понимать как трехсоставное: *kül-ār-tegin* ‘принц - муж – мудрый’ (то же прозвище было у караханидского наместника Бухары на рубеже XI – XII в. [2, 370, прим. 88; 4, 146, прим. 259]. С. Айни предпочитал чтение *Гардункин*.

Наконец, имя особого слуги (скорее, евнуха) Муканны (*хāдим-и хāсс*) записано Бал'амй как *Bdr / Ndr'n / Bdr'n* (بدر ، نذران ، بدران) [5, с. 169, 23.2, прим. 159], или *Ndyr, N'd'r* (نذیر ، نذر) [18, 205 по петербургским рукописям] Айни читал *Тадрон*. С большими сомнениями (через форму **بدزان*) можно объяснять его как согд. *ptz'n* ‘знание’. Согласно Наршахй, имя слуги вполне мусульманское, *Хāджиб* [3, 85; 4, 72].²

¹ Например, так: *Ва ахли Сугд-рā амйр шуда бӯд аз нақибāн-и Муқанна' нāм-и ӯ Са'д [ва] Сугдийāн – ахл-и Сугд бā вай иттифāқ карданд ва ... ба āхар мард-й аз аз ахл-и Бухāрā ин Сугдийāн-рā бикӯшт ва āн қавм парāканда шуданд.* «У народа Согда был эмир из помощников Муканны, по имени Са'д [и] согдийцы – жители Согда с ним вступили в союз, и... наконец, человек из жителей Бухары этих согдийцев убил и этот народ разбежался».

² *Гулāм-й бӯд ӯ-рā Хāджиб-нāм.* Тут арабское *хāджиб* «служитель привратник» явно использовано в качестве имени собственного или прозвища.

Имена дихкан и местной элиты. В этой части мы рассмотрим несколько имен местных владетелей, которые упоминаются в повествовании как самостоятельные действующие лица.

Старейшина (*михтар*) Кеша фигурирует у Бал‘амй под именем с многочисленными разночтениями: *Qyrm, Qyzm, Fy‘rm, Fy‘dm, Fs‘rm, Qn‘rm, Q‘rm, Qtwm, Qrm, Qu‘rm* (قارم ، قارم ، قنارم ، فسارم ، قيزم ، قيرم ، فيادم ، فيارم ، قيارم ، قارم ، قارم ، قارم). Несмотря на графическое сходство с именем *Kūrm* (брат и полководец Муканны), это совершенно другой персонаж [18, 202-203]. Я предлагаю читать имя как **Fn‘rm* (فنارم) и понимать его как согдийское **βn-‘rm* ‘Долгорукий’, ср. христианское согдийское *bn*, ягнобское *vann* [25, 55] и имя *sw‘rm* ‘Сильнорукий, Mr. Armstrong’ с элементом *‘rm* из древнеиранского **arma-* ‘рука выше кисти, англ. *arm*’ [20, 354], ср. прозвище Артаксеркса I *Μακρόρχειρ* ‘долгорукий.’

В некоторых других случаях непонятно, имеем мы дело с именем человека, или топонимом. Так, встречен *N‘wn dihqān Hjd‘n*, варианты *‘Wl, .‘Wn* (без точки: *ناون دهقان حجدان* Var. *ناون ، اول*) [5, с. 164, 5.4], *حجدان* в Канпурской литографии (742). Если *Hjd‘n* – имя (так у Айни), то может быть *حجدان < چجران* согд. **cxr‘n*, *cxr‘yn* от *cxr* «колесо». Но скорее это указание на владение дихкана. Карев приводит формы *.hhd‘n, bxjd‘n, xjd‘n, hhd‘n* (*حجران ، حجدان ، بخجدان ، سجدان*) и сравнивает с местечком *Джахзан* в самаркандском тумане Шавдār [18, 185-186]. Мне тут кажется возможным считать его упрощением от *Гиджд(ув)āн* (**غجدوان*) (*< حجدان*). Разумеется, это не упомянутый выше *Кардак* из Гидждувана, а иной персонаж (более того, действовавший в районе Самарканда). Имя же можно реконструировать как **T‘wn* (*تاون*) и сравнивать с согдийским *t‘w* ‘сила’, которое также использовалось как собственное имя, с суффиксами и без [20, 384-85].

То же – с дихканом *Nyrh*, варианты *Nbrh, Brh, Nyrk, Nyzh* (*نيره ، نيره ، نيرک ، نيزه*) [5, 166, 10.1 и прим. 64]: это либо имя, либо топоним. В первом случае можно сравнивать его с согдийским *nyrk(‘)* ‘самец’ [17, 252] или с западноиранским *nēwag* ‘благой’ (также отмечено в согдийских именах). Ср. также согдийские имена *nyz‘t, nyz(y)t‘k* [20, 187-88]. Во втором, можно вспомнить о селении *Нийāза* между Кешем и Нахшабом согласно Йāқўту и ас-Сам‘āни [14, 140]. Ю. В. Карев предполагает читать *Nīza^h dihqān Niyāzī* согласно петербургской рукописи С432, 261b [18, 187], что, видимо, лучше.

Яснее ситуация с *Ахмадом*, дихқаном селения (*dux*) *Tmwd‘r* или *Nmwd‘r, Mwdu, Nmwdy*. Мы тут согласны с мнением Карева, что подразумевается селение *Mūdā* под Нахшабом [18, 184, 222]. У Ахмада, согласно петербургской рукописи С432, fol. 261a, была нисба *‘Wtkr* или *‘W.ky* (*اوتکر ، اوبکی*) [18, 184], что мы можем восстанавливать как прилагательное к согд. *‘wt‘k* ‘область’, Ю. В. Карев предлагает видеть тут тюркское имя *Ütkur*.

Неясным мне остается имя Бухархудата, поддерживавшего Муканну (и поплатившегося за это), *Бунйām* (*Bny‘t* Ркп D *Nyn‘t* *بنيات ، نينات*) [3, 8 и сл.; 4, 8, 10,

11, 17]. Имя едва ли связано с арабским корнем *bn* 'строить', едва ли это персоязычное согдийское *бунёд* 'основание'. Если ориентироваться на рукопись D, то можно видеть в начале согдийский теоним Нанайа, *пну*, ср. имя *пнут'т* в документах из Хисорака [13, 447]. Но можно ли представить, что Бухархудат Тўгшāда¹ дал своему сыну – рожденному уже в Исламе – столь явное языческое имя (старшего сына, как известно, звали *Қутайба*).

Завершая настоящую статью, можно заключить, что большинство окружения Муканны носило восточноиранские, особенно согдийские имена, часть имен удобнее интерпретировать как бактрийские, что вполне согласуется с выводами О. Г. Большакова [15, 37]. При этом наличие среди персонажей истории Муканны имен арабских, древнетюркских и западноиранских также нельзя отрицать. Интересно, что среди них почти (?) не встречается теофорных имен, наиболее характерных для согдийской ономастики «раб (богини) Нанайи», «слава (бога) Луны», «данный (богом) Оксом» и т. д.

На основании письменных и археологических источников О. Г. Большаков датировал переход населения Согда в ислам серединой VIII века, временем восстания Абу Муслима и первых Аббасидов [10, 132-133], то есть за два-три десятилетия до восстания Муканны. Можно полагать, что костяк его военачальников составляли люди вполне взрослые², и они были наречены до массового обращения согдийцев. Вместе с тем, носить подчеркнуто языческие имена они все же не могли, отсюда отсутствие двусоставных имен. Двойное имя помощника Муканны, восточноиранское Бадзāн (?) и арабское имя или прозвище Хāджиб, по-видимому, отражает процесс исламизации.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Мухаммад Наршахи. История Бухары / пер. Н. Лыкошина. – Ташкент, 1897. - 128 с.
2. Мухаммад ан-Наршахи. Та'рих-и Бухāра - История Бухары / пер. Ш. С. Камалидинова. – Москва - Ташкент : МИЦАИ, 2010. - 599 с.
3. Abū Bakr Muhammad ibn Jafar Narshakhī. Ta'riḥ-i Bukhārā / ред. Mudarris Razavī – Tehrān : Chāpkhāne-ye Sa'ādat, 1317. - 128 с.
4. Muḥammad Narshakhī. The History of Bukhara / tran. R. N. Frye – Cambridge, Mass. : The Medieval Academy of America, 1954. - 178 p.
5. Crone, P., Jafari Jazi M. The Muqanna' narrative in the *Tārīkhnāma* : Part I, Introduction, edition and translation // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – 2010. – Vol. 73 No. 2. – P. 157-177.
6. Crone, P., Jafari Jazi M. The Muqanna' narrative in the *Tārīkhnāma* : Part II, Commentary and analysis // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – 2010. – Vol. 73 No. 3. – P. 381-413.7.

¹ Правильнее *Тўқасбāда*, как у ал-Табарī, توقاسباده, китайское Дусаботи, как и его тезка, самаркандский ихшид, из согдийского *twk'spδ'k* '(имеющий) сильное войско' [20, с. 393].

² Жена Муканны Бāнўқа или Йāқунда должна была быть моложе: спасшись после захвата крепости в 780 г., она смогла выйти снова замуж и родить потомство (Наршахī упоминает ее внука).

7. Gardīzī, ‘Abd al-Ḥayy ibn Zāḥḥāk. The ornament of histories: a history of the Eastern Islamic lands AD 650-1041 / tran. C. E. Bosworth. – London : Bloomsbury Publishing, 2019. 169 p.
8. Tārīkhnāma-yi Tabarī. Gardānīda-i mansūb-ba Bal’amī / ред. M. Rawshan: в 5 томах. – Tehrān : Surūsh, 1366. 5 томов

Исследования

9. Айни, С. Восстание Муканны. Исторический очерк // Смерть ростовщика (повесть и очерк). – Душанбе : Адиб, 1987.- 224 с.
10. Большаков, О. Г. Город в конце VIII – начале XIII в. // Средневековый город Средней Азии. – Ленинград : Наука, 1973. – С. 132-352.
11. Большаков, О. Г. Хронология восстания Муканны // История и культура народов Средней Азии. – Москва, 1976. – С. 90-98.
12. Камол, Ҷама. Авомили ба сари ҳокимият омадани Сомониён. Душанбе, 2022. - 324 с.
13. Лурье, П. Б. Согдийские документы из раскопок раннесредневекового Маргшката (предварительное сообщение) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений памяти И.МТронского, СПб. – 2012. – Т. XVI. – С. 433-460.
14. Barthold, W. Turkistan down to the Mongol Invasion – London : Gibb memorial series, 1928. 514 p.
15. Bosworth, C. E., Bolshakov O. G. Central Asia under the Umayyads and early ‘Abbasids // The age of achievement: A.D. 750 to the end of the fifteenth century. Part One: the historical, social and economic setting / History of Civilizations of Central Asia. / ред. M. S. Asimov, C. E. Bosworth. – Paris : UNESCO Publishers, 1998. – Т. IV. P. 23 – 40
16. Crone, P. The Nativist Prophets of Early Islamic Iran – New York : Cambridge University Press, 2012. 566 p.
17. Gharib, B. Sogdian Dictionary. Sogdian, Persian, English – Tehran : Farhangān, 1995. 517 p.
18. Karev, Y. Samarqand et le Sughd à l’époque ‘Abbāsīde – Paris : Association pour l’avancement des études iraniennes, 2015. - 372 p.
19. Lurje, P. Arabosogdica: place-names of Transoxiana as written in Arabic script // Manuscripta Orientalia. – 2001. – Т. 7. – № 4. – С. 22-29.
20. Lurje, P. B. Personal Names in Sogdian Texts / Iranisches Personennamenbuch Вып. II/8.– Vienna : Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2010. 527 p.
21. Mayrhofer, M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. III – Heidelberg : C. Winter, 2001. 962 p.
22. Sadighi, G.-H. Les mouvements religieux iraniens au IIe et au IIIe siècle de l’hégire – Paris : Les presses modernes, 1938. 332 p.
23. Schmitt, R. Iranische Personennamen in der griechischen Literatur vor Alexander d. Gr. / Iranisches Personennamenbuch. T. Va – Wien : Verlag der ÖAW, 2011. 431 p.
24. Sims-Williams, N. Sogdian and other Iranian Inscriptions of the Upper Indus II / Corpus Inscriptionum Iranicarum Pt. II Vol. III – London: Corpus inscriptionum Iranicarum, 1992. 94 p.
25. Sims-Williams, N. The Christian Sogdian manuscript C2 / Berliner Turfantexte 12. – Berlin: Akademie, 1985. 250 p.
26. Sims-Williams, N. Bactrian Personal Names / Iranisches Personennamenbuch II/7 – Vienna: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2010. 199 p.
27. Sims-Williams, N., De Blois, F. Studies in the chronology of the Bactrian documents from northern Afghanistan / Veröffentlichungen zur Iranistik No. 83 Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2018. 137 p.
28. Tafazzoli, A. Iranian Proper Names in the Kitāb al-Qand fī ḍikr ‘Ulamā’ Samarqand, 2, Other Iranian Proper Names // Nāme-ye Farhangestān. – 1374. – Т. I. – № 4. – С. 4-11.

НОМҲОИ ЭРОНИИ ШАРҚӢ ДАР ТАЪРИХИ МУҚАННАЪ

Дар мақола номҳои ғайриарабӣ, ки дар таърихи шӯриши Муқаннаъ (776–780) зикр шудаанд, мавриди таҳлил қарор гирифтаанд. Бо вучуди он ки ихтилофи матнҳо дар дастанависҳо муайян кардани шакли аслии номҳоро душвор месозад, мо нишон медиҳем, ки аксари ин номҳо тавассути забонҳои суғдӣ ва бохтарӣ шарҳ дода мешаванд, ҳарчанд эҳтимол меравад, ки номҳои форсӣ-тоҷикӣ ва туркӣ низ ҳузур доранд. Қобили тавачҷух аст, ки номҳои теофорӣ (номҳое, ки ба илоҳият ё худоён ишора доранд), ки барои эронӣҳои шарқӣ пеш аз ислом ҳос буданд, мушоҳида намешаванд.

Калидвожаҳо: *Шӯриши Муқаннаъ, номҳои эронии шарқӣ, «Таърихномаи» Балъамӣ.*

ВОСТОЧНОИРАНСКИЕ ИМЕНА В ИСТОРИИ МУКАННЫ

В статье анализируются неарабские имена, которые встречаются в истории восстания Муканны (776 – 780). Притом, что разночтения в рукописях усложняют поиск оригинальной записи, мы показываем, что основной массив этих имен объясняется через согдийский и бактрийский языки, хотя присутствуют, видимо, и персо-таджикские, и тюркские имена. Примечательно отсутствие теофорных имен, столь характерных для восточных иранцев до ислама.

Ключевые слова: *Восстание Муканны, восточноиранская ономастика, История Балъамӣ.*

THE EASTERN IRANIAN NAMES IN THE HISTORY OF AL-MUQANNA‘

The article deals with analysis of non-Arabic names attested in the history of revolt of al-Muqanna‘ (776 – 780). Despite the fact that the clerical variants given in manuscripts hinder significantly the original form, we show that the majority of these names are to be explained through Sogdian and Bactrian languages, although Persian-Tajik and Turkic names are likely present too. It is noteworthy that the theophoric names, so characteristic of Eastern Iranians before Islam, are absent.

Key words: *Muqanna‘’s revolt, Eastern Iranian onomastics, History of Bal‘amī.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Лурье Павел Борисович**, номзади илмҳои филология, мудири бахши Осиёи Миёна, Қафқоз ва Қрим дар Шуъбаи Шарқи Осорхонаи давлатии Эрмитаж, Санкт-Петербург; Institut d’Études Avancées, Париж. **Суроға:** Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая Набережная, 34, Осорхонаи давлатии Эрмитаж, Шуъбаи Шарқ. **E-mail:** lurje@panchkath.ru

Сведения об авторе: **Лурье Павел Борисович**, кандидат филологических наук, руководитель сектора Средней Азии, Кавказа и Крыма Восточного отдела Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург; Institut d’Études Avancées, Париж. Адрес: Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34, Государственный Эрмитаж, Восточный отдел. E-mail: lurje@panchkath.ru

Information about the author: **Lurje Pavel Borisovich**, Ph. D. in philology, Head of Sector of Middle Asia, Caucasus and Crimea of the Oriental Department, State Hermitage Museum, Saint Petersburg; Institut d’Études Avancées, Paris/ Address: Russia 190000, Palace Embankment, 34, State Hermitage Museum, Oriental Department. E-mail: lurje@panchkath.ru

УДК: 001. 89 (470):553. 9: 070 (575) (091)

**ИЗУЧЕНИЕ РУССКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ ПРИРОДНЫХ
БОГАТСТВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПО
МАТЕРИАЛАМ «ТУРКЕСТАНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»**

АРТЫКОВ А. А., ПИРУМШОЕВ М. Х.,

Российско - Таджикиский (Славянский) университет

Появление и развитие периодической печати в Туркестане стало естественным процессом, обусловленным экономическими, социальными и политическими переменами, вызванными присоединением Средней Азии к России. Быстрый рост производительных сил в России, особенно после отмены крепостного права в 1861 году, способствовал этому процессу.

С началом присоединения Средней Азии к России периодическая печать зародилась сначала в Ташкенте, а затем и в других городах региона. Таким образом, возникновение печати в Туркестане тесно связано с интеграцией края в состав Российской империи.

Первая типография в Ташкенте появилась в 1868 году при окружном штабе Туркестанского генерал-губернатора. Типография была весьма ограничена в печатных средствах. В ней печатались исключительно приказы и циркуляры по войскам округа, разные ведомственные бланки и т.д. В 1870 году типография была немного расширена и приспособлена к печатанию газеты «Туркестанские ведомости»[3, 296].

В докладной записке первого генерал-губернатора Туркестана К.П. Кауфмана от 18 октября 1869 года, направленной военному министру Д.А. Милютину, предлагалось с 1870 года начать издание газеты. Кауфман полагал, что такое издание ускорит распространение распоряжений губернского начальства и будет способствовать освещению жизни Туркестанского края, который оставался малознакомым в географическом, историческом, археологическом и других аспектах из-за своей удаленности от административных центров Европейской России.

Уже 28 апреля 1870 года, вскоре после образования Туркестанского генерал-губернаторства, вышел первый номер газеты «Туркестанские ведомости» - первой газеты в Средней Азии. Основной задачей издания было содействие укреплению власти царской администрации, публикация официальных правительственных новостей и поддержка авторитета властей в регионе. В газете также публиковались статьи, посвященные экономической, социальной, поли-

тической и культурной жизни Средней Азии. Особый интерес читателей вызывали материалы о состоянии хлопководства и мерах по его развитию.

Несмотря на финансовые трудности, газета публиковала научные статьи на различные темы, становясь важным источником информации о социально-экономической и культурной жизни региона. Она служила платформой для исследователей и специалистов. Значительный вклад в развитие газеты внес её редактор Н.Г. Маллицкий, роль которого заслуживает особого внимания.

Благодаря прогрессивной интеллигенции на страницах газет появлялись материалы просветительского характера, включая отрывки из произведений классиков русской и мировой литературы, а также работы таджикских и других просветителей.

Среди авторов, сотрудничавших с изданием, были известные русские исследователи: В. В. Бартольд, М. А. Северцов, Н. Северцев, А. Г. Гребенкин, В. Ф. Ошанин, Г. Арандаренко, Д. И. Мушкетов, Г. Д. Романовский, А. Ф. Миддендорф, Н. М. Пржевальский, А. П. Федченко и другие.

Местная периодическая печать, включая «Туркестанские ведомости», и публикуемые в ней научные материалы являются ценными источниками для изучения истории края. В издании регулярно размещались статьи, посвящённые экономическому развитию региона. Особое внимание уделялось улучшению сортов среднеазиатского хлопка и риса, развитию пчеловодства и табаководства - ключевых направлений хозяйственно-экономической политики России в Средней Азии.

На страницах газетного издания публиковались исследования производительных сил региона, информация о численности и занятиях местного населения, а также торговые обозрения. Освещались культурная жизнь переселенцев и их отношения с местными жителями.

Отдельное внимания заслуживают публикации участников «Искандаркульской экспедиции», ставшие важными источниками для изучения природных богатств горного Зеравшана.

Следует отметить, что туркестанский генерал - губернатор после завоевания Самарканда и Пенджикента, и образования Зеравшанского округа надеялся на мирное покорение верховьев Зеравшана, предполагая, что жители сами с покорностью явятся к нему. Однако, эта надежда не оправдалась. С 8 августа 1868 г. по 19 июля 1869 г. К. П. фон-Кауфман, находясь по делам службы в Петербурге, [12, 228] обстоятельно согласовал план снаряжения военной экспедиции в верховья Зарафшана с царским правительством и по возвращении оттуда весной 1870 г. приступил к его осуществлению.

Неизвестность верховья р. Зарафшана, привела к необходимости организации научного исследования его. С этой целью летом 1870 г. был сформирован рекогносцировочный отряд, состоявший из нескольких специалистов под прикрытием одной роты пехоты, двух сотен казаков, ракетной батареи и горного взвода...»[1,409-410]. Получившая название «Искандаркульская, или Искандаркульская ученая экспедиция», она прежде всего преследовала военные цели и

ставила перед собой задачу полного покорения верхней долины Зарафшана. На первый план была поставлена не научная, а военная цель. В то же время, нельзя отрицать и того факта, что в составе экспедиции находились ученые, ставшие первыми исследователями этой горной страны и Средней Азии: А. П. Федченко, О. А. Федченко, горные инженеры Д. Мышенков и Д. Л. Иванов, офицеры генерального штаба Туркестанского военного округа Л. Н. Соболев, П. А. Аминов, А. Д. Гребенкин и др. Используя обстоятельства, под прикрытием военных отрядов, они собрали много ценных геологических, биологических, археологических, исторических, этнографических и филологических материалов [6].

Участники экспедиции также посетили долину Матчи и Ягноба, местность под названием Кухистан. К примеру, А.Д. Гребенкин сообщает о малом количестве годных земель на территории Кухистана, и в то же время говорит о большой любви горцев к земледелию. Земледелие здесь было основано исключительно на искусственном орошении. По сведениям ученого, самые благоприятные условия для посева пшеницы имелись в Фанском районе, особенно по ручьям Махшеват и Панджруд, потом в Фальгаре, Ягнобе и в Матче [2;72].

После обследования территории генерал А.К. Абрамов сообщил генерал-губернатору Туркестана К. П. Кауфману, что вся местность богата каменным углем и лесами. Присоединение Кухистана к России стало отправной точкой для дальнейшего изучения горного региона Зеравшан русскими исследователями.

В состав экспедиции вошли: горный инженер Д.К. Мышенков, отвечавший за геологические и геогностические исследования; А. Л. Кун, занимавшийся археологическим и филологическим изучением региона; а также капитан А. Д. Гребенкин, которому поручили сбор статистических и исторических данных о крае.

Впоследствии, при обратном движении отряда через крепость Оббурдан, присоединились к отряду А. П. Федченко и О. А. Федченко, для исследования по части естественной истории. Для исполнения обязанностей офицера генерального штаба при отряде, для руководства съемочными работами и для собирания топографических и географических сведений о крае, были командированы классный топограф А. М. Скасси и прапорщик 11-го Туркестанского линейного батальона Н. П. Старцев [6].

В апреле 1870 года командующий войсками Туркестанского военного округа организовал экспедиционный отряд под руководством генерал-майора Абрамова, начальника Зеравшанского округа, для изучения горного региона в верховьях Зеравшана, прилегающего к восточной границе Зеравшанского округа и южной границе Сырдарьинской области. Необходимость экспедиции была обусловлена несколькими причинами: частыми контактами пограничных жителей с населением этой горной страны, которая до взятия Самарканда находилась под властью Бухарского эмирата и включала Урмитанское (Фальгарское), Матчинское, Фанское и Кштутское бекства. До 1870 года эти территории фактически никому не подчинялись, находясь под властью местных беков, которые нередко

злоупотребляли своим положением и притесняли население. Также неопределенность отношений с местными беками, слухи о природных богатствах региона и его политическая значимость - особенно учитывая его расположение в труднодоступных горах, соседствующих с территориями, с которыми Россия в тот период имела напряженные отношения, - стали важными факторами для организации экспедиции[6].

Научное ядро экспедиции составили горный инженер Д. К. Мышенков, руководивший топографическими съемками П. А. Аминов, топографы А. М. Скасси и Н. П. Старцев, занимавшийся астрономическим определением мест Л. Н. Соболев; этнографические, исторические и лингвистические исследования входили в обязанности А. Л. Куна. 2 июня 1870 года в селении Оббурдан, когда отряд возвращался от верховьев реки, к нему присоединился А.П. Федченко, известный географ и натуралист, прибывший через перевал из Ура-Тюбе [4].

Сообразно с каждым родом занятий, были и даны начальником экспедиции средства, для полного изучения страны по своему предмету[6].

В долине Ягноба, притоке Фан - Дарьи, неподалеку от Сарводы, обнаружены нашатырные копи. А. П. Федченко так описывает это место: «Мы посетили Кан - Таг - рудную гору, где добывают серу и нашатырь. Поднявшись на вершину, мы увидели отверстие, из которого выходят горячие газы, способные кипятить воду и воспламенять деревянные палочки. Это впечатляющее зрелище: известковая скала с отверстиями, из которых струятся серные пары, а на камнях осаждаются кристаллы серы, собираемые трижды в год. Сбор налета является государственной монополией, но местным жителям разрешается собирать серную землю для собственных нужд. Рабочие добывают кальку, используемую для производства квасцов.»

Л. Н. Соболев в своем отчете описывает полезные ископаемые в горах верховьев Зеравшана: каменный уголь, железную руду, золото, квасцы и серу. Золото встречается в виде мелких зерен и пластинок вдоль русел рек, но его добычей занимаются лишь самые бедные, так как доходы от этого невелики.

Квасцы добываются в районах Фана и Фальгара, а сера осаждается в виде порошка на горе Кан-Таг, выделяясь через трещины скалы. В 6 верстах от Сарводы обнаружены пласты железной руды и каменного угля. Соболев отмечает: «Если условия добычи угля будут благоприятными, его использование станет значимым благом для жителей средней части Зеравшана. Переход на это минеральное топливо позволит сохранить лесные ресурсы, утрата которых может пагубно сказаться на климате долины. Кроме того, добыча и транспортировка угля могут стать источником дохода для бедного населения регионов Фана и Ягноба"[13,43].

Изучение края в топографическом и географическом отношениях, и исследования русских ученых помещены в 3 выпуске издания Туркестанского Статистического Комитета, под заглавием: «Материалы для статистики Туркестанского края». Для полного ознакомления с краем, его населением, его историей и его естественными богатствами, могут служить: по части статистики - пре-

восходное сочинение А.Д. Гребенкина, помещенное в Туркестанских ведомостях 1872 года; по части естественной истории сочинении А. П. Федченко, и очерк, помещенный во II выпуске Ежегодника и, наконец, в геологическом и геогностическом отношении статья Д. К. Мышенкова, напечатанная в записках Императорского географического общества за 1872 года, и в Туркестанских ведомостях 1870 года. Кроме того, в периодическом издании «Инженерный журнал» за 1871 г. была опубликована весьма интересная статья подпоручика Воронца, с подробным описанием путей следования отряда и с приложением рисунков, наглядно знакомящих с устройством встречаемых на дороге мостов, карнизов, балконов, и т. д.[6].

После завоевания части коканских и бухарских владений от Алматы до Катта-кургана, основной задачей стало эффективное использование природных ресурсов региона в интересах России. В первую очередь местные предприниматели обратили внимание на шелк и хлопок, которые были необходимы для текстильных фабрик, и поэтому эти ресурсы стали приоритетными для немедленной разработки.

Минеральные богатства Туркестана не сразу стали очевидными при первом знакомстве с регионом, но вскоре каменный уголь занял важное место среди природных ресурсов. Первоначальную основу для развития горной промышленности в крае заложила государственная казна, которая указала частным инвесторам на выгоды разработки месторождений руд и взяла на себя проведение геологических исследований.

В «Туркестанских ведомостях» были опубликованы материалы о работе горных инженеров по геологическим изысканиям в регионе. Геологические исследования в 60-70-е годы XIX века охватывали в основном топливно-энергетические ресурсы всего края. После присоединения северной части Кокандского ханства к Туркестанскому генерал-губернаторству начались поиски месторождений каменного угля для обеспечения региона топливом.

Разработки каменного угля велись: 1) между Чимкентом и Аулеата в вершине р. Боролдая, 2) близ деревни Ходжент, в 80 верстах от Ташкента и в 40 верстах на юг от Ходжента, и на урочище Кокин-сай, в сырдарьинской области, а поиски на уголь производятся в окрестности Сергиполя, Семиреченская области[9].

В изучении природных полезных ископаемых Средней Азии важным подспорьем является публикации результатов исследования горных инженеров в газетном издании «Туркестанские ведомости».

Горный инженер А. В. Давыдов проводил разведку каменноугольных и рудных месторождений в Туркестанском крае. В окрестностях деревни Султан-Раббат, расположенной в 25 верстах (26 км) к востоку от Чимкента, в верховьях реки Сайрам, он обнаружил месторождение каменного угля. Однако, по его мнению, эта местность была труднодоступна для разработки.

На территории Алатау, в 40 верстах (41 км) к востоку от Чимкента, были найдены месторождения медных и железных руд, а также каменного угля. Руд-

ные пласты, по оценке Давыдова, залегают на крутых горных склонах, что усложняет их освоение.

В устье реки Ленгер инженер выявил обширные залежи железной руды, песка, огнеупорной глины и каменного угля. Эти ресурсы создавали благоприятные условия для строительства чугуноплавильного завода.

На склонах гор в верховьях реки Каска-су, разделяющих бассейны рек Бадам и Чирчик, были обнаружены медные и железные руды. Проведенные геологические исследования месторождений стали ценным материалом для составления геологической карты региона в дальнейшем[7].

Другой горный инженер Д. К. Мышенков начал свои исследования в Казанске, где ему поручено было осмотреть месторождения горючего сланца. Он ознакомился с геологическим строением гор Каратау. Его исследования были опубликованы в газете «Туркестанские ведомости».

Д. К. Мышенков дает еще более показательные данные о разработках свинцовых руд И. И. Первушиным. До этого свинец в Туркестанский военный округ доставлялся из России через Оренбург. По данным инженера И. И. Первушин в 1868 году купил у казахов рудник и место под завод за 1200 рублей и заключил контракт с артиллерийским управлением Туркестанского военного округа, обязавшись поставить к 15 октября 1869 года 3 тыс. пудов (49 тыс.140 кг.) свинца[11,193]. Завод предпринимателя И. И. Первушина смогла выполнить заказ лишь десятую долю обещанного. Неудачи завода зависели от примитивного устройства печей и неполадок с рабочей силой.

Д. К. Мышенков отмечает, что дело разработки свинца закончилось тем, что И. И. Первушин предложил киргизам выплавлять свинец и доставлять его по 2 руб. за пуд. За два месяца 20 человек выработали только 30 пудов, так как изменяли в своем производстве примитивную технику[11,193].

Горный инженер Майер провел исследования в долине реки Чарын, где были выявлены месторождения каменного угля и медной руды. По его мнению, значительные запасы руды могут стать основой для развития горной промышленности в этом районе.

В долине реки Кетмень он осмотрел оставленный китайцами золотой прииск. Шурфы, проложенные китайскими старателями, протянулись вдоль обеих сторон реки на протяжении 3 верст. На расстоянии 60 верст (64 км) к западу от Кетмени, у впадения небольшой речки Кумырчи в Кегень, были обнаружены кварцевые жилы, содержащие свинцовый блеск и медные руды. Эти жилы разрабатывались в прошлом, и, по мнению Майера, Кумырчинское месторождение является одним из значительных в этом регионе.

Старинные рудокопы вели добычу без использования пороха для мелких выработок. Майер полагал, что вблизи рудных жил Кумырчи будут найдены месторождения каменного угля, этот район приобретет большое практическое значение для дальнейшего освоения [7].

Татариновская каменноугольная копь расположена в 80 верстах от Чимкента, в 100 верстах от Аулие - Аты, в 200 верстах от Ташкента и на таком же рас-

стоянии от пристани на Сырдарье, в месте впадения реки Арысь. Безлесная Сырдарьинская область всегда испытывала острую потребность в топливе, для чего местные жители использовали садовые деревья. С ростом русского населения потребность в древесине еще больше увеличилась, поэтому обнаружение месторождений каменного угля имело важное значение для региона.

Среди частных каменноугольных разработок можно отметить два месторождения: одно близ Ташкента, разрабатываемое купцом Первушиным, и другое – недалеко от Ходжента, принадлежащее полковнику Фовицкому. Угольные пласты месторождения, которым занимался полковник Фовицкий, залегают параллельно и выходят на поверхность в урочище Кокине - Сай, находящемся в 35 верстах к югу от Ходжента.

Регион также богат свинцовыми рудами, преимущественно окисленными, которые заполняют трещины в известняке. Наиболее активная добыча свинца велась в период обороны Кокандского ханства, хотя масштабы производства всегда оставались скромными, а методы работы – крайне примитивными. Добытую руду перевозили в мешках на ослах к источнику, расположенному в одной версте от рудника, где она подвергалась грубой переработке. Несмотря на это, содержание свинца в руде достигало 50%.

С присоединением северной части Кокандского ханства к Российской империи производство свинца стало нерентабельным для местного населения, и его добыча постепенно прекратилась[9].

Кокандское ханство одно из среднеазиатских владений, которое имело важное экономическое значение для Туркестанского края. Помимо хлопка и шелка, которые уже активно эксплуатируются как туземцами, так и русскими промышленниками, в этом регионе есть значительные месторождения нефти. Эти источники нефти приобретают еще большее значение из-за удаленности региона от крупных нефтяных месторождений Кавказа, Челекена и других, не говоря уже о нефтяных источниках в Западной Европе и Америке.

Как показал опыт Америки, открытие нефтяных месторождений может значительно ускорить экономическое развитие страны. Нефть и её производные в ближайшем будущем могут занять важное место в местной промышленности, хотя развитие этого сектора не будет таким быстрым, как в Америке или Европе.

Одним из ведущих исследователей нефтяных источников Туркестанского края был И. Краузе. В своем докладе, представленном 12 января 1871 года на внеочередном заседании Туркестанского отделения Общества любителей естествознания, он отметил, что в 40 верстах (42 км) от Намангана, на территории Кокандского ханства, расположена местность Май-Булак («масляный источник»), богатая нефтяными ключами и колодцами.

Краузе указал, что нефть в этих краях известна с древних времен. Ее первоначально добывали калмыки, господствовавшие здесь ранее, а позднее – сарты. Последние использовали нефть преимущественно как лекарство от чесотки – болезни, широко распространенной среди местного населения. Также сарты

умели изготавливать асфальт из нефти, применяя его в основном для производства обуви. Для получения асфальта они выпаривали горное масло в чугунных котлах.

Помимо нефти, в Кокандском ханстве добывался и горный воск, известный как нефтагиль, который отличался высоким качеством. По словам Краузе, этот материал был известен ранее лишь в Галиции, Молдавии, а также на побережьях и островах Каспийского моря, например, на острове Челекен, где его разрабатывали туркмены. В районе Май-Булак нефтагиль добывали из глинисто-сланцевой горы, и сарты использовали его уже более 40 лет, называя «сарыкь-мумь». Добыча нефтагиля была ограниченной, а стоимость – высокой. Его применяли для изготовления обуви и свечей.

Хотя масштабы использования нефтагиля значительно уступали керосину и нефти, Краузе подчеркивал, что этот ресурс нельзя игнорировать при описании минеральных богатств региона[10].

В 1868 году ташкентский купец М. Ф. Федоров получил разрешение от кокандского правительства на разработку нефти на Май-Булаке, для добывания керосина и асфальта, с уплатою за это в пользу хана определенной части из вывозимого с места разработки, добытого материала, это единственная пошлина[10].

Несмотря на благоприятные условия, разработка нефти продвигалась очень медленно. Для добычи нефти было вложено значительные средства со стороны предпринимателей Туркестанского края. Было вырыто более 30 колодцев разной глубины - от 4 до 22 метров. Но из-за отсутствия необходимого оборудования, большинство колодцев быстро завалились. Нефти добывалось в малых количествах. На нефтяных источниках был построен завод для перегонки нефти в керосин, но, по словам исследователя И. Краузе, завод был расположен в неудобном месте, где часто ощущался дефицит воды. Рядом протекала река Ул-кун-сай, которая в летнее время пересыхала.

И. Краузе также отмечает, что округ богат горными ресурсами, включая месторождения каменного угля и серной кислоты, необходимой для очистки керосина. По его мнению, что местность подходит для строительства керосинового завода.

Что касается транспортировки нефти и керосина в города Туркестанского края, то здесь не возникало серьезных проблем.

По мнению исследователя, в нефтяных источниках очищенный керосин для продажи можно добывать до 10-тысяч пудов (160 тыс. кг) в год. Кроме того, можно еще получить асфальта до 5000 пудов (80 тыс. кг), т. е., считая по 5 р. пуд (равен 16 кг.), на сумму 125 тысяч рублей. Конечно, желательно, чтобы цены на керосин и асфальт - понизились в Ташкенте, следовало увеличить добычу нефти[10].

Другой нефтяной источник, где устроенный керосиновый завод, находится в Май-ли. Постоянных жителей здесь нет, а на зиму поселяются каракиргизы (черные киргизы), которые на лето удаляются в снежные горы[10].

Русский исследователь И. Краузе отмечает, что способ добычи нефти туземцами был крайне примитивным. Нефть, просачиваясь из известняка в виде капель, вместе с соленой водой, содержащей сернистый водород, собиралась в канавы, вырытые специально для этого (колодцев не было). Вода через отверстия в канаве уходила в реку, а нефть собирали вениками из горной полыни. Таким образом, ежедневно из одного источника собиралось до 60 ведер нефти. Весной и осенью объемы добычи значительно увеличивались по сравнению с летом. Керосин продавался в Ташкенте по 10 рублей за пуд, но иногда его было невозможно достать ни за какие деньги[10].

По мнению И. Краузе, который без сомнений, отмечает, что в ближайшем будущем керосин станет широко употребляться и среди местных жителей, что обеспечит ему большой спрос. Однако для этого необходимо взять нефтяные месторождения в Коканде из рук местных эксплуататоров, которые уже продемонстрировали свою неспособность рационально вести разработки, и передать их в более опытные и надежные руки[10].

Безразличие местных предпринимателей к разработке природных ресурсов региона показывает, что, хотя керосин и является важным продуктом, его добыча не ограничивается только этим материалом. Асфальт, который получается при перегонке нефти, имеет не маловажное значение, который используется для покрытия зданий, и учитывая дефицит такого материала у местных жителей, асфальт становится чрезвычайно ценным для региона. В Европе асфальт уже нашел широкое применение, но местные промышленники не хотят обращать внимание на этот потенциально выгодный продукт.

Месторождения всех этих полезных ископаемых были известны туземцам и почти все они разрабатывались прежде, хотя ни одна разработка не получила широкого размаха и не достигло промышленного уровня.

По мнению Н.А. Северцева Памирское нагорье до сих пор не вполне известно, оно до последнего времени составляло, по выражению немецкого географа Негтермана географическую загадку[14].

Наиболее продолжительное и плодотворное сотрудничество А.Е. Снесарева с газетой «Туркестанские ведомости» произошло в период редакторской работы Маллицкого.

Именно в это время Снесарев опубликовал большинство своих статей, среди которых особенно выделяются самые интересные «Религия и обычаи горцев Западного Памира», «Поездка в Горную Бухару» и цикл корреспонденций «Вести с Памира». Во время службы в должности начальника Памирского отряда Снесарев написал и опубликовал в «Туркестанских ведомостях» ряд статей, описывающих жизнь небольшого русского отряда на «Крыше мира».

Это была своеобразная хроника жизни Памирского отряда и событий на Памире, интересное описание этнографических особенностей киргизского и таджикского населения. В статьях содержатся сведения о специфике русской администрации на Памире, роли начальника и офицеров отряда в управлении

населением Восточного и Западного Памира. Отдельная статья в цикле относится к англо-русским отношениям и политическим событиям на границе [8].

Значимой вехой в научной деятельности А. Е. Снесарева стала его работа «Религия и обычаи горцев Западного Памира», где он впервые предпринял попытку систематического изложения материалов по этнографии таджиков Памира. Основой для исследования послужили полевые наблюдения, сделанные во время его поездки на Памир летом 1901 года, а также в период командования Памирским отрядом в 1902–1903 годах. Эта работа представляет собой увлекательный публицистический очерк.

До А.Е. Снесарева этнографическими исследованиями таджиков Памира в России занимались капитаны Д.В. Путята (Памирская экспедиция 1883 года), Б. Л. Громбчевский (экспедиция 1889–1890 годов), граф А. А. Бобринский (три Памирские экспедиции – 1895, 1898 и 1901 годов) и А. А. Семёнов (1898 год, совместно с А.А. Бобринским). В тот же период, когда Снесарев находился на Памире, там проводили полевые исследования М. С. Андреев (1902 год) и А. А. Половцов (1903 год, совместно с М. С. Андреевым).

Однако ни один из этих исследователей не имел возможности столь длительного наблюдения за общественной и семейной жизнью таджиков, как это удалось А.Е. Снесареву. Ещё одним важным преимуществом его исследований была возможность изучить годовой цикл жизни таджикского народа, включая сезонные виды хозяйственной деятельности, праздники, а также религиозные, общественные и семейные обряды.

Работа А. Е. Снесарева «Поездка в горную Бухару» была основана на материалах рекогносцировки маршрутов из Ферганы в Куляб, проведённой летом 1904 года. В статье подробно описывается путь через территорию Ферганской области и бухарских владений, приводятся краткие сведения о Каратегине и его административном центре - кишлаке Гарм, а также о Кулябском бекстве и городе Кулябе. Кроме того, содержатся этнографические данные о киргизах Алайской долины, а также о таджиках Каратегина и Куляба.

Иная судьба постигла горный промысел в районах Восточной Бухары и Памира, где внедрение капиталистических отношений происходило замедленным темпом. Наибольшего распространения в районах Дарваза, Бальджуана и Куляба получает золотой промысел, где по данным 1916 года было занято около 6-7 тыс. человек. Второе, по степени важности, место принадлежит железу, выработкой которого занимались на Памире. По сведению М.С. Андреева, Ванч снабжает своим железом все соседние с ним «страны» (Дарваз, Язгулем, Шугнан и др.). Добыча железа, вплоть до самого конца XIX века в Восточной Бухаре имело важное значение[5,74-75].

В 1914 г. в Хороге Памирский военный отряд во главе с А. Шпилько построил маленькую электростанцию. Он в своём рапорте начальнику штаба Туркестанского военного округа от 5 августа этого же года писал: «С первого июля 1914 г. керосиновое освещение Хорогского поста Памирского отряда заменено

электричеством. Пост освещается 2 дуговыми фонарями по 900 свечей каждый и 88 лампочками»[15].

Таким образом, в предреволюционные годы можно констатировать, что царское правительство уделяло весьма серьёзное внимание изучению производительных сил Средней Азии и Восточной Бухары. Научные открытия царских специалистов унаследовала Советская Россия, ее учёные использовали их научные достижения довольно широко и рационально в пользу социалистического государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронец, Е. Искандаркульская экспедиция в 1870 г. / Е. Воронец // Инженерный журнал. – 1871. – № 5. – С. 409–410.
2. Гребенкин, А. Д. Очерк о Кухистане / А. Д. Гребенкин // Всемирный путешественник. – 1873. – С. 72.
3. Добросмыслов, А. И. Ташкент в прошлом и настоящем: исторический очерк / А. И. Добросмыслов. – Ташкент, 1912. – 520 с.
4. Документы XIX века из верховьев реки Зеравшан в отделе рукописей Российской национальной библиотеки [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Dok_Zeravsan/frame.htm (04.04.2023).
5. Иванов, П. П. К истории развития горного промысла в Средней Азии: краткий исторический очерк / П. П. Иванов. – Л.: М., 1932. – 75 с.
6. Искандеркульская экспедиция 1870 года // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 14. – 3 апр.
7. Краткий очерк геологических изысканий, произведённых в Туркестанском крае в течение 1869 года // Туркестанские ведомости. – 1871. – 14 янв.
8. Басханов, М. «У ворот английского могущества». А. Е. Снесарев в Туркестане, 1899–1904 / М. Басханов [Электронный ресурс]. – URL: <https://biography.wikireading.ru/hNG95eimbw> (дата обращения не указана).
9. О минеральных богатствах Туркестанского края // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 8. – 21 фев.
10. О нефтяных источниках в Кокандском ханстве // Туркестанские ведомости. – 1871. – 29 янв.
11. Рожкова, М. К. Экономические связи России со Средней Азией: 40–60-е годы XIX века / М. К. Рожкова. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 236 с.
12. Семенов, А. А. Покоритель и устроитель Туркестанского края, генерал-адъютант К. П. фон-Кауфман / А. А. Семенов // Кауфманский сборник. – [СПб., без года]. – С. I–LXXXIV.
13. Соболев, Л. Н. Географические и статистические сведения в Зеравшанском округе / Л. Н. Соболев. – СПб., 1874. – 561 с.
14. Северцев, Н. А. Чтение об орографии внутренней Азии / Н. А. Северцев // Туркестанские ведомости. – 1872. – 19 сент.
15. Юсуфбеков, Х. Памирский отряд и его герои на страже границ Российской империи / Х. Юсуфбеков [Электронный ресурс]. – URL: <https://vatnikstan.ru/history/pamirskij-otryad/>.

ИЗУЧЕНИЕ РУССКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПО МАТЕРИАЛАМ «ТУРКЕСТАНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Статья посвящена становлению периодической печати в Средней Азии, что стало естественным процессом, обусловленным экономическими, социальными и политическими переменами, вызванными присоединением Средней Азии к России. Возникновение периодической печати в Средней Азии тесно связано с интеграцией края в состав Российской империи.

Периодическая печать служила платформой для исследователей и специалистов. На страницах публиковались научные статьи на различные темы, становясь важным источником информации о социально-экономической и культурной жизни региона.

Благодаря прогрессивной интеллигенции на страницах газет появлялись материалы просветительского характера, включая отрывки из произведений классиков русской и мировой литературы, а также работы таджикских и других просветителей.

Местная периодическая печать, включая «Туркестанские ведомости», и публикуемые в ней научные материалы являются ценными источниками для изучения истории края. В издании регулярно размещались статьи, посвящённые экономическому развитию региона. На страницах газетного издания публиковались исследования производительных сил региона.

Ключевые слова: *периодическая печать, регион, каменный уголь, нефть, Средняя Азия, экспедиция, история.*

ТАҲҚИҚИ ЗАХИРАҶОИ ТАБИИИ ОСИЁИ МАРКАЗӢ АЗ ЧОНИБИ МУҲАҚҚИҚОНИ РУС ДАР АСОСИ МАВОДИ «ТУРКЕСТАНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Мақола ба ташаккулёбии матбуоти даврӣ дар Осӣи Миёна бахшида шудааст, ки ҳамчун як раванди табиӣ дар натиҷаи тағйироти иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва сиёсӣ, ки аз ҳамроҳшавии Осӣи Марказӣ ба Русия сарчашма мегирифт, ба вучуд омадааст.

Пайдоиши матбуоти даврӣ дар Осӣи Миёна бо ҳамгирии минтақа ба таркиби империяи Россия робитаи зич дорад. Матбуоти даврӣ ҳамчун платформа барои муҳаққикон ва мутахассисон хидмат мекард. Дар саҳифаҳои он мақолаҳои илмӣ оид ба мавзӯҳои мухталиф нашр шуда, ба як манбаи муҳимми маълумот оид ба ҳаёти иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва фарҳангии минтақа табдил меёфтанд.

Ба шарофати равшанфикрони пешқадам дар саҳифаҳои рӯзнома маводи маърифатӣ, аз ҷумла порчаҳо аз осори классикони адабиёти рус ва ҷаҳон, инчунин асарҳои равшанфикрони тоҷик ва дигар миллатҳо ҷой дода мешуданд.

Матбуоти даврии маҳаллӣ, аз ҷумла нашриҳои «Туркестанские ведомости» ва ҳамзамон он ҳама маводи илмӣ, ки дар он ҷой мешуданд, манбаҳои пурарзиш барои омӯзиши таърихи минтақа мебошанд. Дар нашрия мунтазам мақолаҳо оид ба рушди иқтисодии минтақа ҷой дода мешуданд. Дар саҳифаҳои рӯзнома таҳқиқоти қувваҳои истеҳсолии минтақа низ ба таври пайваста нашр мешуданд.

Калидвожаҳо: *матбуоти даврӣ, минтақа, англитсанг, нефт, Осӣи Марказӣ, экспедитсия, таърих.*

STUDY OF THE NATURAL RESOURCES OF CENTRAL ASIA BY RUSSIAN RESEARCHERS BASED ON THE MATERIALS OF «TURKESTAN VEDOMOSTI»

This article is dedicated to the development of periodical press in Central Asia, which emerged as a natural process driven by the Central Asia economic, social, and political changes following the integration of Central Asia into Russia. The rise of periodical press in Central Asia is closely linked to the region's incorporation into the Russian Empire.

Periodicals served as a platform for researchers and specialists. Scientific articles on various topics were published in their pages, becoming a significant source of information about the socio-economic and cultural life of the region.

Thanks to progressive intellectuals, the newspapers also featured educational materials, including excerpts from the works of classical Russian and world literature, as well as writings by Tajik and other regional enlighteners.

The local periodical press, including Turkestan Vedomosti, and the scientific materials it published are valuable sources for studying the history of the region. The publication regularly included articles on the region's economic development. Studies of the productive forces of the area were also featured in its pages.

Key words: *periodical press, region, coal, oil, Central Asia, expedition, history.*

Сведения об авторах: Артуков Абдурафик Абдурахманович - Российско-Таджикский (Славянский) университет, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей и отечественной истории Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30. E-mail: rafick_rtsu@mail.ru Пирумшоев Мунир Хайдаршоевич - Российско-Таджикский (Славянский) университет, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30. E-mail: munir.85@mail.ru

Information about the authors: Artukov Abdurafik Abdurakhmanovich - Russian Tajik (Slavic) University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Universal and National History Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30. E-mail: rafick_rtsu@mail.ru

Pirumshoev Munir Haidarshoevich - Russian-Tajik (Slavic) University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Universal and National History Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30. E-mail: munir.85@mail.ru

◆ ————— ◆
УДК: 94(575.1):930.25

**«ПРИЛОЖЕНИЯ» К «ДНЕВНИКУ ИСКАНДЕРКУЛЬСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ» КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ИСТОЧНИК ПО
ИЗУЧЕНИЮ ВЕРХОВЬЕВ ЗАРАФШАНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.¹**

ОДИНАЕВ А. Н.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Письменные источники всегда играли важную роль в изучении различных аспектов истории и культуры. Среди них особое место занимает «Дневник Искандеркульской экспедиции» — ценный источник, содержащий сведения о разных аспектах верховьях Зарафшана. «Дневник» был составлен под руководством и по программе известного востоковеда Александра Людвиговича Куна (1840–1888) и написан Мирзо Мулло Абдуррахманом ибн Мухаммадом Латифом. Он включает три части: «Дневник», «Предисловие» и «Приложения».

Цель данной статьи — акцентировать внимание на значении «Приложений» к «Дневнику Искандеркульской экспедиции», как исторического источника, содержание которого существенно расширяет представления об истории верховьев Зарафшана.

¹ Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа» (III – начало XX вв.), государственный регистрационный номер 0121ТJ1211.

Что касается самого «Дневника», то в нём зафиксированы маршрут экспедиции, расположение населённых пунктов, крепостей, дорог и перевалов, которые она пересекала. Помимо этого, в «Дневнике» содержатся сведения о количестве школ и учащихся, методах преподавания, мазорах, системе налогообложения, а также о повседневной жизни горных жителей.

Уместно отметить, что «Дневник Искандеркульской экспедиции», сохранившийся в двух рукописных экземплярах, имеет следующее русскоязычное название:

«Дневник, веденный во время Искандеркульской экспедиции на самаркандском таджикском наречии с 23 апреля по 27 июня 1870 года» также в этом листе указано:

«Приложения» к «Дневнику»:

- I. Списки с надписей со скал, бывших по дороге.
- II. Списки к надгробным камням.
- III. Сказки, анекдоты и показания.
- IV. Песни, [характерные для данного региона].

Эти разделы не только содержат подробную информацию о социальном, культурном, политическом и экономическом положении жителей верховьев Зарафшана, но при этом обладают исключительной ценностью для изучения материальной и духовной культуры региона. Например, надписи на надгробиях представляют собой важный источник сведений о выдающихся исторических личностях и времени их жизни, а зафиксированные народные песни и предания отражают богатое устное культурное наследие горных таджиков.

Автором рукописи является Мирзо Мулло Абдуррахман ибн Мухаммад Латиф Мустаджир — уроженец и житель Самарканда, принимавший участие в Искандеркульской экспедиции в качестве писца (мирзо) востоковеда А. Л. Куна [2–3].

Наибольшую ценность представляют «Приложения», которые являются важным источником для исторических, культурных и этнографических исследований верховьев Зарафшана.

В «Приложениях» также представлены комментарии самого А. Л. Куна, что делает этот источник более ценным для научного использования. Пояснения А. Л. Куна свидетельствуют о том, что собранные в ходе экспедиции материалы были обработаны с учетом этнографических, исторических и лингвистических аспектов.

Особого внимания в «Приложениях» заслуживают списки надгробных надписей и гравировок на стенах мечетей и крепостей, которые не только отражают особенности каллиграфии своего времени, а еще содержат сведения о местном населении в разные исторические периоды.

Исследование языковых особенностей, терминологии и фразеологии, отраженных в надписях, предоставляют дополнительные сведения о повседневной жизни, культурных традициях и мировоззренческих установках людей рассматриваемого исторического периода.

Несмотря на значительную научную ценность «Приложений» к «Дневнику Искандеркульской экспедиции», внимание исследователей сосредоточено преимущественно на самом тексте «Дневника». В этом контексте «Приложения», содержащие уникальные сведения, до сих пор не подвергались анализу, соответствующему их научной значимости — особенно в отношении этнографических и фольклорных материалов.

На наш взгляд, одной из основных причин недостаточного внимания к «Приложениям» является частичная утрата рукописных копий «Дневника» со временем, особенно его «Приложений», которые полностью исчезли в нашей стране. В настоящее время «Дневник» сохранился только в двух версиях (черновик и чистовик) в архиве Отдела рукописей и документов Института востоковедения Российской академии наук в Санкт-Петербурге[22-3].

Издание «Дневника Искандеркульской экспедиции», подготовленное в 1980-х годах литературоведами А. Афсахзодом и М. Муллоахмадовым на основе факсимильной копии рукописи (экземпляр D 134 (609h), чистовик), ранее хранившейся в архиве Института языка и литературы имени А. Рудаки Академии наук Таджикской ССР, было опубликовано кириллицей издательством «Ирфон» в 1989 г. Однако данное издание включает ряд сокращений, в частности исключены отдельные социально-культурные фрагменты текста, а также полностью опущены «Приложения» к «Дневнику»[4].

«В «Дневнике Искандеркульской экспедиции» имеется приложение, — подчеркивают авторы предисловия, — представляющее особую ценность для определения культурного уровня населения Кухистана. В данном тексте мы опустили это приложение. Оно включает четыре типа записей: 1. Надписи на камнях и строениях, встреченные участниками экспедиции по пути; 2. Надгробные надписи; 3. Рассказы, легенды, предания и анекдоты, записанные во время экспедиции; 4. Тексты обрядовых и фольклорных песен, записанные на языке жителей Матчи и Фальгара [4, с. 15].

В предисловии данного издания авторы упоминают лишь некоторые рубаи (четверостишия) и газели, а также сокращенные версии текстов, представленные в «Приложениях», которые изложены в сжатой форме с опорой на исследование А. Мухтарова [4, с. 16–18].

Поэтому «Предисловие» и «Приложения» данного источника до сих пор не стали предметом полноценного анализа.

Следует отметить, что разрозненные части фотоконии данного источника, в настоящее время хранящиеся в Центре письменного наследия при Президиуме Национальной академии наук Таджикистана (инвентарные номера 97а и 97б), имеют значительные утраты. Многие фрагменты, включая раздел «Приложения», были утеряны, а чистовой экземпляр оказался полностью уничтожен по неизвестным причинам.

Сравнение рукописи данного источника с изданием 1989 года показало, что опубликованный текст был подготовлен на основе чистового варианта данного

источника, из которого были исключены тексты с религиозным и социальным содержанием, заменённые многоточиями (...).

Такие сокращения можно наблюдать, например, на следующих страницах: 41, 43, 49, 50–51, 55 (дважды), 56, 57, 58, 61, 63, 64, 65 (дважды), 72, 76, 86, 88 (трижды), 90, 97, 99, 101, 102, 105, 113, 141–142 и 152 [4].

В результате таких сокращений из содержания данного издания были исключены важные разделы «Приложений» данного источника, связанные с социальными и культурными аспектами, что значительно ограничило доступ исследователей к ценному материалу.

В отличие от основного текста «Дневника», который уже стал объектом изучения, эти материалы до сих пор не подвергались серьёзному анализу. Данная проблема характерна как для отечественной, так и для зарубежной историографии.

Исследования А. Мухтарова, выполненные на основе «Приложений» к «Дневнику» [5–9], подтверждают высокую источниковедческую значимость этого раздела «Дневника».

Полученные данные свидетельствуют о том, что информация, содержащаяся в «Приложениях», позволяет последующим исследованиям с большей точностью выявлять традиционные исторические связи этого горного региона с другими областями.

В своём «Предисловии» А. Л. Кун подробно изложил основные цели и задачи Искандеркульской экспедиции, уделив особое внимание этнографическому, лингвистическому и археологическому изучению региона. Он формулирует ключевые задачи экспедиции следующим образом:

«Отправляясь с Искандеркульским рекогносцировочным отрядом генерал-майора Абрамова, я ставил перед собой главную задачу — собрать материалы для исследования языка таджиков, живущих в долинах реки Зарафшан и её притоков, а также приблизительно определить границу, до которой проникли в горы тюркские племена, занявшие долины рек Сырдарьи и Амударьи. Кроме того, где это будет возможно, я стремился собрать сведения как об этнографии местных жителей, так и об остатках древностей в этом крае» [3].

Данное заявление подчёркивает важность системного подхода к изучению этнической и языковой дифференциации населения региона. Вторая половина XIX века характеризовалась активным освоением и научным исследованием Средней Азии, что обуславливалось как стратегическими интересами Российской империи, так и растущим интересом к этнографическим и историко-культурным особенностям региона. А. Л. Кун не только ставил перед собой цель собрать лингвистические и археологические данные, но и стремился определить границы этнокультурных взаимодействий, что в дальнейшем могло способствовать пониманию сложных процессов этногенеза в Средней Азии.

В данном разделе также упоминается имя автора «Дневника» — мирзо мулло Абдуррахмана ибн Мухаммад Латифа. Датой написания «Предисловия» указано 1 июля 1870 года, а местом — г. Самарканд [3 листы 395б-319а]. Привле-

чение местных специалистов к научным исследованиям являлось одним из значимых аспектов работы экспедиции, что подчёркивает в своем «Предисловии» А. Л. Кун:

«Для первой цели мне дана была возможность иметь при себе мирзу из туземцев. В виду крайне скудных материалов о таджикском наречии Туркестана я просил мирзу вести по-таджикски путевой дневник, снабдив его для этой цели предварительно составленной программой на таджикском языке, близкой по существу к программам, изданным Географическим Обществом. Большинство указаний, целиком, буквально переведены мною в программу мирзы из этой географической программы. Поручая мирзе вести дневник (Дн), я просил по мере возможности точно определить названия местностей» [2].

Этот свидетельствует о стремлении Куна к методологической точности и научной объективности. Использование подготовленной программы на таджикском языке позволило систематизировать собранные сведения, что впоследствии могло способствовать формированию более точных представлений о локальных этнолингвистических особенностях. Привлечение местных знатоков в научный процесс являлось важным инструментом повышения достоверности данных, что подтверждается практикой передовых исследовательских экспедиций XIX века.

Особое внимание А. Л. Кун уделял точной фиксации топонимов Зарафшанской долины, что являлось важным элементом его научного исследования. Он отмечал:

«Я просил мирзу по возможности тщательно определять названия населённых пунктов и географических объектов» [2–3].

Этот подход свидетельствует о стремлении Куна к систематизации географических данных, что являлось важным для картографирования региона и последующего анализа этнолингвистических процессов. Топонимика в данном контексте служит не только географическим ориентиром, но и источником информации о миграциях, исторических изменениях в заселении и культурных контактах различных народов.

Существенной частью его работы был сбор фольклорного материала, включая рассказы, песни и легенды, характерные для жителей Зарафшанской долины. Однако, как отмечает Кун, его попытки часто сталкивались с объективными трудностями:

«Во время продвижения к верховьям Зарафшана я столкнулся с серьёзной проблемой: большая часть населения, услышав о приближении русских войск, бежала в горы вместе со своими семьями. В деревнях оставалось лишь несколько человек, которых члены экспедиции могли привлечь для бесед и опросов. Кроме того, короткие остановки не позволяли собрать достаточно данных» [2–3].

Этот фрагмент подчёркивает сложные условия работы экспедиции. Из-за социально-политической ситуации и военных действий местное население с настороженностью относилось к исследователям, что значительно ограничива-

ло возможности глубинного изучения устной традиции. Тем не менее, несмотря на эти трудности, А. Л. Куну удалось зафиксировать важные элементы местного фольклора, что делает его записи ценным источником для дальнейшего анализа этнокультурных особенностей региона.

Тем не менее, в деревнях Оббурдон, Шамтич, Худгиф и Варзиминор исследователю удалось записать песни и сказания, авторы которых были сами рассказчики. Например, в Худгифе он встретился с двумя местными поэтами — Муллою Абдулкаримом и Мулло Миразимом — и записал их произведения, что представляет значительную ценность для изучения устной традиции верховья Зарафшана. Этот эпизод свидетельствует о богатстве народного творчества региона и роли устных преданий в передаче исторической памяти. Записанные Куном произведения позволяют исследовать жанровое разнообразие фольклора, формы его трансляции и степень сохранности традиционных мотивов.

Особое внимание А. Л. Кун уделял документированию местного словарного запаса. Он писал:

«Во время этих бесед я прилагал все усилия, чтобы в разрозненных рассказах жителей выявить местные слова, на которые также обращал внимание мирза (т.е. А. Мустаджир). Замеченные слова отмечены в дневнике (т.е. Дневник) красной чертой над строкой» [2–3].

Систематизация лексики, проведённая Куном, была важным шагом в изучении таджикского языка в его локальном варианте. Зафиксированные слова и выражения позволяют анализировать влияние соседних языков, выявлять особенности диалектов и реконструировать исторические изменения в языке населения региона. Подобные исследования способствовали последующему развитию сравнительного языкознания и этнолингвистики.

Дополнительно, его археологические наблюдения были последовательными и системными: он уделял особое внимание находкам и историческим памятникам. Например, он описывал остатки зданий, курганы, а также артефакты, обнаруженные местными жителями — фрагменты керамики, мусульманские монеты и статуэтки. Он стремился реконструировать историю региона через анализ этих находок.

Особый интерес представляют его наблюдения за надписями на камнях, которые местные жители называли «кайрок». Кун отмечал:

«Эти надписи, хотя зачастую выполнены небрежно, содержат имена, даты и различные символы. Несмотря на их ограниченное историческое значение, они могут служить индикатором времени заселения некоторых деревень» [3].

Однако из-за нехватки времени он не смог полностью исследовать эти материалы и считал свою работу в этом направлении незавершённой.

В «Предисловии» А. Л. Кун демонстрирует серьёзный и ответственный подход к научным исследованиям, уделяя особое внимание точности и достоверности собранных данных. Он отмечает: «Мой «Дневник» (имеется в виду «Дневник Искандеркульской экспедиции») был записан на самаркандском та-

джикском диалекте с использованием местных выражений жителей Матча, Фальгара и Ягноба» [3].

Таким образом, «Предисловие» является не только вводной частью к результатам экспедиции, но и свидетельством серьёзного подхода исследователя к документированию народной жизни региона.

В конце своего «Предисловия» А. Л. Кун выражает надежду на завершение работы над «Дневником», а также на подготовку комментариев и перевода к Новому году. Однако данное произведение до сих пор не переведено ни на один язык, включая русский.

Лишь некоторые его части были переведены литературоведом О. М. Ястребовой в 2003 году при изучении документов конца XIX века из верховьев Зарафшана [12]. Эти документы, собранные в ходе экспедиции, хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

О. М. Ястребова проанализировала их с исторической, культурной, социальной и политической точек зрения и в качестве приложения выборочно перевела две части из «Приложений» и одну часть основного текста.

Как уже упоминалось, А. Л. Кун выделил первую часть произведения как Приложение I: «Список надписей на камнях, встречающихся вдоль дороги» [2, 324а–329б; 3, листы 260а–270а].

В своих пояснениях автор делит данный раздел на несколько подразделов, предоставляя читателю информацию о типах надписей: «Настоящий раздел включает надписи, обнаруженные на существующих камнях вдоль маршрута, а также на стенах крепостей, частных домов и мечетей» [2, 260а].

Далее он уточняет: «Надписи, найденные вдоль маршрута передвижения отряда, а также на стенах частных домов, крепостей и мечетей, демонстрируют значительное разнообразие в стилях и уровне грамотности их авторов. Некоторые из них выполнены грубым, примитивным почерком, а в отдельных случаях содержат исправления. Тем не менее, эти надписи представляют ценную информацию о времени их создания и социальных условиях их авторов» [3].

Эти выводы А. Л. Куна также подтверждаются исследованиями А. М. Мухтарова [5, 169].

Исследования академика А. М. Мухтарова предоставляют дополнительный анализ эпиграфического материала из верховьев Зарафшана. В своей работе А. М. Мухтаров классифицирует надписи по видам шрифтов и подчёркивает отсутствие куфического письма среди обнаруженных образцов. Он пишет: «Среди тех надписей, которые мы копировали (в верховьях Зарафшана. — О. А.), встречались шрифты такие, как сулс, та'лик, насх и насталик. Однако надписей, выполненных куфическим письмом, обнаружить не удалось» [5, 157].

Таким образом, приложение с надписями на надгробиях и камнях обладает не только исторической ценностью, но и представляет собой важный источник для изучения религиозных, социальных и культурных аспектов жизни в верховьях Зарафшана. Эти надписи дают уникальное представление о местных тра-

дициях и уровне грамотности, а также о роли выдающихся личностей в истории региона.

Академик А. М. Мухтаров в своих исследованиях активно использовал надписи, представленные в разделе «Список надписей на надгробных камнях [С надгробных камней, слежавшихся на гробницах (мазарах) женихов и частных лиц]» из «Дневника Искандеркульской экспедиции». Эти эпиграфические памятники стали для него важным источником изучения исторической и культурной жизни региона.

На наш взгляд, «Приложения» к «Дневнику» А. Мустаджира позволили академику А. М. Мухтарову предложить новый и значимый подход к анализу роли эпиграфических памятников в истории Средней Азии и, в частности, нашей страны. Его исследования раскрыли не только историко-культурное значение этих надписей, но также их важный вклад в реконструкцию религиозных, социально-экономических и политических реалий Средневековья [подробнее см.: 5–9; 10, 82].

Более 70 надписей, упомянутых в «Дневнике», были рассмотрены академиком А. М. Мухтаровым в приложениях к «Дневнику Искандеркульской экспедиции» [7, 17]. Особого внимания заслуживают рубаи и бейты, представленные в его книге «Санг хам диле дорад» («У камня тоже есть сердце»). В данной работе автор использовал 51 поэтический текст, часть из которых была представлена в «Приложениях» к «Дневнику» [16].

Следует отметить, что Приложения I–III к «Дневнику» содержат 104 текста надписей, из которых 34 расположены на надгробных камнях, найденных в деревнях Фальгар, Матча и Киштут.

Эти надписи принадлежат писцам и резчикам, среди которых: Абдуллах ибн Абдуррахим, Ходжа Махмуд, Мир Якуб, Мир Абдурразок Гузни, Таджуддин ибн Баховаддин, Ниёзмухаммад, Мулло Рахматулло, Мирак, Мирак Бобурхон, Мулло Хокиро Шамтичи, Мирмухаммад, Казиходжа, Мулло Асрори Хоксор, Азизходжа Хадишахри, Ахмадходжа, Мулло Абдуллах, Айвазмухаммад, Ниёзбадал Артучи, Мирзосалим Варзикандагий, Мирзотурды, Ходжа Махмуд, Мавлоно Шарафуддин и другие.

Тексты содержат сведения о местонахождении надписей, а также об их владельцах и строителях объектов, на которых они были высечены.

А. М. Мухтаров в своих трудах анализировал только надписи на таджикском языке, уделяя особое внимание рубаи и бейтам. Надписи на арабском языке в этих разделах он не рассматривал.

А. Мухтаров подчёркивает, что: «В конце 1930-х и начале 1940-х годов, в ходе строительства автомобильной дороги в верховьях Зарафшана, часть надписей была уничтожена в результате взрывных работ. Информация о них сохранилась только благодаря «Дневнику Искандеркульской экспедиции». Кроме того, дома, крепости и некоторые мечети с эпиграфическими надписями XIX века также были разрушены. Некоторые памятники на камнях и других объектах исчезли из-за небрежного отношения местных жителей. Таким обра-

зом, «Дневник» остается единственным источником информации о разрушенных эпиграфических памятниках верховьев Зарафшана. До последних публикаций эти материалы почти не использовались в исследованиях» [7, 11].

В этом контексте «Дневник Искандеркульской экспедиции» приобретает особую значимость, поскольку не только сохраняет ценные данные о разрушенных эпиграфических памятниках, но и открывает новые возможности для исторического и культурного изучения региона.

Академик А. М. Мухтаров подчеркивает: «К сожалению, до публикации данных материалов информация, зафиксированная в «Дневнике», практически не использовалась в научных исследованиях, что способствовало снижению её применения в исторических и эпиграфических изысканиях. Сегодня этот труд предоставляет возможность вновь изучить утраченные исторические и культурные памятники верховьев Зарафшана» [7, 11].

Таким образом, «Дневник Искандеркульской экспедиции» оценивается как важнейший и, в некоторых случаях, единственный и первый источник информации об эпиграфических памятниках верховьев Зарафшана, уничтоженных природными и антропогенными факторами.

В «Приложении III: Истории, анекдоты и свидетельства местных жителей» [2, 330а–369б; 3, листы 278б–296б] А. Л. Кун отмечает, что основной целью данной части исследования являлся сбор и фиксация образцов устной речи местного населения в её оригинальной форме.

Он писал: «Обстоятельства не вполне благоприятствовали полному знакомству с обитателями гор, и многих лиц нельзя было видеть. За неимением времени разыскивать нужных людей, а также по причине нахождения среди встречавших нас афсуначи (сказочников), я, от кого мог, со слов записал несколько сказок. А от некоторых, за отказом их рассказать какую-нибудь повесть или анекдот, я записывал показания об их жизни и отношении к своим правителям» [3, листы 277а–279б].

А. Л. Кун стремился максимально сохранить аутентичность речи, что подчеркнул в своих примечаниях: «При записывании всегда стремился сохранить, насколько удавалось уловить, чистоту речи говорившего» [3, листы 277а–279б].

Как следует из названия «Приложения» к «Дневнику» – «Истории, анекдоты и свидетельства местных жителей», оно содержит свидетельства местных жителей о политических и исторических событиях, происходивших в Матче и Фальгаре в начале и середине XIX века. Эта информация представляет собой ценный источник для историков, изучающих события верховьев Зарафшана данного периода.

Советский востоковед, литературовед И. С. Брагинский обратил внимание на фольклорную часть «Дневника», связанную с первым письменным упоминанием таджикского народного эпоса «Гуругли».

Исследователь считал рассматриваемый труд одним из первых письменных свидетельств существования эпического произведения «Гуругли» в устной традиции. Он отмечал, «Этот труд (т.е. «Дневник») стал важным этапом в форми-

ровании научного интереса к таджикскому народному эпосу и заложил основу для его дальнейшего глубокого анализа» [1, 9–10].

Помимо этого, И. С. Брагинский перевёл на русский язык газель о «Гуругли», записанную со слов Мулло Додобоя из Дардара, с узбекского языка [1, 9–10].

В целом, «Приложения» к «Дневнику Искандеркульской экспедиции» представляют собой ценный историко-культурный источник, освещающий эпиграфику, этнографию, фольклор и историю народов верховьев Зарафшана во второй половине XIX века. Материалы содержат сведения о письменных традициях региона, эпиграфических памятниках, каменных надписях и диалектных особенностях, что позволяет глубже понять социально-культурные процессы того времени.

Несмотря на ограниченные исследовательские условия, «Дневник» формирует надёжную базу для современных источниковедческих исследований. Представленные в нём записи о диалектах, фольклорных текстах и обрядовых песнях способствуют реконструкции языковой и социальной картины региона. Использование палеографических и текстологических методов позволит уточнить данные о политической, экономической и культурной истории верховьев Зарафшана.

Таким образом, данный источник не только углубляет понимание историко-культурного развития региона, но и служит основой для дальнейших исследований, направленных на сохранение его духовного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинский, И.С. Таджикский народный эпос «Гуругли» / И.С. Брагинский// Гуругли: таджикский народный эпос. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1987. – С. 7–11.
2. Мирза мулла Абдурахман сын Мухаммада Латифа Мустаджирра. Дневник Искандеркульской экспедиции (рукопись) // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. — № D 133 (609g). — 398 л. (394 л. таджикского текста + 4 л. русского текста).
3. Мирза мулла Абдурахман сын Мухаммада Латифа Мустаджирра. Дневник Искандеркульской экспедиции (рукопись) // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. — № D 134 (609h). — 322 л. (317 л. таджикского текста + 4 л. русского текста).
4. Мустачир, А. Рӯзномаи сафари Искандаркӯл / А. Мустачир. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 175 с.
5. Мухтаров, А. Надписи на скалах и камнях в верховьях Зеравшана/ А. Мухтаров// Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Памяти Михаила Степановича Андреева: Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии. – Сталинабад: Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1960. – Т. СХХ (120). – С. 147–167.
6. Мухтаров, А. Эпиграфические памятники как источники для изучения истории таджикского фольклора/ А. Мухтаров // Взаимодействие литературы и фольклора (матер. конф. «Взаимодействие литературы и фольклора народов Средней Азии и Казахстана». Душанбе, 1968 г.) – Душанбе, 1974. – С.165–169.
7. Мухтаров, А. Эпиграфические памятники Кухистана (XI–XIX вв.): в 2-х книгах / А. Мухтаров; отв. ред. Б.И. Искендаров. – Душанбе: Дониш, 1978. – Кн. 1. – 304 с.

8. Мухтаров, А. Эпиграфические памятники Кухистана (XI–XIX вв.): в 2-х книгах / А. Мухтаров; отв. ред. Б.И. Искендаров. – Душанбе: Дониш, 1979. – Кн. 2. – 148 с.

9. Мухторов, А. Санг ҳам диле дорад: пажӯҳишгоҳи фарҳанги форсӣ-тоҷикӣ / А. Мухторов. – Душанбе, 1999. – 155 с. + 27 с. муқаддима бо форсӣ.

10. Пирумшоев Ҳ. Кашшофи нақди таърих; муҳаррири масъул: академик Раҳим Масов/ Ҳ. Пирумшоев. – Душанбе: Деваштич, 2004. – 162 с.

11. Ястребова О.М. Персидские и таджикские документы в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: систематический каталог/О.М. Ястребова// – Санкт-Петербург: Издательство Российской национальной библиотеки, 1999. – 207 с.

12. Ястребова, О.М. Документы 19 века из верховьев реки Зарафшан в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки /О.М. Ястребова//Восточный сборник. РНБ. – СПб. – 2003. – Вып. 6. – С. 77–123.

«ЗАМИМАҲО»-И «РҶЗНОМАИ САФАРИ ИСКАНДАРКҶЛ» ҲАМЧУН САРЧАШМАИ ОМУҶИШИ ТАЪРИХ ВА ФАРҲАНГИ БОЛООБИ ЗАРАФШОН ДАР НИМАИ ДУВУМИ АСРИ XIX

Мақола ба таҳлили «Замимаҳо»-и «Рӯзномаи сафари Искандаркӯл» ҳамчун сарчашмаи арзишманди таърихӣ фарҳангӣ барои омӯзиши болооби Зарафшон дар нимаи дууми асри XIX бахшида шудааст. Ин ҳуҷҷат, ки дар доираи экспедитсияи Искандаркӯл таҳти роҳбарии шарқшинос А. Л. Кун таҳия гардида, аз ҷониби мирзо мулло Абдурраҳмон, писари Муҳаммад Латиф, сабт шудааст, аз се қисм иборат аст: «Рӯзнома», «Сарсухан» ва «Замимаҳо».

Тавачҷуҳи асосӣ ба «Замимаҳо»-и ин асар равона шудааст, ки дорои маълумот оид ба ривоятҳои мардумӣ, ёдгориҳои эпиграфӣ, латифаҳо, матнҳои фолклорӣ, номгӯи катибаҳои сангҳои мазор ва дигар навиштаҷот мебошад. Дар мақола аҳамияти ин мавод барои бозсозии манзараи иҷтимоӣ-иқтисодӣ, фарҳангӣ ва этнографии минтақа мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Хусусиятҳои забон ва услуби матнҳои сабтшуда, таъсири анъанаи шифоҳӣ ба фарҳанги хаттӣ ва нақши ёдгориҳои эпиграфӣ дар омӯзиши хотираи таърихӣ болооби Зарафшон таҳлил шудаанд.

Қайд гардидааст, ки бо вучуди арзиши баланди сарчашмавии онҳо, «Замимаҳо» то ҳол кам омӯхта шудаанд. Натиҷаҳои таҳқиқот зарурати омӯзиши минбаъдаи «Замимаҳо»-ро дар заминаи этнография, фолклоршиносӣ ва бостоншиносӣ таъкид мекунанд. Маводи онҳо на танҳо барои бозсозии таърихи маҳаллӣ, балки барои дарки равандҳои фарҳангии Осиёи Миёна дар асри XIX манбаи муҳим ба ҳисоб мераванд.

Калидвожаҳо: *«Рӯзномаи сафари Искандаркӯл», сарчашмаи таърихӣ фарҳангӣ, эпиграфия, фолклор, ривоятҳои мардумӣ, болооби Зарафшон, асри XIX, этнография, бостоншиносӣ, ёдгориҳои хаттӣ, «Замимаҳо».*

«ПРИЛОЖЕНИЯ» К «ДНЕВНИКУ ИСКАНДЕРКУЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ» КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ВЕРХОВЬЕВ ЗАРАФШАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Статья посвящена анализу «Приложений» к «Дневнику Искандеркульской экспедиции» как ценного историко-культурного источника для изучения верховьев Зарафшана во второй половине XIX века. Этот документ, составленный в рамках Искандеркульской экспедиции под руководством востоковеда А. Л. Куна и записанный мирзо мулло Абдуррахманом сыном Мухаммадам Латифам, включает три части: «Дневник», «Предисловие» и «Приложения». Основное внимание уделено «Приложениям», содержащим сведения о народных преданиях, эпиграфических памятниках, анекдотах, фольклорных текстах, списках надписей на надгробиях и камнях.

В статье рассматривается их значимость для реконструкции социально-экономической, культурной и этнографической картины региона. Анализируются особенности языка и стиля записанных текстов, влияние устной традиции на письменную культуру, а также роль эпиграфических памятников в изучении исторической памяти верховьев Зарафшана. Отмечено, что, несмотря на их высокую источниковедческую ценность, «Приложения» остаются малоизученными.

Выводы исследования подчеркивают необходимость дальнейшего изучения и анализа «Приложений» в контексте этнографии, фольклористики и археологии. Их материалы являются важным источником не только для реконструкции локальной истории, но и для понимания культурных процессов в Средней Азии XIX века.

Ключевые слова: «Дневник Искандеркульской экспедиции», историко-культурный источник, эпиграфика, фольклор, народные предания, верховья Зарафшана, XIX век, этнография, археология, письменные памятники, «Приложения».

«APPENDICES» TO THE «DIARY OF THE ISKANDERKUL EXPEDITION» AS A HISTORICAL AND CULTURAL SOURCE FOR STUDYING THE UPPER REACHES OF THE ZARAFSHAN IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

The article analyzes the «*Appendices*» to the «*Diary of the Iskanderkul Expedition*» as a valuable historical and cultural source for studying the upper reaches of the Zarafshan in the second half of the 19th century. This document, compiled as part of the Iskanderkul Expedition under the leadership of the orientalist A. L. Kun and recorded by Mirzo Mullah Abdurrahman, son of Muhammad Latif, consists of three parts: the «*Diary*», the «*Preface*», and the «*Appendices*».

The primary focus is on the «*Appendices*», which contain information on folk legends, epigraphic monuments, anecdotes, folklore texts, and lists of inscriptions on tombstones and stones. The article explores their significance in reconstructing the socio-economic, cultural, and ethnographic landscape of the region. It also examines the linguistic and stylistic features of the recorded texts, the influence of oral tradition on written culture, and the role of epigraphic monuments in preserving the historical memory of the peoples of the upper Zarafshan. Despite their high value as historical sources, the «*Appendices*» remain understudied.

The study concludes by emphasizing the need for further research and analysis of the «*Appendices*» in the contexts of ethnography, folklore studies, and archaeology. These materials serve as an important source not only for reconstructing local history but also for understanding the broader cultural processes in Central Asia during the 19th century.

Keywords: «*Diary of the Iskanderkul Expedition*», historical and cultural source, epigraphy, folklore, folk legends, upper Zarafshan, 19th century, ethnography, archaeology, written monuments, «*Appendices*».

Маълумот дар бораи муаллиф: **Одинаев Абдумавлон Назирович** – ходими хурди илмии шуъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва нави Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи. Дониши АМИТ, E-mail: abdumavlon1987@gmail.com; Идентификатори ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9730-8735>

Сурога: Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, 734025, хиёбони Рӯдакӣ, 33, к. Академик Раҷабовҳо, 9.

Сведения об авторе: **Одинаев Абдумавлон Назирович** – младший научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. E-mail: abdumavlon1987@gmail.com

ORCID идентификатор: <https://orcid.org/0000-0002-9730-8735>.

Адрес: Республика Таджикистан, город Душанбе, 734025, проспект Рудаки, 33, ул. Академиков Раджабовых, д. 9.

Information about the author: *Odinaev Abdumavlon Nazirovich* is a Junior Researcher at the Department of Ancient, Medieval, and Modern History of the Institute of History, Archaeology, and Ethnology, A. Donisha National Academy of Sciences of Tajikistan. E-mail: abdumavlon1987@gmail.com; ORCID Identifier: <https://orcid.org/0000-0002-9730-8735>

Address: Republic of Tajikistan, Dushanbe city, 734025, Rudaki Avenue 33, st. Akademiki Radzhabov, building 9.

УДК: 930.85(575)"09":001.891(470)

САҲМИ ОЛИМОНИ РУС ДАР ОМУЌИШИ МАСЪАЛАИ ТАШАККУЛИ ШАҲРИ АСРИ МИЁНАИ ОСИЁИ МИЁНА

ТУРСУНОВА Ш. М.,

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Бобочон Ғафуров

Ташаккули шаҳрҳои Осиеи Миёна аз даврони қадим ва ибтидои асрҳои миёна дар давоми чандин аср анъанаҳои хоси худро ба вучуд овардааст, ки баъдтар асоси ташаккули шаҳрҳои асри миёнаи давраи мутараққӣ гардидааст. Бинобар ин таърихи шаҳри асри миёна дар ҷанбаҳои топографӣ, иҷтимоӣ - иқтисодӣ ва фарҳангии худ ҳамеша таваҷҷуҳи олиморо бештар ҷалб намуда, яке аз масъалаҳои муҳимми илми таърих ба ҳисоб меравад. Раванди шаклгирии шаҳрҳои Осиеи Миёна хусусиятҳои ба худ хос пайдо намуда, боиси ба маркази хунармандӣ ва савдо табдил ёфтани шаҳро гардид [2, 65].

Осиеи Миёна аз замони қадим дорои шаҳрҳои зиёд буда, марҳалаҳои та-назул ва рушдро аз сар гузаронидааст. Маълум аст, ки ин худудҳо дар асрҳои VII - IX аз тарафи арабҳо забт шуда, боиси муддати муайян таназзул ёфтани шаҳро гардидааст. Аммо дар асрҳои IX-XII дар натиҷаи ба ҳам пайвастании фарҳанги исломӣ ва анъанаҳои миллӣ марҳалаи рушди шаҳрҳои асри миёна ба назар мерасад. Баъди ба ҳайати хилофати араб дохил шудани қаламрави Осиеи Миёна дигаргунӣ натавонанд дар ҳаёти сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ ба вуқӯ пайвастанд, балки аз ҷиҳати демографӣ низ тағйироти зиёде ба амал омад. Симои шаҳр дигаргун гашта, шумораи хунармандон ва тоҷирон афзуд. Марказҳои хунармандӣ ва савдо бо теъдоди 50 ҳазор нафар аҳоли ба вучуд омаданд [13, 41].

Шаҳроҳое чун Самарқанд, Бухоро, Марв ва дигарҳо ба сатҳи марказҳои ҷаҳонӣ расиданд. Дар ин хусус О. Г. Болшаков қайд кардааст, ки танҳо дар Мо-вароуннаҳр дар асри X зиёда аз 280 шаҳр, дар Хуросон низ тақрибан ҳамин миқдор шаҳро мавҷуд буданд [6, 108].

Дар дигар таҳқиқотҳояш О. Г. Болшаков асри IX-ро ҳамчун давраи рушди шаҳрсозӣ баҳо додааст. Дар водии Фарғона- 40, Чоч -39, воҳаи Бухоро -29, Ҳафтрӯд -24, Суғд -16, Уструшана- 13, Илоқ -17, ҳудудҳои болооби Сирдарё- 20 шаҳр мавҷуд буд [8, 129].

Дар таҳқиқ ва омӯзиши масъалаи ташаккули шаҳри асри миёнаи Осиёи Миёна саҳми олимони бузурги рустабор хеле назаррас аст. Яке аз нахустин шарқшинос ва муаррихони рус, ки дар асоси маълумоти маъхазҳои таърихӣ роҳҳои ташаккули шаҳри асри миёнаро тавсиф кардааст В. А. Жуковский мебошад. Ӯ дар асари худ «Развалины старого Мерва» кӯшиш ба харҷ додааст, ки сохтор ва таҳаввули шаҳри осиемиёнагиро таҳқиқ ва ҳамзамон роҳҳои инкишофи онро равшан кунад. Таҳти роҳбарии мавсуф экспедитсияи Комиссияи археологии Осиёи Миёна ташкил карда шуда, яке аз вазифаҳои асосии он аз омӯхтани ёдгориҳои бостонии водии Закаспий, пеш аз ҳама ҳудуди Марв ва атрофи он иборат буд [4, 172].

Натиҷаҳои таҳқиқоти бостоншиносии соли 1890 дар харобаи Марви куҳан гузаронидаи В. А. Жуковский ва ҳамзамон омӯзиши ҳамаи сарчашмаҳои ҳатти мавҷуда дар осораш ҷамъбаст шуда, ӯ сазовори медали тиллоии Ҷамъияти археологии Россия гардида аст. Ховаршиносон бошанд, ба пажӯҳишҳои мавсуф роҷеъ ба таърихи омӯзиши шаҳри асри миёна ва маданияти Осиёи Миёна баҳои баланд додаанд. Ба асари В. А. Жуковский аз ҷумла В. В. Бартолд баҳои сазовори худро дода, аз ҷумла чунин гуфта буд: «Он таҳқиқоте, ки В. А. Жуковский доир ба таърихи қадимаи шаҳр гузаронидааст, дар дигар шаҳрҳои Осиёи Миёна ва ё Форс дида намешавад» [12,57].

Олиме, ки дар омӯзиш ва шинохти таъриху фарҳанги Осиёи Миёна саҳми арзанда дорад, В. В. Бартолд мебошад. Ӯ тавонистааст дар омӯзиши таърих, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ ва маъхазшиносӣ, баҳусус давраи асри миёнаи Осиёи Миёна ба натиҷаҳои назаррас ноил шавад ва соҳиби мактаби илмии худ гардад.

Саҳми В. В. Бартолд дар масъалаи омӯзиши шаҳрҳои Осиёи Миёна, тадриҷан мураккаб гардидани топографияи он ва ба маркази ҳунармандӣ ва савдо табдил ёфтани онҳо низ бениҳоят бузург мебошад. Ӯ кӯшиш кардааст, ки роҳҳои ташаккули шаҳри асри миёнаи Осиёи Миёнаро муайян намуда, инчунин моҳияти истилоҳҳои махсуси муаррихон ва ҷуғрофишиносони асри IX-ро доир ба қисматҳои шаҳр тавсиф намояд.

Мисоли равшани ба масъалаи ташаккули шаҳри асри миёна майл кардани шарқшиносро мо дар омӯзиши ёдгориҳои таърихии Осиёи Миёна, ба вижа Тоҷикистони шимолӣ дида метавонем. Академик В. В. Бартолд ба омӯзиши масъалаи ҷойгиршавии шаҳрҳои Уструшана тавачҷуҳ намуда, кӯшиш кардааст, то маркази он - Бунчикатро муайян намояд. Бино ба назари ӯ Бунчикат дар деҳаи ҳозираи Шахристон ҷойгир ва шаҳри муттарақӣ буда, аз се қисм - арк, шахристон ва рабаз иборат аст [11,50].

В. В. Бартолд дар мавриди баррасии масъалаи мазкур на танҳо ба ахбори манобеи асри миёна, инчунин ба маълумоти бостоншиносӣ низ таъя кардааст.

Зеро маҷмуи маълумотҳои сарчашмаҳои таърихӣ наметавонанд тамоми чараёни инкишофи шаҳри асри миёнаро равшан созанд. Маҳз бо ташаббуси В. В. Бартолд маҳфили дӯстдорони археологияи Туркистон соли 1896 дар бораи шаҳри Пайкент маълумотҳои муҳим чамъ намуда, харитаи топографии он тартиб дода шуд [9,6].

Ба шарофати омӯзиши маъхазҳои хаттӣ ва маълумоти бостоншиносӣ дар баробари масъалаи ташаккули шаҳри асри миёна, ҳаёти иқтисодию иҷтимоии он имконпазир гардид. Натиҷаи таҳқиқоти бостоншиносӣ дар шаҳрҳои Самарқанд, Бухоро, Марв, Хучанд, Тирмиз, Пайкент, Варахша, Нисо ва ғайраҳо барои бо маълумоти сарчашмаҳои хаттӣ муқоиса кардан мусоидат карданд [7, 414].

Н. М. Акрамов, ки ба омӯзиши фаъолияти таҳқиқотии В. В. Бартолд машғул гаштааст, менависад, ки «В. В. Бартолд дар асари худ «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» тасвири муфассали таърихӣ - ҷуғрофии Мовароуннахро дода, дар бораи шаҳру ноҳияҳои он ва вазъи хунармандӣ ва савдо маълумоти муҳимми таърихӣ додааст» [1,27].

Олими дигари рус, ки ба омӯзиши шаҳрҳои асри миёна машғул гаштааст, А. Ю. Якубовский мебошад. Ӯ таҳти роҳбарии В. В. Бартолд моҳи апрели соли 1925 ба Академияи таърихи фарҳанги моддии Россия ҳамчун бақайдгирандаи археология ва санъати Осиёи Миёна ба кор шуруъ намуд. Бо роҳбарии А. Ю. Якубовский экспедитсияи калони Академияи таърихи фарҳанги моддии Россия ташкил шуда, дар шаҳри қадимаи Марв таҳқиқот гузаронида шуд.

Соли 1932 дар шаҳри бостонии Самарқанд ва соли 1934 дар наздикиҳои Бухоро низ корҳои таҳқиқотӣ гузаронида шуданд. Дар нимаи дуҷуми солҳои 1930 А. Ю. Якубовский ба ду экспедитсияи археологии Зарафшон, ки мақсадаш омӯзиши ёдгориҳои археологии аз Самарқанд то Бухоро буд, роҳбарӣ намуда аст. Натиҷаҳои ин экспедитсияҳо назаррас буда, барои омӯзиши чараёни ташаккули шаҳрҳои Осиёи Миёна басо муҳим маҳсуб меёбанд.

Фаъолияти баъдичангии А. Ю. Якубовский бештар ба омӯзишу таҳқиқи ёдгориҳои маданияти шаҳрии Осиёи Миёна, бахусус Тоҷикистон бахшида шудааст. Саҳми А. Ю. Якубовский дар омӯзишу таҳқиқи шаҳри бостонии Панҷакент бениҳоят бузург аст. Кофтукӯҳои бостоншиносии дар шаҳри Панҷакент гузаронида шуда, имкон фароҳам оварданд, ки масъалаҳои таърихӣ, ҷуғрофӣ, топографӣ, хунармандӣ ва шаҳрсозии он равшан гардад [3,154].

Академик Нуъмон Неъматов саҳми бузурги А. Ю. Якубовскийро дар самти омӯзиш ва таҳқиқи Панҷакенти қадима маҳсус қайд карда, маводи бойи гуногунҷанбаи аз шаҳри бостонии Панҷакент ба даст омадари самараи идроки илмии муҳаққиқ доништааст [10,575].

Соли 1954 баъди вафоти ин олими бузург, чилди дуҷуми «Асарҳои экспедитсияи бостоншиносии Тоҷикистон» ба таъби расид, ки дар пешгуфтори ин китоб А. Ю. Якубовский дар бораи аҳаммияти таҳқиқоти Панҷакенти қадима барои ҳалли як зумра масоил, ки ба таърихи шаҳри Осиёи Миёнаи асри VI-VIII бахшида шудааст, сухан меронад. Тибқи назарияи А. Ю. Якубовский дар асри

Х чараёни ташаккули шаҳри асри миёна ҳамчун маркази хунармандӣ ва савдо ба охир расида, рабаз- қисмати аз ҳама фаъоли иқтисодии шаҳр мегардад [14,150].

Қорҳои таҳқиқоти бостоншиносӣ дар Осиёи Миёна ҳанӯз соли 1884 оғоз шуда буд. Комиссияи археологӣ ба водии Зарафшон ва Фарғона профессори кафедраи таърихи Шарқи Донишгоҳи Санкт - Петербург Н. И. Веселовскийро фиритод. Экспедитсия барои як сол пешбинӣ шуда, ҳадафи он шиносоии умумӣ бо ёдгориҳои қадима ва асри миёнаи Осиёи Миёна буд. Н. И. Веселовский аввалин шуда, дар ёдгории Афросиёби Самарқанд кофтуков гузаронида, нақшаи топографии онро тартиб дод. Дар натиҷаи кофтуковҳои гузаронидашуда, боқимондаи ёдгориҳои маданияти тоисломӣ, яъне юнонӣ, форсӣ ва буддой таҳқиқ шуда, густириши дини буддоия дар саросари Осиёи Миёна то паҳншавии дини ислом тасдиқ карда шуд. Н. И. Веселовский инчунин дигар ёдгориҳои меъморӣ асри миёнаи Самарқанд – Шоҳи Зинда, мақбараи Темур ва дигарҳоро мавриди омӯзиш қарор дод. Хизмати Н. И. Веселовский дар самти омӯзиши Тоҷикистони шимолӣ низ назаррас аст. Соли 1885 Н. И. Веселовский ба водии Фарғона сафар карда, ба деҳаи Ашт меояд ва ба таҳқиқи қабрҳои машғул гашта, яке аз аввалинҳо шуда, исбот кард, ки муғҳона дар он замон вазифаи қабристонро доштааст [11,36].

Дигар аз олимони рус, ки доир ба масъалаи ташаккули шаҳри асри миёнаи Осиёи Миёнаи охири асри VIII – ибтидои асри XIII таҳқиқотҳо анҷом додааст, О. Г. Болшаков мебошад. Олим дар пажӯҳиши худ ба муносибатҳои иҷтимоӣ иқтисодии шаҳрҳои асри миёна таваҷҷуҳи ҷиддӣ зоҳир намуда, дар асараш ба масъалаи истехсоли хунармандии шаҳрҳои зербобҳои маҳсул бахшидааст. Натиҷаи таҳқиқоти Болшаков О. Г. инчунин А. М. Беленитский ва И. Б. Бентович дар бораи инкишофи ҳаёти шаҳрҳои асри миёнаи Осиёи Миёна дар рисолаи «Средневековый город Средней Азии» инъикос ёфтааст.

Ба назари Болшаков О. Г. маҳз дар ибтидои асри IX шакли шаҳре, ки қариб дар тури тамоми асрҳои миёна бе тағйироти кулӣ вучуд дошт, инкишоф ёфт [5, 162]. О. Г. Болшаков дар таҳқиқоти худ ба мушкилиҳои дучор шудани раванди шаҳрсозиро дар натиҷаи истилои араб таъкид карда, ибронд меорад, ки ин падида аз як тараф ба вайрониву харобаҳои шаҳр оварда бошад, аз тарафи дигар ба давраи минбаъдаи эътидоли вазъи сиёсӣ ва ворид шудан ба низоми мутғамаркази хилофат ва оғози давраи дуҷуми чараёни ташаккули шаҳрҳои Осиёи Миёна мусоидат намуд. Тибқи ақидаи Болшаков О. Г. қариб 25-30 ғоизи аҳолии Осиёи Миёна дар шаҳрҳои зиндагӣ мекарданд.

Дар радиҳои олимони зикршуда А. А. Семёнов ва М. С. Андреевро низ метавон ном бурд, ки дар дарки ҷанбаҳои фарҳангӣ, сиёсӣ ва иқтисодии рушди шаҳр дар Осиёи Миёна саҳми арзанда гузоштаанд.

Дар асарҳои ховаршиносон услубҳои меъморӣ, сохти иҷтимоӣ иқтисодӣ ва инкишофи тичорат баррасӣ шудаанд, ки ин барои аз нав барқарор намудани манзараи ҳаёти шаҳрҳои асри миёна, мисли Самарқанд, Бухоро, Панҷакент,

Марв ва ғайраҳо бештар мусоидат кардааст. Пажухишҳои илмии онҳо асоси бисёр корҳои таҳқиқотии минбаъдаи ин соҳа гардид.

Бояд гуфт, ки осори ин муҳаққиқон натавонанд адабиёти илмиро ғанӣ гардонд, инчунин ба таҳкими муносибати фарҳангии Россия ва Осиёи Миёна ҳамаҷониба мусоидат кард.

Омӯзиши шаҳри асри миёнаи Осиёи Миёна як соҳаи муҳимми илми таърих буда, дар он шарқшиносон ва муаррихони рус саҳми назаррас дошта, аз охири асри XIX то нимаи асри XX дар ин самт таҳқиқоти муҳим анҷом додаанд.

Осиёи Миёна як маркази муҳимми стратегӣ дар Роҳи Бузурги Абрешим ба ҳисоб мерафт ва ба рушди шаҳрҳо ҳамчун марказҳои ҳунармандӣ, тичорат, илм ва фарҳанг ҳамаҷиҳата мусоидат кард. Баъди ба империяи Россия ҳамроҳ шудани ин сарзаминҳо ховаршиносони рус мунтазам ба омӯзиши ёдгориҳои бостонӣ, маъхазҳои хаттӣ ва анъанаҳои маҳаллӣ шуруъ намуданд.

Корҳои илмӣ - таҳқиқотии шарқшиносон ва муаррихони рус дар самти омӯзиши шаҳрҳои асри миёнаи Осиёи Миёна ба равишҳои муосири таҳқиқот таъсир расонида аст. Пажухишҳои онҳо барои амиқ таҳлил намудани ҳаёти иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва маданияи шаҳрҳо асос гардид.

Таҳқиқоти шарқшиносони рус оид ба ташаккули шаҳри асри миёна дар Осиёи Миёна ба дарки мероси таърихӣ фарҳангии ин минтақа таъсири калон расонида, на танҳо донишҳои гузаштаре афзун намуд, гардонид, инчунин нури пешбарандаи таҳқиқоти оянда гардид. Натиҷаи фаъолияти ин олимони бузург имрӯз ҳам муҳим боқӣ монда, барои ҷомеаи илмӣ ва дӯстдорони таърих уфуқҳои нав мекушояд.

АДАБИЁТ

1. Акрамов Н. М. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд / Н. М. Акрамов. - Душанбе, 1963. - 110 с.
2. Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии (V-начало XIII в.) / А. Анарбаев. - Ташкент: Фан, 1981.-199 с.
3. Алёкшин В. А. А. Ю. Якубовский – исследователь древних городов Центральной Азии / В. А. Алёкшин // Записки Института истории материальной культуры. – Вып. 13. – Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры, 2016. -С. 151-154.
4. Бартольд В. В. К истории Мерва / В. В. Бартольд // Сочинение. Т. IV. – Москва: Наука, 1966. - С.172-176.
5. Беленицкий А. М., Бентович И. М., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии / А. М. Беленицкий, И. М. Бентович, О.Г. Большаков. –Ленинград: Наука, 1973. –388 с.
6. Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока VII – середины XIII вв. / О. Г. Большаков. –Москва: Наука,1984. - 342 с.
7. История таджикского народа. -Т. II. -Душанбе, 1999.- 790 с.
8. Мирбобоев А. К., Турсунова Ш. М. Исторические предпосылки начала специализации ремесленного производства и торговли в городах Хорасана и Мавераннахра X - XV вв. / А. К. Мирбобоев, Ш. М. Турсунова //Учёные записки Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. –2012. - № 5 (33). - С. 129-142.
9. Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т., Мирзоахмедов Д. К., Семёнов Г. Л. Городище Пайкент (к проблеме изучения средневекового города Средней Азии)/ А. Р. Мухамеджанов, Ш. Т. Адылов, Д. К. Мирзоахмедов, Г. Л. Семёнов. –Ташкент: Фан, 1988. - 207 с.
10. Негматов Н. Н. А. Ю. Якубовский – зачинатель таджикской археологии / Н. Н. Негматов // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – Санкт - Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 2006. – С. 571-580.

11. Икромов Н., Раҳимов Н. Саҳми шарқшиносони рус дар омӯзиши таърих ва маданияти аҳолии шимоли Тоҷикистон (1867-1917) / Н. Икромов, Н. Раҳимов. –Хучанд, 2015. -124 с.
12. Смирнова О. И. Место труда В.А. Жуковского «Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва» в истории изучения среднеазиатских городов / О. И. Смирнова // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник V. Памяти В. А. Жуковского. –Москва: Издательство восточной литературы, 1960. - С. 50-58
13. Турсунова Ш. М. Сложение среднеазиатского средневекового города / Ш. М. Турсунова // Учёные записки Худжандского государственного университета имени академика Б.Гафурова. -2022. - №3 (72). - С. 41-46.
14. Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X - XV веках / А. Ю. Якубовский // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть первая. -Ленинград, 1932. -С.149-156.

САҲМИ ОЛИМОНИ РУС ДАР Омӯзиши Масъалаи Ташаккули Шаҳри Асримиёнагии Осиёи Миёна

Масъалаи ташаккули шаҳри асримиёнагии Осиёи Миёна, аз масъалаҳои муҳим ва мубрими илми таърих маҳсуб ёфта, марҳилаҳои таназул ва рушдро аз сар гузаронидааст. Дар асрҳои IX-XII дар натиҷаи ба ҳам пайвастании фарҳанги исломӣ ва анбанаҳои миллӣ марҳилаи рушди шаҳрҳои асримиёнагӣ, оғоз гардида, шаҳрҳо ба марказҳои истеҳсолоти ҳунармандӣ ва савдо табдил ёфтанд. Дар омӯзиш ва таҳқиқи масъалаи мазкур саҳми олимони бузурги рус аввалиндарача мебошад. Маҳз дар натиҷаи омӯзиш ва пажӯҳиши онҳо илми таърих имрӯз дар баҳои раванди ташаккули шаҳри асримиёнагӣ маълумоти муҳими роҳро асту.

Муаррихон ва шарқшиносони шинохтаи рус чун В. В. Бартолд, А. Ю. Якубовский, В. А. Жуковский, Н. И. Веселовский, А. А. Семёнов, М. С. Андреев, О. Г. Болшаков дар асрҳои худ маҳсусан масъалаи ташаккули шаҳри асримиёнагии Осиёи Миёнаро баррасӣ карда, манзараи ҳаёти шаҳри феодалиро аз қабилҳои Самарқанд, Бухоро, Панҷакент, Марв ва ғайраро барқарор кардаанд. Пажӯҳишҳои илмӣ онҳо асоси корҳои тадқиқотии минбаъдаи соҳаи мазкур ва самараи маълумотҳои ҷамъ намудаи онҳо манбаи асосии таҳлил ва омӯзиши ҳаёти иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва маданияти шаҳрҳо гардидаанд.

Вожаҳои калидӣ: *Осиёи Миёна, шаҳри асримиёнагӣ, муаррихон ва шарқшиносони рус, истеҳсолоти ҳунармандӣ ва савдо, пажӯҳиши илмӣ.*

ВКЛАД РУССКИХ УЧЁНЫХ В ИЗУЧЕНИИ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Вопрос формирования средневековых городов Средней Азии является одним из важнейших вопросов исторической науки и прошел этапы упадка и развития. В IX-XII веках в результате интеграции исламской культуры и национальных традиций наступает этап развития средневековых городов, города становятся центрами ремесленного производства и торговли. Вклад русских учёных в изучение и исследование этого вопроса велик и первостепенен. Именно в результате их изучения и исследований историческая наука сегодня располагает важной информацией для процесса формирования средневекового города. Русские историки и востоковеды, такие как В.В.Бартольд, А.Ю. Якубовский, В.А.Жуковский, Н.И.Веселовский, А.А.Семёнов, М.С.Андреев, О.Г.Большаков в своих работах рассматривали вопрос формирования городов как Самарканд, Бухара, Пенджикент, Мерв и др. Их научные исследования являются основой дальнейших исследований в области науки.

Ключевые слова: *Средняя Азия, средневековый город, русские историки и востоковеды, ремесленное производство и торговля, научное исследование*

————— МУАРРИХ – ИСТОРИК – HISTORIAN —————

**THE CONTRIBUTION OF RUSSIAN SCIENTISTS TO THE STUDY OF THE FORMATION
OF MEDIEVAL CITIES IN CENTRAL ASIA**

The question of formation of medieval cities of Central Asia is one of the most important questions of historical science and passed the stages of decline and development. In IX-XII centuries as a result of integration of Islamic culture and national traditions the stage of development of medieval cities came, cities became centers of handicraft production and trade. The contribution of Russian scholars to the study and research of this issue is great and paramount. It is as a result of their study and research that historical science today has important information for the process of medieval city formation. Russian historians and orientalists, such as V. V. Bartold, A. Y. Yakubovsky, V. A. Zhukovsky, N.I. Veselovsky, A. A. Semyonov, M. S. Andreev, O. G. Bolshakov in their works considered the issue of medieval city formation in Central Asia and described the life of feudal city as Samarkand, Bukhara, Penjikent, Merv and others. Their scientific studies are the basis for further research in the field of science.

Key words: *Central Asia, medieval city, Russian historians and orientalists, handicraft production and trade, scientific research*

Маълумот дар бораи муаллиф: Турсунова Шахноза Мӯҳсиновна - муаллимаи кафедраи археология, этнография ва диншиносии Муассисаи давлатии таълимии «Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Бобочон Ғафуров». Тел.: (992) 92-790-31-11. E-mail: shahnoza@inbox.ru.

Сведения об авторе: Турсунова Шахноза Мухсиновна - преподаватель Государственного образовательного учреждения «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова». Тел.: (992) 92 - 790-31-11. E-mail: shahnoza@inbox.ru. Адрес: 735700, Республика Таджикистан, г. Худжанд, проезд Мавлонбекова, 1.

Information about the author: Tursunova Shahnoza Mukhsinovna -Khuja nd State University named after academician B. Gafurov, lecturer at the Department of Archeology, Ethnography and Religious Studies. **Address:** 735700, Republic of Tajikistan, Khuja nd, Mavlonbekov passage, 1. E-mail: shahnoza@inbox.ru. Phone: (+ 992) 92 - 790- 31- 11.

◆—————◆

УДК: 94(575.3)"19":001.891(579.1)

**БОЗТОБИ ИШҒОЛИ МУЛКИ УРОТЕППА АЗ ҶОНИБИ РОССИЯИ
ПОДШОҲӢ ДАР ОСОРИ ИЛМИИ АКАДЕМИК АҲРОР МУХТОРОВ**

ШАРИПОВ П. Ш.,

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Бобочон Ғафуров

Соли 1964 нахустин рисолаи калонҳаҷми Аҳрор Мухторов оид ба таърихи мулки Истаравшан «Очеркҳои таърихи мулки Ӯротеппа дар асри XIX» [1], зери таҳрири муаррихи машҳури тоҷик, академик Баҳодур Искандаров аз нашр баромад, ки он натиҷаи ҷустуҷӯ ва таҳқиқоти чандинсолаи муаллиф дар ин самт буд.

Рисола дар асоси сарчашмаҳои нодири таърихӣ, ҷуғрофӣ, адабӣ, маводи бойгонии ҷумҳурии Тоҷикистон, Ӯзбекистон, таҳқиқоти муҳаққиқону сайёҳони тоинқилобии рус, муаррихони ватанӣ, шуравӣ, хориҷӣ таълиф

гардида, як қадами устувор ва таҳқиқоти ҷиддио пурарзиши илмӣ дар ҷодаи истаравшаншиносӣ буд.

Рисола аз се боб иборат буда, боби аввал «Тавсифи таърихӣ-ҷуғрофии мулки Уротеппа дар охири асри XVII ва нимаи аввали асри XIX» [1, 13-48] шарҳу тасвири мухтасари ҷуғрофия, иқлим ва аҳолии мулки Уротеппаро то ҳамроҳшавии он ба ҳайати Россияи подшоҳӣ дар бар мегирад.

Боби дуюми рисола «Идоракунии мулки Уротеппа ва низоми заминдорӣ ва андоз дар нимаи аввали асри XIX ва дар арафаи ҳамроҳшавии вилоят ба ҳайати Россия» [1, 50-100] ба инъикоси сохтори маъмурӣ, тарзи идоракунии ва мақомоти идоракунии ҳукумати маҳаллӣ, суд (маҳкама), лашкар, номгӯ, вазифа ва салоҳияти мансабдорони маҳаллӣ, шаклҳои заминдорӣ, касбу ҳунар, тичорат, низоми андоз ва андозбандӣ ва инчунин ҳаёти фарҳангӣ бахшида шудааст.

Дар боби сеюми рисола «Ноҳияи Уротеппа дар давраи мустамликавӣ (1866-1900)» сухан дар бораи забти мулки Уротеппа ба ҳайати Россияи подшоҳӣ ворид шудани он, тарзи ташкили идоракунии то ба тасвиб расидани лоиҳаи «Низомномаи соли 1867 оид ба идоракунии вилоятҳои Ҳафтрӯд ва Сирдарё» ва пас аз тасвиб расидани «Низомномаи соли 1867», таъсири ҳамроҳшавӣ ба рушди иқтисодиёт ва фарҳанги вилоят, дигаргунӣ дар соҳаи кишоварзӣ, вазъи ҳунармандӣ, инкишофи тичорат, сиёсати андозситонии маъмурияти мустамликадорӣ рус, ҷунбишҳои оммавии мардум дар давраи мустамликавӣ, тағйирот дар ҳаёти маданӣ ва ғайраҳо меравад.

Дар қисмати аввали боби сеюми рисолаи худ А. Мухторов қайд менамояд, ки ҳуҷуми қатъии лашкари русҳо ба Осиёи Миёна аз соли 1864 оғоз гардида, он пеш аз ҳама бар зидди хонигарии Қўқанд равона шуда буд. Моҳи сентябри соли 1864 русҳо Чимкентро забт намуда, ба ҷониби Тошкент ҳаракат намуданд. Моҳи апрели соли 1865 қалъаи Ниёзбек, 17 май Тошкент ба дасти русҳо гузашт [1, 101]. Лашкари русҳо 8 майи соли 1865 дар мавзеи Эрчар ба лашкари амир Музаффархон зарбаи ҳалокатовар зад ва ин ғалаба тақдири минбаъдаи Хучандро ҳал намуд ва 24 май Хучанд низ таслим гардид.

Моҳи сентябри соли 1865 намояндагони сафорати амир барои гуфтушунид ва бастанӣ созишномаи сулҳ ба Хучанд омаданд. Гуфтушунидро аз ҷониби Ҳукумати подшоҳӣ, генерал - губернатори Оренбург, генерал Н. А. Крижановский роҳбарӣ мекард. Шартҳои аз ҷониби ӯ гузошташуда, аз ҷумла пардохти товони ҷанг аз ҷониби Бухоро қабул нагардид ва гуфтушунид бе натиҷа анҷомид. Генерал Н. А. Крижановский барои ҳаракати лашкар ба ҷониби Уротеппа фармон дод. Лашкари русҳо 20 сентябр ба ҷониби Нов равона гашта, 22 сентябр аз он ҷо ба сӯи Уротеппа ҳаракат намуд. Қувваи ҳарбии русҳо ба деҳаи Навганда, ки аз шаҳр дар масофаи 15 км дур воқеъ буд, расида, дар онҷо мавқеъ гирифт [1, 102]. Санаи 23 сентябри соли 1865 дастаи пешсафи ҳарбии русҳо бо мақсади иктишофу омӯзиши маҳал, омодагии ҷангии ҳимоятгарони шаҳр ва супоридани ултиматум (талабнома) ба ҳокими Уротеппа оид ба таслим шудан ва бе ҷанг супоридани қалъа, ба шаҳр ворид шуд. Ҳокими

шаҳр Абдулғаффорбек ултиматумро рад намуд ва ҳар ду ҷониб ба ҷанг омодагӣ меиданд [1, 102].

Субҳи 2 октябр муҳосираи қалъаи Уротеппа оғоз гардид. Лашкари русҳо бо дастгирии оташи тӯп вориди шаҳр гардидаанд ва дар кӯчаҳои шаҳр задухӯрди шадид ба амал омад. Дар муҳосираи қалъаи Уротеппа 3825 нафар сарбозони пиёда ва савора, 22 мил тӯпҳои ҷангӣ иштирок намуданд [1,103]. Дар амалиётҳои ҳарбӣ ҳангоми ишғоли шаҳрҳои Тошкент ва Хучанд чунин теъдоди қувваи ҳарбӣ иштирок надошт. Пас аз ба даст овардани қалъаи Уротеппа генерал Н. А. Крижановский ба шарафи ғалаба фармонро ба тасвиб расонид, ки дар он гуфта мешуд: «2 октябр қалъаи мустаҳкамаи Уротеппа, ки барои мо аз ҳар ҷиҳат хеле муҳим аст, баъди муҳосираи 8 рӯза ба даст оварда шуд. Гарнизони қалъа онро устуворона муҳофизат менамуд. Аз муҳолифон чор парчами ҳарбӣ ба даст оварда шуд» [1, 103].

Муҳофизатгарони шаҳр беш аз 2 ҳазор куштаю захмӣ гардиданд. Шикасти қалъаи Уротеппа чунин маъно дошт, ки тамоми вилоят ба дасти русҳо гузашт. Пас аз шикасти Уротеппа қалъаи на он қадар калони Зомин, ки ба он писари ҳокими Уротеппа Абдулғаффорбек – Бектошбек ҳукмрон буд, ба ҷанг таслим гардид. Санаи 18 октябри соли 1866 қалъаи Қиззах низ таслим шуд.

Муаллифи рисола Аҳрор Мухторов қайд менамояд, ки агар муҳосира, ҳучум, тӯппаронӣ ва талафоти ҳар ду ҷонибро ба назар гирем, аз нигоҳи илми ҳарб ин воқеан истилои Уротеппа буд ва он дар натиҷаи амалиёти ҳарбӣ ба даст оварда шуд. Аммо ин ҷанг на бо мардум, балки бо ҳокими Уротеппа ва амири Бухоро буд [1, 104]. Агар тамоми азобу шиканча ва истисморе, ки мардум аз дасти золимони маҳаллӣ меидид, ба инобат гирем, метавон гуфт, ки лашкари русҳо ба воситаи аслиҳа соқинони шаҳри Уротеппаро аз зулму асорати феодалӣ ва ҷангҳои беохирӣ байни ҳокимон, хонҳои маҳаллӣ озод намуд [1, 105].

Лашкари русҳо аз ҳама ҷиҳат рафтори башардӯстона менамуд. Масалан, бо фармони ҳоким ё амир дар хати роҳи ҳаракати лашкари русҳо тамоми деҳаҳо ба коми оташ дода мешуданд ва сарбозони рус дар навбати аввал ин оташро хомӯш менамуданд. Чунин рафтори русҳо мардуми маҳаллиро ба ҳайрат мегузошт. Чунки онҳо даҳҳо маротиба шохиди он гашта буданд, ки шаҳру деҳоти таслимгаштаро истилогарон ба коми оташ меоданд.

Пас аз муҳосираи қалъа ва забти он, бо фармони ҳайати фармондеҳӣ тамоми сарбозони рус аз шаҳр бароварда шуда, дар назди тамоми дарвозаҳои шаҳр посбонҳо гузошта шуданд ва онҳо мардуми маҳаллиро иҷозат дода, сарбозони русро ба шаҳр ворид шудан намонданд. Аҳолии маҳаллӣ имконият пайдо намуд, ки ба манзили зисти худ баргашта, бо меҳнати осоишта машғул шаванд. Ин як падидаи нав ва ҳайратовар дар назари мардум буд. Зеро то ин вақт тамоми истилогарон на танҳо шаҳрро ғорат мекарданд, ҳатто захмиёнро ба ҳалокат мерасониданд, шахсони солимро ба асорат мебурданд.

Аммо сарбозони рус ба ҷониби то чанде пеш муқобилони худ – захмиён кӯмак мерасониданд, ғуломонро озод мекарданд. Табибони рус ба мардуми маҳаллӣ кумак мерасониданд. Ҳамаи ин ҳусни тавачҷуҳи мардуми маҳаллиро

нисбат ба русҳо афзуда, таблиғу воҳимаи амалдорон ва рӯҳониёнро дар бораи русҳои «мулҳид» ва «бераҳму шафқат», ки дар байни мардум паҳн мекарданд, аз байн мебард. Дар аксари мавридҳо, дар он ҷое, ки лашкари амир набуд, мардуми маҳаллӣ ихтиёрон ба ҳимояи ҳукумати Россияи подшоҳӣ мебармаданд [1, 105].

Таърихи ғочабори мардуми Уротеппаи замони амирӣ, шучоату мардонагии сокинони он ва гаронии ҳифзи истиқлолияти марзу буми онро академик А. Мухторов дар мисоли як давраи кӯтоҳу таърихӣ – нимаи аввали асри XIX чунин ба қалам додааст: «Таърихи 66 солаи мулки Уротеппа (аз ибтидои асри XIX то ба Россия ҳамроҳ карда шудани он) аз он гувоҳӣ медиҳад, ки дар шароити низоъи байнихудии феодалон, ин вилоят дар Осиёи Миёна дар муқоиса бо дигарон аз ҳама бештар зарар дидааст. Дар ин муддат аз рӯйи ҳисоби тахминӣ, амирони Бухоро на камтар аз 12 маротиба ба Уротеппа юриш намуданд. Хонҳои Қўқанд, аз Умархон (1809-1822) сар карда – 15 маротиба ва аз рӯйи маълумоти муаллифи «Таърихи Шоҳруҳӣ» танҳо хони Қўқанд Олимхон (1800-1809) бар зидди Уротеппа 15 маротиба юриш карда буд. Ҳамагӣ дар як муддати кӯтоҳ ба шаҳри Уротеппа беш аз 40 юриш (ҳамлаҳои ғоратгарона) ба амал омада буд, ки ҳар кадоми он боиси куштору сӯхтор, ғорат ва асорати мардуми он гашта буданд» [3, 103].

Дар ин давра дар Истаравшан 17 ҳокимон иваз шуданд. Агар онро ба ҳисоб нагирем, ки Бекмуродбек ду маротиба, Рустамбек се маротиба, Абдулғаффорбек чор маротиба ҳокими мулки Истаравшан буданд, пас тағйири ҳокимон дар ин ҷо 25 маротиба ба амал омадааст [3, 103].

Яке аз ҷиҳатҳои мусбати ба ҳаёти Россияи подшоҳӣ ҳамроҳ карда шудани мулки Уротеппа, маҳз хотима гузоштан ба ҷангҳои беохири феодалӣ, қатлу ғорати мардуми бегуноҳ, бесарусомонӣ, дасисаҳои дарборӣ, муборизаҳои дохилӣ барои қудрат ва ҷоҳу ҷалол буд.

Муаллифи рисола оид ба тарзи идоракунии Осиёи Миёна пас аз ҳамроҳ карда шудани он ба ҳаёти Россияи подшоҳӣ, аз ҷумла мулки Уротеппа, то ба тавсиб расидани лоиҳаи «Низомномаи соли 1867 оид ба идоракунии вилоятҳои Ҳафтрӯд ва Сирдарё» маълумот дода нигоштааст, ки дар худуди забтгардидаи Осиёи Миёна бо фармони вазири ҳарбии Россия аз 12 феввали соли 1865 вилояти Туркистон таъсис дода мешавад, ки он сарзаминҳои ишғол шударо аз баҳри Арал то Исикқўл дар бар мегирифт [1, 107].

Дар моҳҳои аввали ҳамроҳ карда шудани Уротеппа ба ҳаёти Россияи подшоҳӣ, ҳокимияти ҳарбӣ ва граждони дар шаҳр ва атрофи он дар дасти сардори (комендант) қалъа буд, ки ӯ тибқи дастур ва супоришҳои шифоҳии губернатор амал мекард [1, 108]. Сарҳади вилоят (ба истисноии ноҳияи Зомин, ки дар он ҷо шубҳаи алоҳида таъсис ёфт) мисли пештара нигоҳ дошта шуда, аз рӯйи фармон, ки соли 1866 ба тавсиб расида буд, сардори (комендант) қалъаи Уротеппа «мудирони аҳолии маҳаллии ноҳияи Уротеппа» номида мешуд. Ҳаёти идоракунии ноҳия аз мудир, ёвари ӯ, ду тарҷумони хатӣ ва ду тарҷумони

шифоҳӣ, ду котиб (дараҷаи як ва ду) ва даҳ нафар хаткашонҳо иборат буданд [1, 108].

Аз моҳи январи соли 1867 бо пешниҳоди губернатори вилояти Туркистон аз ҳисоби ҳудуди ишғолшудаи соҳили чапи Сирдарё (Хучанд, Нов, Уротеппа, Зомин, Ҷиззах) дар ҳайати 5 шуба – округи (музофоти) Задарйинский (моварои Сирдарё) таъсис дода шуд ва Уротеппа низ яке аз шубаҳои он ба ҳисоб мерафт [1, 106]. Пас аз ин ҳайати идоракунии ноҳия аз 16 майи соли 1867 тасдиқ гардида, дар он мансабҳои пештараи маҳаллӣ ба мисли қозӣ, аълам, муфтӣ, девонбегӣ, амлоқдор, оқсақол, кӯрбошӣ нигоҳ дошта шуда, маоши онҳо муайян карда шуда буданд [1, 109].

Чунин тарзи идоракунӣ дар Уротеппа то соли 1868 – то қабули «Низомнома оид ба идоракунии вилоятҳои Ҳафтрӯд ва Сирдарё» боқӣ монд [1, 109].

Муаллифи рисола Аҳрор Мухторов, сипас дар бораи таъсири ҳамроҳшавии мулки Уротеппа ба ҳайати Россияи подшоҳӣ дар инкишофи иқтисодӣ, маданӣ, тағйирот дар соҳаи кишоварзӣ, вазъи ҳунармандӣ, инкишофи тичорат, низоми андозбандӣ ва андозситонии маъмурияти рус, аҳволи халқ ва исёнҳои мардумӣ, дигаргуниҳо дар ҳаёти фарҳангӣ маълумоти муфассал медиҳад.

Аз шиносӣ ва мутолиаи осори илмии академик Аҳрор Мухторов равшан мегардад, ки бо вучуди серпахлӯӣ ва фарроҳу доманадор будани мавзуҳои таҳқиқот ва пажӯхишҳои олим таърихи зодгоҳаш Истаравшан ҳеҷ гоҳ аз доираи таҳқиқоти ӯ берун наемонд [11, 14] ва олим ба ин мавзӯ бо як таваҷҷуҳ ва меҳри хоса назар карда, ҳар як бозёфт, кашфиёт, маълумоти нави маъхазҳои академикӣ маъруф, устод Аҳрор Мухторовро аз нав ба сари ин мавзӯ меовард.

Соли 1996 асарҳои академик Аҳрор Мухторов «Таърихи Уротеппа. (Асрҳои XVI - ибтидои асри XIX)» дар Душанбе [2] ва соли 1998 шакли мукамал ёфтаи он «Таърихи Уротеппа. (Охири асри XV- ибтидои асри XX)» дар шаҳри Москва ба чоп расиданд [3].

Ҳангоми шиносӣ бо китоби «Таърихи Уротеппа» бори дигар эҳсос мегардад, ки таърих барои муҳаққиқи асил ва пухтакор А. Мухторов илми дақиқи дар пояи сарчашмаҳои муътабар бунёдёфта ба ҳисоб меравад [11,15]. А. Мухторов ҳамчун донандаи моҳир ва мумтози китобҳои қаламӣ ҳангоми навиштани ин асар аз даҳҳо сарчашмаҳои нодири таърихӣ, ҷуғрофӣ, адабӣ, асарҳои таҳқиқотчиён ва сайёҳатчиёни рус, маводи бойгонӣ, осори мустанад (васиқаҳо) ва ғайраҳо истифода бурда, дар асоси таҳлилу таҳқиқи онҳо доир ба ҳодисаву рӯйдодҳои таърихӣ ҳулосаҳои амиқи илмӣ баровардааст [5, 15].

Дар китоби «Таърихи Уротеппа» фасли алоҳида «Мулки Уротеппа дар давраи мустамликавӣ» [3, 195-262] ба тавсифи ҳаёти сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва маданиятӣ мулки Уротеппа дар ҳайати Россия ва қисмати иловагӣ «Уротеппа дар оғози асри XX. (1901-1920)» [3, 263-272] дар асоси маълумоти нав, тавзеҳоти мукамалёфта бахшида шудааст.

Мавзуи Истаравшан ва истаравшаншиносӣ дар фаъолияти илмии академик Аҳрор Мухторов баъди ба тавсиб расидани Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3-юми феввали соли 2000 «Дар бораи ҷашнгирии 2500-солагии

шаҳри Уротеппа (Истаравшан)», [Садои мардум. – 2000. – 10 февр.] омодагӣ ба чашн ва таҷлили он мақоми хоса пайдо намуд.

Бояд гуфт, ки чашни 2500-солагии Истаравшани бостонӣ дар самти истаравшаншиносӣ як таккони ҷиддӣ гардида, боиси таълифи даҳҳо рисолаву тадқиқотҳо, мақолаҳо ва боз ҳам амиқтар омӯхтани паҳлуҳои мухталифи таърихи сиёсӣ, иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва фарҳангии ин мулки бостонӣ гардид.

Ба ғайр аз даҳҳо мақолаҳои илмӣ, илмӣ-оммавии ба мавзуҳои мухталифи таърих ва тамаддуни Истаравшани бостонӣ бахшида шуда ва ҷопи китоби нав «Таърихи Уротеппа» [2] А. Мухторов як қатор таълифотҳои наву пурарзиши илмиро аз қабилӣ «Курушкада, Истаравшан, Уротеппа» (Душанбе, 2000), «Шиблии Истаравшанӣ» (Душанбе, 2000), «Мақоми ҷаҳонии Уструшаниҳо (асрҳои IX-XI)» (Душанбе 2002), «Афшин Ҳайдари Уструшанӣ бузургтарин лашкаркаши Араб (асри IX)» (Истаравшан, 2005), ва нашри нави он бо ҳуруфоти арабиасоси тоҷикӣ (Душанбе, 2006) ба анҷом расонид, ки дар онҳо таърихи ин мулк (ғолибан таърихи шаҳри бостониро) аз давраҳои қадим то ҳадди охири асри X расонидааст. Ҳамзамон ба муаллиф муяссар гаштааст, ки бисёр саҳифаҳои камтаҳқиқшуда ва то имрӯз норавшани ин мулки бостониро дар асоси далелҳои муътамад бозгӯӣ намояд ва ба тавачҷуҳи хонандагон маводи тоза, кашфиёти нав ва сухани тозаро пешниҳод кунад [11, 16].

Дар маҷмуъ академик Аҳрор Мухторов доир ба таърих ва тамаддуни шаҳри бостонии Истаравшан беш аз 15 рисолаву таҳқиқоти бунёдӣ ва пурарзиши илмӣ ва беш аз 50 мақолаҳои калонҳаҷми илмӣ, илмӣ - оммавӣ офаридааст.

Ба итминони комил метавон гуфт, ки номи академик А. Мухторов дар сарғаҳи мактаби илмии истаравшаншиносӣ қарор дошта, осори илмии ӯ, аз ҷумла таърихи Истаравшани замони мустамликадорӣ дар илми таърихшиносии (историографияи) тоҷик мақоми хосаи худро дорад.

АДАБИЁТ

1. Мухтаров, А. Очерки истории Ура-тюбинского владения в XIX в. / А. Мухтаров. – Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1964. – 184 с.
2. Мухтаров, А. История Ура-Тюбе (XVI – начало XX вв.) / А. Мухтаров. – Душанбе: Дониш, 1996. – 284 с.
3. Мухтаров, А. История Ура-Тюбе (конец XV – начало XX вв.) / А. Мухтаров. – М.: ОАО Типография, 1998. – 278 с.
4. Мухтаров, А. Административное устройство и поземельно-податная система Ура-тюбинского владения в первой половине XIX в. / А. Мухтаров // Очерки по истории Таджикистана. Сб. ст. Т. 1. – Сталинабад, 1957. – С. 91–123.
5. Мухтаров, А. Политическая история Ура-тюбинского владения в первой половине XIX в. / А. Мухтаров // Известия АН Тадж. ССР. Отделение общественных наук. – 1957. – № 57. – С. 91–123.
6. Мухтаров, А. По следам прошлого / А. Мухтаров. – Душанбе: Ирфон, 1982. – 88 с.
7. Мухторов, А. Ҳисор: очерки таърихӣ (охири асри XV – аввали асри XX) / А. Мухторов. – Душанбе: Адиб, 1995. – 304 с.
8. Мухтаров, А. Гузары Ура-Тюбе / А. Мухтаров. – Ташкент: Чулпон, 1995. – 143 с.
9. Мухторов, А. Ҳокимони Ҳисор (нимаи дуҷуми асри XV – ибтидои асри XX) / А. Мухторов. – Душанбе, 1996. – 48 с.

10. Мухторов, А. Ҳокимони Уротеппа (асрҳои XV–XIX) / А. Мухторов. – Душанбе: Мерос, 1996. – 176 с.
11. Дидаи бедори таърих: мачмуаи мақолаҳо бахшида ба 90-солагии Аҳрор Мухторов. – Душанбе: Бухоро, 2014. – 140 с.

БОЗТОБИ ИШҶОЛИ МУЛКИ УРОТЕППА АЗ ҶОНИБИ РОССИЯИ ПОДШОҲӢ ДАР ОСОРИ ИЛМИИ АКАДЕМИК АҲРОР МУХТОРОВ

Дар мақола масъалаи истилои мулки Уротеппа (Истаравшан) аз ҷониби Россияи подшоҳӣ, ҷараён, оқибатҳои забт ва ба ҳайати генерал-губернатории Туркистон ҳамроҳ карда шудани мулки мазкур мавриди таҳқиқ гирифтааст. Академик А. Мухторов яке аз поягузори мақтаи илмии истаравшаншиносӣ маҳсуб ёфта, доир ба таърих ва фарҳанги шаҳри бостонии Уротеппа (Истаравшан) чандин рисолаҳои бунёди ва мақолаҳои зиёди илмию оммавӣ таълиф намудааст.

Дар мақолаи мазкур яке аз таҳқиқотҳои муҳимми А. Мухторов «Очеркҳои таърихи мулки Уротеппа дар асри XIX» (Душанбе, 1964) ва баъзе асарҳои дигари олим марбут ба мавзӯи мақола таҳлил ва арзёбӣ шудаанд. Муаллифи рисола вазъи Осиёи Миёна ва мулкҳои алоҳидаи онро то замони истило аз ҷониби Россияи подшоҳӣ ва баъди он, ҷараёни амалиётҳои ҳарбӣ, оқибатҳои ба ҳайати империяи Россия ҳамроҳ карда шудани мулкҳои забтшударо дар пояи маводи бойгонӣ ва таҳқиқоти илмӣ воқеъбинона инъикос намудааст.

Бояд гуфт, ки дар адабиёти илмӣ доир ба лашкаркашии Россияи подшоҳӣ ба Осиёи Миёна истилоҳи гуногун, аз ҷумла «истило», «забт», «фатх», «тасхир», «ғасб», «ба даст даровардан», «ҳамроҳ кардан» истифода мешавад. Академик Аҳрор Мухторов дар ин маврид чунин андеша дорад, ки мулки Уротеппа (Истаравшан), мисли дигар сарзаминҳо дар натиҷаи амалиётҳои ҳарбӣ забт шуда, ин воқеа истило буд.

Калидвожаҳо: *Осиёи Миёна, Россияи подшоҳӣ, мулки Уротеппа, лашкаркашӣ, генерал Н. А. Крижановский, забт, замони мустамликавӣ, низоми идракунӣ.*

ОТРАЖЕНИЕ ЗАВОЕВАНИЯ УРА-ТЮБИНСКОГО ВЛАДЕНИЯ ЦАРСКОЙ РОССИЕЙ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ АКАДЕМИКА АХРОРА МУХТАРОВА

В статье рассматривается вопрос завоевания Ура-тюбинского владения царской Россией, процесс, итоги завоевания и включения этого владения в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Академик А. Мухтаров является одним из основоположников научной школы истаравшановедения и им написан ряд фундаментальных монографий и большое количество научных и научно-популярных статей по истории и культуре Ура-тюбе (Истаравшана).

В настоящей статье анализируется одно из важных исследований А. Мухтарова «Очерк истории Ура-тюбинского владения в XIX веке» (Душанбе, 1964) и другие труды ученого, посвященные теме нашей статьи. Автор очерка на основе архивных материалов и научных исследований объективно отражает положение Средней Азии и ее отдельных владений до и после их завоевания царской Россией, процесс военных действий, итоги включения захваченных территорий в состав Российской империи.

Нужно отметить, что в научной литературе относительно военного похода царской России в Среднюю Азию используются разные термины, в том числе «вторжение», «завоевание», «овладение», «захват», «присоединение». Академик А. Мухтаров в этом отношении придерживается точки зрения, что Ура-тюбинское владение, как и другие территории были захвачены в результате военных действий и это было действительно завоеванием.

Ключевые слова: *Средняя Азия, царская Россия, Ура-тюбинское владение, военный поход, генерал Н. А. Крижановский, завоевание, колониальный период, система.*

REFLECTION OF THE CONQUEST OF URA-TYUBA POSSESSION BY TSARIST RUSSIA IN ACADEMICIAN AKHROR MUKHTAROV'S SCIENTIFIC LEGACY

The article dwells on the issue beset with the conquest of Ura-Tyube possession by Tsarist Russia, the process, obtained results of the conquest and inclusion of the relevant possession into Turkestan General Governorate. Academician A. Mukhtarov is considered to be one of the founders of the scientific tenet of Istaravshan studies and he has written a great deal of fundamental monographs and many scientific and popular articles on the history and culture of Ura-Tyube (Istaravshan).

The article under consideration highlights one of the important studies entitled as «Essay on the History of Ura-Tyube Domain Referring to the 19th Century» belonging to the pen of Acad. A. Mukhtarov (Dushanbe, 1964), and other historical productions by the scholars in historical studies devoted to the corpus of our study. Proceeding from the assumption of the archival materials and scientific researches the author of the monograph objectively reveals the situation of Central Asia and its individual domains before and after their conquest by Tsarist Russia, the process of military actions and the results of the inclusion of captured territories into the Russian Empire being taken into account as well.

It is worth mentioning that various terms are resorted to in the scientific literature concerned with the military campaign of Tsarist Russia in Central Asia, including «invasion», «conquest», «possession», «capture», «annexation». In reference to it, Academician A. Mukhtarov holds the point of view that Ura-Tyube possession, like other territories was captured as a result of military actions and the relevant process was truly a conquest.

Key words: *Central Asia, Tsarist Russia, Ura-Tyube possession, military campaign, General N.A. Krizhanovsky, conquest, colonial period, system of government.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Шарипов Парвиз Шавкатович – унвонҷӯи кафедраи таърихи халқи тоҷики Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Гафуров. Телефон: (+992) 92-742-02-99, E-mail: sharipov_0786@mail.ru

Сведения об авторе: Шарипов Парвиз Шавкатович – соискатель кафедры истории таджикского народа Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. Телефон: (+992) 92-742-02-99, E-mail: sharipov_0786@mail.ru

Information about the author: Sharipov Parviz Shavkatovich – is an applicant of the Department of history of the tajik people of the Khujand state university named after academician B. Gafurov. Telephone: (+992) 92-742-02-99, E-mail: sharipov_0786@mail.ru

УДК: 323.28(575): 930.1

**ТАЪРИХНИГОРИИ ПАЙДОИШИ ҲИЗБУ СОЗМОНҲОИ
ЦАМЪБИЯТИИ ТОЧИКИСТОН ДАР ОХИРИ СОЛҲОИ 80-УМ –
ИБТИДОИ СОЛҲОИ 90-УМИ АСРИ ХХ¹**

МИРЗОЕВ Ҷ. А.,

**Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониши АМИТ**

Дар охири солҳои 80-уми асри ХХ дар натиҷаи роҳандозии ислоҳоти сиёсӣ, иқтисодӣ - иҷтимоии ҷомеа - бозсозӣ, ки ба сиёсати расмии давлати Шуравӣ табдил ёфта буд, дар ҳаёти ҷамъиятии мамлакат нишонаҳои озодандешӣ ва демократия зоҳир гардиданд. Сиёсати озодандешӣ дар раванди ҳудогоҳии миллӣ таъсири амиқ гузошт. Нерӯҳои демократии Тоҷикистон қотеъона талаб намуданд, ки Қонун “Дар бораи забони тоҷикӣ” қабул карда шавад. Дар натиҷаи талаби нерӯҳои демократӣ 22-юми июли соли 1989 қонун дар бораи ба забони тоҷикӣ додани мақоми давлатӣ ба тасвиб расид. Мақоми давлатӣ пайдо кардани забони тоҷикӣ дар масъалаи эҳёи давлати миллӣ омили асосӣ маҳсуб меёфт.

Бозсозӣ ғаълонокии сиёсии мардумро баланд бардошта, барои зухури ҳаракатҳо ва ташкилоти нави сиёсӣ шароити мусоид фароҳам овард. Дар натиҷаи ин сиёсати раҳрав ташкилоту маҳфилҳои нави сиёсӣ зухур намуданд, ки раванди таъсисёбии онҳо дар аксар таҳқиқоти муҳаққиқони ватанӣ ва хориҷӣ инъикоси равшан дорад.

Бояд тазаққур дод, ки масоили марбут ба роҳандозии сиёсати бозсозӣ дар Тоҷикистон ва дар партави он таъсис ёфтани ҳизбу созмонҳои ҷамъиятӣ, зухури озодандешӣ ва ҳудогоҳии миллӣ ва билохира, пош хӯрдани Иттиҳоди Шуравӣ ва ба даст омадани Истиқлол, қабл аз ҳама, дар гузоришу баромадҳо ва шохасарҳои Пешвои муаззами миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба таври возеҳ инъикос ёфтаанд [23].

Сарвари давлат ҳанӯз 31 декабри соли 1992 зимни суҳанронии табрикотиашон ба муносибати таҷлили соли нави мелодӣ раванди таъсисёбии пуравчи ташкилоту созмонҳои сиёсиро, ки дар охири солҳои 80-уми ибтидои солҳои 90-уми асри ХХ Тоҷикистонро фарогир буд, чунин ифода карда буданд: «Созмонҳои гуногуни маҳаллӣ бо номи «Лаъли Бадахшон», «Ҷамдилон», «Меҳри Хатлон», «Ҳисори Шодмон», «Истаравшан», «Зарафшон» ва ғайраҳо

¹Мақола дар доираи лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (Тоҷикистон дар давраи Иттиҳоди Шуравӣ) навишта шудааст. Рақами бақайдгирии давлатӣ 0121 ТГ 1200.

арзи вучуд карданд, ки сарфи назар аз ниятҳои неки худ ба якпорчагии Ватани азизамон мусоидат намекарданд» [24, 52].

Дар инъикоси роҳандозии сиёсати бозсозӣ дар Тоҷикистон ва таъсисёбии хизбу созмонҳои ҷамъиятӣ асарҳои Г. Ҳ. Ҳайдаров [29], И. Усмонов [27], А. Холиқзода [32], Н. М. Назаршоев [19], Р. Масов [16], Ҳ. Пирумшоев [22], А. Мамадазимов [15], Д. Назриев ва И. Сатторов [20], Ғ. Ғоибов [6], инчунин асарҳои бунёдии «Бунёди давлатдорӣ навин» [5] ва «История таҷикского народа» [10], «Очеркҳои таърихи Тоҷикистони соҳибистиклол» [21], «Таджикистан в огне» [26], С. Қобилова [13], Б. Шокиров [36] -ро махсус қайд кардан бамаврид аст.

Муаллифони мазкур муътақиданд, ки зуҳури ҳаракатҳо ва ташкилоту маҳфилҳои нави сиёсӣ натиҷаи роҳандозии сиёсати ҷадиди Давлати Шуравӣ – сиёсати бозсозӣ буда, ин созмонҳо дар раванди демократикунонии ҷамъият, озодандешӣ ва ба даст омадани Истиқлоли давлатӣ нақши муассир доранд.

Дар брошураи Б. Шокиров ва А. Маҳмадкаримов, ки бевосита ба таъсисёбии хизбу созмонҳои ҷамъиятӣ бахшида шуда, «Пайдоиши хизбу созмонҳои нав дар Тоҷикистон ва фаъолияти онҳо (солҳои 1989-1992)» унвон дорад, масоили зиёд, ба амсоли пайдоиш ва фаъолияти хизбҳои сиёсӣ, созмонҳои ҷамъиятӣ ва ҳаракатҳои шаҳрвандӣ инъикос гардидаанд. Ҳаракатҳои ҷамъиятӣ - сиёсӣ, ба ақидаи муаллифон яқсон набуда, дар онҳо се ҷараён мушоҳида мегардад: куҳнапарастон - консерваторҳо, ислохотчиён - либералҳо ва радикалҳои иртиҷой. Муаллифон сабабҳои объективӣ ва субъективӣи бухрони ҲКИШ ва ҲК Тоҷикистонро муайян намуда, мутаассифона, муносибати ин хизбро бо руҳониён ва умуман диндорон изҳор надоштаанд.

Бояд қайд кард, ки тибқи маълумоти манбаъи мазкур нахустин маҳфили сиёсӣ бо номи «Рӯ ба рӯ» ҳанӯз дар охири соли 1988 дар шаҳри Душанбе таъсис ёфта, роҳбарии онро корманди Кумитаи Ҷавонони Тоҷикистон – Зафар Саидов ва устои ҷавони Донишгоҳи Давлатии Тоҷикистон – Ҷумъахон Исоев ба уҳда доштанд. Ба ақидаи собиқ раиси Ҳизби демократии Тоҷикистон Ҷумъабой Ниёзов Маҳфили сиёсии «Рӯ ба рӯ» дар бедории халқи тоҷик ва боварӣ пайдо кардан ба идеяҳои бозсозӣ саҳми босазо гузоштааст» [9].

Солҳои 1989-1990 дар шаҳру ноҳияҳо ва вилоятҳои ҷумҳурӣ ҳаракатҳои ҷамъиятӣ-сиёсӣ, аз қабилӣ Фронти халқии «Ваҳдат» дар Истаравшан, Ҳаракати халқии «Ошкоро» дар шаҳри Кӯлоб, Ҳаракатҳои халқии «Эҳёи Хучанд», «Дирафши Ковиён», «Бохтар», «Самарқанд», «Курӯши Кабир», «Сугдиён», «Ваҳдат», «Пайванд» дар дигар шаҳру навоҳии ҷумҳурӣ таъсис ёфтанд. Раванди таъсисёбӣ ва мақсади ниҳонии ин ҳаракатҳои минтақавӣ дар китоби «Бунёди давлатдорӣ навин» [5] муфассал инъикос гардидааст.

Ба ақидаи муаллифони ин таҳқиқот аъзоёни ин ташкилотҳои ҷамъиятӣ асосан зиёиёни рӯҳияи демократӣ дошта - муаллимон, кормандони соҳаи фарҳанг, таъбу нашр, адабиёт маҳсуб меёфтанд. Дар байни ин ҳаракатҳои ҷамъиятӣ Маҳфили сиёсии «Ошкоро», ки ҷонибдори гуногуноандешии сиёсӣ, бисёрхизбӣ ва адолати иҷтимоӣ буд, бештар ҷанбаи сиёсӣ касб карда, аз

Рохбарияти чумхурӣ талаб мекард, ки ҳуқуқи минтақаҳоро сарфи назар накарда, баҳри иштирок дар идоракунии давлат ба намояндагони онҳо имконияти мусоид фароҳам биёранд [5].

Фаъолияти ҳаракатҳои ҷамъиятию сиёсиро, ки дар шаҳру навоҳии чумхурӣ таъсис ёфта буданд, муовини раиси созмони мардумии «Растохез» Абдуқодир Холиқзода низ дар асари «Тоҷикони Мовароуннаҳр аз истилои Русия то истиқлол» [33] таҳлил кардааст.

Ба андешаи мавсуф, сарфи назар аз ҳадафҳои неки худ созмону маҳфилҳои шаҳру навоҳӣҳои чумхурӣ на танҳо ба раванди баҳамии миллат, ба ваҳдати миллий ҳалал ворид мекарданд, балки «ба вусъат ёфтани маҳалгарой ва ҷудоии миллий мусоидат мекарданд» [33, 159], ки ҳақ ба ҷониби ӯст.

Бояд зикр кард, ки дар ташаккулёбии тафаккури сиёсии аҳолии шаҳри Душанбе маҳфили сиёсии «Рӯ ба рӯ» нақши муассир дошт, ки ин нуктаро тамоми муҳаққиқини ҳаракатҳои халқӣ ва маҳфилҳои сиёсии ибтидоӣ солҳои 90-уми асри XX таъкид кардаанд.

Аммо маҳфили сиёсии «Рӯ ба рӯ» дар ибтидоӣ соли 1990 мавҷудияти худро хотима дод. Мавқеи онро созмони мардумии «Растохез», ки дар охири моҳи декабри соли 1989 таъсис ёфта буд, ишғол кард. Раиси ин ташкилот корманди Институту иқтисоди Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзоди илмҳои иқтисодӣ Тоҳири Абдучаббор интиҳоб гардид.

Созмони мардумии «Растохез» ақидаҳои табақаҳои мухталифи ҷамъиятро инъикос намуда, нуфузи он ба зудӣ дар байни зиёиёни тоҷик хеле боло рафт. Ба ақидаи профессор Иброҳим Усмонов Созмони мардумии «Растохез» дар воқеаҳои сиёсии солҳои 1989 - 1990 нақши умдатарин дорад [28, 24]. Тибқи барнома «Растохез» созмони иҷтимоӣ буд, ки ба он ҳам шахсони алоҳида ва ҳам шахсони ҳуқуқӣ дохил шуда метавонистанд. Зеро ҳар фард сарфи назар аз миллат, дин, ҳизбият, аъзогӣ дар иттифоқи қасаба, вазъи иҷтимоӣ агар «Оиннома» ва барномаи «Растохез» - ро эътироф намояд, аъзои он буда метавонист. Ҳатто коммунист метавонист аъзои «Растохез» бошад. Зеро «Растохез» на муборизаи сиёсӣ, балки таҳаввулоти фарҳангиро ҳадафи худ эълон дошта буд. Аз ин рӯ, дар «Растохез» шахсиятҳои маъруфи илмию фарҳангӣ гирд омада буданд. Онҳо ба ин васила мехостанд, ки дар ҳаёти фарҳангии Ҷумҳурии Тоҷикистон, ба манфиати забони тоҷикӣ таҳаввулоти фарҳангӣ ба вучуд оваранд.

Ба андешаи И. Усмонов «таъсис ва фаъолияти «Растохез» аз як тараф, далели он аст, ки талабот ба ҷунин созмонҳо дар Тоҷикистон мавҷуд буд ва аз тарафи дигар ба он далолат медиҳад, ки гуногунандешии сиёсӣ дар саросари Иттиҳоди Шуравӣ реша медавонад» [28, 25].

Воқеан, бояд қайд кард, ки аз тарафи гурӯҳи кории созмони мазкур Концепсияи мустақилияти иқтисодии чумхурӣ тартиб дода шуда, ба ҳукумат пешниҳод гардид. Вале тартибдиҳандагони концепсия дар баробари пешниҳоди мустақилияти иқтисодии чумхурӣ, инчунин батамом гусастани равобитро бо

«марказ» ва умуман бо кишварҳои ғарб ва рӯ овардан ба мамлакатҳои шарқро таъкид мекарданд, ки ба назари мо хатои маҳз буд.

Соли 1993 А. И. Кузмин низ, ки худ шоҳиди воқеаҳои сиёсии солҳои 90-ум буд, фаъолияти Созмони мардумии «Растохез»-ро арзёбӣ намуда, назари худро оид ба мавқеи ин созмон дар ҳаёти ҷамъиятии Тоҷикистон чунин баён намудааст: «Созмони мардумии «Растохез», ки Ҳизби демократӣ аз он ҷудо шудааст, дар эҳёи ҳаёти сиёсии ҷумҳурӣ ва ташвиқи аҳолии шаҳр баҳри демократикунони ҷомеа нақши муассир дошт» [14].

Ба андешаи мо, гарчанде ки Созмони мардумии «Растохез» дар ибтидои фаъолияташ, ки бештар ҳадафҳои фарҳанги ро пайгирӣ менамуд, воқеан ҳам дар бедории тафаккури сиёсӣ ва миллии халқи тоҷик ва демократикунони ҷомеа то андозае саҳмгузор бошад ҳам, минбаъд амалҳои зӯрварӣ ва ғайриқонунии созмони мазкур ва иттифокчиёнаш аз ҷабҳаи исломӣ-демократӣ нуфузи ин созмонро дар байни мардум коҳиш доданд.

Бояд қайд кард, ки Тоҷикистон дар тӯли 74-соли мавҷудияти Иттиҳоди Шуравӣ як қисми таркибии ин давлат буда, дар ҷумҳурӣ низоми якҷаҳизбӣ амал мекард. Вале дар партави сиёсати бозсозӣ дар аввали солҳои 90-уми қарни XX дар ҷумҳурӣ дахҳо ҳизбҳои сиёсӣ ва созмонҳои ҷамъиятӣ пайдо шуда, ба фаъолият пардохтанд.

Дар ташаккули низоми бисёрҳизбӣ Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ дар Тоҷикистон» ва «Дар бораи ҳизбҳои сиёсӣ», ки моҳи декабри соли 1990 ба тасвиб расида буданд, мусоидат намуд.

Бояд зикр кард, ки раванди таъсисёбии ҳизбу созмонҳои бешумор ва мақсаду мароми онҳо, нақш ва мавқеи ҳизбҳои сиёсӣ дар ҳаёти ҷамъият, ташаккулёбии бисёрҳизбӣ дар шароити Тоҷикистон, характер ва махсусиятҳои рақобати байниҳизбӣ ва муборизаи онҳо баҳри ба даст даровардани ҳокимият аз ҷониби муҳаққиқони зиёд, назари И. Усмонов [28], А. Холиқзода [32], Ҳ. Пирумшоев [22], Д. Назриев ва И. Сатторов [20], Ғ. Ғоибов [6], Ҷ. Ниёзов [9], Н.Б. Ҳотамов [34], Р. Набиева [18], Н. Ҳакимов [31], Н. Давлатбеков [7], Б. Шокиров [36], Ш. Д. Шабдолов [35], Т. Каримов [12], А. Достиев [8], Ғ. Ҳ. Ҳайдаров [30], Ш.М. Султонов [25], И. Қаландаров [11], инчунин асарҳои бунёдии «История таджикского народа» [10], «Очеркҳои таърихи Тоҷикистони соҳибистиқлол» [21] ва «Бунёди давлатдорӣ навин» [5] хеле амиқ инъикос гардидааст.

Тибқи маълумоти ин манбаъҳои зикршуда нахустин ҳизбе, ки дар солҳои 90-уми асри XX созмон ёфт, Ҳизби демократии Тоҷикистон буд. Ба ақидаи А. Кузмин Ҳизби демократии Тоҷикистон аз Созмони мардумии «Растохез» ҷудо шудааст [14]. Муҳаққиқони номбурда санаи таъсисёбии Ҳизби демократиро 10 августи соли 1990 арзёбӣ кардаанд. Зеро дар ин сана, ба ақидаи собиқ раиси Ҳизби демократии Тоҷикистон Ҷумъабой Ниёзов конفرонси муассисони ҳизб дар шаҳри Душанбе баргузор шуда, дар он органҳои роҳбарикунанда, оиннома ва барномаи муваққатии ҳизб тасдиқ гардиданд [9].

Раиси Ҳизби демократии Тоҷикистон, ходими илмии шубъаи фалсафаи Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон Шодмон Юсуф интихоб шуд. Вазорати адлияи Ҷумҳурии Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон рӯзи 21 июни соли 1991 Ҳизби демократии Тоҷикистонро ба қайд гирифт. Вале бо ҷурми дар ҳодисаҳои солҳои ҷанги шаҳрвандӣ (1992-1997) ширкати ғаёл доштан, ғаёлияти Ҳизби демократии Тоҷикистон бо қарори Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21 июни соли 1993 қатъ гардид.

Бояд тазаққур дод, ки аксари муҳаққиқони таърихи сиёсии Тоҷикистони соҳибистиклол ғаёлияти Ҳизби демократии Тоҷикистонро манфӣ арзёбӣ намуда, дар бархӯрди сиёсии ибтидои солҳои 90-уми асри ХХ даст доштани онро собит намудаанд.

Донишманди тоҷик Ҳайдаршо Пирумшоев, ҳатто дар ҳақиқат демократ будани демократҳои ҷадиди Тоҷикистонро зери шубҳа мегузорад. Ба назари ӯ, демократҳои ҷадиди Тоҷикистон, ки «одитарин принципи демократия – итоати аққалият ба аксариятро тамоман ба инобат гирифтани нестанд» [22, 58] ҳақ надоранд худро демократ номанд.

Доктори илмҳои таърих Ҳ. Пирумшоев андешарониҳои хешро дар мавриди Ҳизби демократии Тоҷикистон идома дода, дар ҷойи дигар изҳор мекунад, ки яке аз усулҳои дӯстдоштаи онҳо иғвоангезии миллӣ буд. Ба ақидаи ӯ «изҳороти сабуқфикронаи раиси Ҳизби демократ Шодмони Юсуф, ки русҳоро гаравғони фоҷиаҳои суратгирифтаи қувваҳои мухталифи сиёсӣ эълон намудааст, сабаби кӯч баста, аз ҷумҳурӣ баромада рафтани ҳазорҳо нафар оилаҳои русзабон ва ўзбекҳо гаштааст» [22, 63], ки ҳақ ба ҷониби ӯст.

Профессор Ҳайдаршо Пирумшоев Ҳизби демократии Тоҷикистонро ба писарбачае ташбеҳ мекунад, ки «филмҳои голливудӣ ё тарғибкунандаи муштзӯриро дида, меҳонад худ ба онҳо тақлид наояд, қувваташро дар шарикдарсон ва аз он калонтарҳо санҷад. Бинобар ин, доимо дасту лағатпартоӣ мекунад. Махсусан, агар фаҳмад, ки ин амали ӯ бечавоб менамояд, он гоҳ худро мағлубнопазир эълон карда, ба роҳгузарҳо ҳам ҳамла менамояд» [22, 63].

Бояд зикр кард, ки аксари муҳаққиқони таърихи сиёсии Тоҷикистон ғаёлияти Ҳизби демократии Тоҷикистонро ҳамин гуна арзёбӣ намудаанд. Ба назари мо низ ҳизби ба ном «демократи»-и Тоҷикистон, ки дар ибтидои солҳои 90-уми асри ХХ вучуд дошт, ягон принципи демократияро боре ҳам риоя накардааст ва гузашта аз ин, дар муташанниҷ гардидани вазъи сиёсии ҷомеа ва сар задани ҷанги шаҳрвандӣ (1992-1997) нақши муассир дорад.

Ҳизби дигаре, ки дар ибтидои солҳои 90-уми асри ХХ созмон ёфта, дар воқеоти сиёсии Тоҷикистони соҳибистиклол, хоса дар бархӯрди сиёсӣ ва сар задани ҷанги шаҳрвандӣ ширкати ғаёл ва мустақим дошт, Ҳизби Наҳзати Исломии Тоҷикистон маҳсуб меёбад. Бояд тазаққур дод, ки аксари муҳаққиқони таърихи сиёсии Тоҷикистони соҳибистиклол раванди таъсисёбӣ, ғаёлият ва мақсаду мароми ҳизби мазкурро хеле дақиқ таҳлилу баррасӣ намудаанд.

Тибқи маълумоти Ҷумабой Ниёзов конфронси муассисони Ҳизби Наҳзати Исломии Тоҷикистон 6 октябри соли 1990 ба таври махфӣ дар канораҳои деҳаи

Чаҳортути собиқ ноҳияи Ленин (ҳоло ноҳияи Рӯдакӣ) баргузор гардида, дар он Ҳизби Наҳзати Исломи ба сифати шуъбаи минтақавии ҳизби Умумииттифоқи Наҳзати Исломи таъсис ёфт [9]. Дар ин конфронс Муҳаммадшариф Ҳимматзода раиси ҳизби интихоб гардида, оиннома ва барномаи ҳизби пешниҳод шуд. Муддати як сол Ҳизби Наҳзати Исломи Тоҷикистон ҳамчун шуъбаи минтақавии ҳизби Умумииттифоқӣ фаолият кард. Ба ақидаи Ҷ. Ниёзов танҳо баъди як сол – 26 октябри соли 1991 съезди якуми ҳизби дар шаҳри Душанбе баргузор гардида, Ҳизби Наҳзати Исломи Тоҷикистонро ҳизби сиёсии мустақил эълон дошт [9]. Вазорати адлияи Ҷумҳурии Тоҷикистон Ҳизби Наҳзати Исломиро ҳамчун ҳизби сиёсии ҷумҳуриявӣ 4 декабри соли 1991 ба қайд гирифт. Ташкил ёфтани ҳизби боиси ҷудой дар байни диндорон ва пешвоёни онҳо гардид. Ба ақидаи А. Холиқзода «худи қозии мусулмонони Тоҷикистон Ҳочӣ Акбар Тӯраҷонзода ташкил ёфтани Ҳизби наҳзати исломиро тарафдорӣ накард» [33, 159].

Илова бар ин, бояд махсус таъкид кард, ки ҳизби мазкур дар солҳои баъдӣ ба амалиётҳои ғайриқонунӣ даст зада, бо мӯчиби он аз ҷониби Вазорати адлияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 29 сентябри соли 2015 созмони терористӣ эълон гардид ва фаъолиятҳои худро дар ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон пурра манъ карда шуд.

Мавриди зикри хоса аст, ки аксари муҳаққиқони ватанӣ ва хориҷӣ Ҳизби Наҳзати Исломи Тоҷикистонро дар бархӯрди сиёсии солҳои 90-уми асри ХХ гунаҳкор дониста, кӯшиши онҳоро ҷиҳати табдил додани низоми давлатдорӣ дунявӣ ба динӣ яке аз сабабҳои асосии сар задани ҷанги шаҳрвандӣ (1992-1997) арзёбӣ кардаанд [2, 39].

Дар ҳақиқат, ба назари мо Ҳизби Наҳзати Исломи Тоҷикистон гарчанде, ки дар ибтидои фаъолияти хеш мақсади ниҳоии худро ошкоро изҳор наметодид, аммо равшан буд, ки таъсис додани давлати исломиро пайғирӣ менамуд ва ин дар ҳоле, ки аксари кулли аъзоёни ин ҳизб ба моҳияти аслии ислом ва қавоиди шариат хуб сарфаҳм намерафтанд.

Масоили марбут ба раванди таъсисёбии ҳизбу созмонҳои ҷамъиятӣ ва мақсаду мароми онҳо дар монографияҳои доктори илмҳои таърих Ш. М. Султонов [25] хеле хуб таҷассум ёфтаанд. Ба ақидаи ӯ «Ҳизби демократии Тоҷикистон, Ҳизби Наҳзати Исломи, созмонҳои «Растохез» ва «Лаъли Бадахшон» мақсаду ниятҳои муштараку ягона доштанд. Ҳамаи онҳоро мафкураи ягона ва умумии зиддишуравӣ ва зиддикоммунистӣ муттаҳид месохт» [25, 537].

Бояд тазаққур дод, ки дар ҷумҳуриӣ пас аз гузаштани мавҷи ҳизбсозӣ маъракаи ташкил намудани созмонҳои мухталифи хусусияти маҳалидошта вусъат ёфт. Ташаббускори таъсис додани чунин созмонҳо асосан онҳое буданд, ки дар вақташ аз мансаб дур шуда буданд. Аз ин рӯ, онҳо мехостанд, ки ба созмонҳои маҳали худ таъяс карда, ба арсаи сиёсат бароянд. Дар давоми солҳои 1991-1992 созмонҳои ҷамъиятӣ - сиёсии «Лаъли Бадахшон», «Меҳри Хатлон» ва «Ҳамдилон» ташкил ёфтанд. Чунин созмонҳо дар водӣҳои Қаротегин,

Истаравшан, Зарафшон низ арзи ҳастӣ намуданд. Ташкил ёфтани ин созмонҳо, ки ба принципи маҳалгарой асос ёфта буданд, ба назари муаллифи китоби дарсии «Таърихи афкори ҷамъиятӣ-сиёсии халқи тоҷик» Ниёзбек Давлатбеков на танҳо ба ваҳдати миллӣ мусоидат карда наметавонистанд, балки ҷудоиандозию маҳалгароиро ба вучуд оварда, сабабгори ҷанги дохилӣ гардиданд [7], ки ҳақ ба ҷониби ӯст.

Ба ақидаи Н. Давлатбеков, мутаассифона, дар чунин шароити барои ҷумҳурӣ ҳассос кормандони давлатӣ ва қувваҳои низомӣ низ ба ҷои Ҳимояи манфиатҳои умумимиллӣ ба гурӯҳҳои маҳаллӣ - қавмӣ ва авлодӣ тақсим шуда, мардуми кишварро ба ду лангари муқобил ҷудо карданд [7].

Мавриди зикр аст, ки оид ба таърихи сиёсии охири солҳои 80-ум – ибтидои солҳои 90-уми асри ХХ, таъсисёбии Ҳизбу созмонҳои ҷамъиятӣ ва нақши ин созмонҳо дар равандҳои сиёсии ҷомеа рисолаҳои номзадӣ низ дифоъ гардидаанд, ки онҳо паҳлуҳои мухталифи таърихи сиёсии Тоҷикистонро фаро мегиранд. Масалан, диссертатсияи доктории О. Қ. Каримов [12], гарчанде ки асосан таърихи илми таърихи Тоҷикистонро дар замонҳои қадим, асрҳои миёна, нав ва даврони Шуравӣ фаро гирад ҳам, дар он муаллиф ба таърихнигории солҳои 90-уми асри ХХ низ то андозае дахл кардааст. Мавсуф зимни таҳқиқоти хеш вазифаҳои илми таърихнигориро дар даврони Истиклол мушаххас намуда, тавсияҳои худро ҷиҳати рушди илми таърихнигорӣ пешниҳод кардааст.

Дар таҳқиқоти диссертатсионии И. Р. Абдуллоев [2] шароитҳои таърихӣ ва сабабҳои ташаккулёбӣ ва рушди ҳаракатҳо ва созмонҳои ҷамъиятӣ-сиёсӣ инъикос гардидааст. Рисолаи диссертатсионии А. Абдуқодиров [1] ба масоили инъикоси ҳаёти ҷамъиятӣ - сиёсии Тоҷикистон дар саҳифаҳои матбуоти русии кишвар бахшида шудааст. Дар таҳқиқоти диссертатсионии Р. Бобочонова [4] нақши матбуоти даврии Россия дар инъикоси ҳаёти ҷамъиятӣ - сиёсии Тоҷикистон таҳқиқ гардидааст. А. А. Муродов [17] рисолаи номзодии хешро ба масоили инъикоси вазъи сиёсии Тоҷикистон (солҳои 1989 - 1997) дар матбуоти даврии ҷумҳурӣ бахшидааст.

Ҳамин тавр, аз таҳлили таърихнигории адабиёти мавҷуда марбут ба раванди таъсисёбии ташкилоту созмонҳои ҷамъиятӣ ва Ҳизбҳои сиёсӣ дар охири солҳои 80-ум – ибтидои солҳои 90-уми асри ХХ ба хулосае расидан мумкин аст, ки дар воқеъ, дар натиҷаи роҳандозии сиёсати бозсозӣ дар тамоми қаламрави давлати бузурги Шуравӣ, аз ҷумла дар Тоҷикистон низ таҳаввулоти сиёсӣ ба амал омада, ба низоми якҷаҳизбӣ хотима дода шуд.

Дар ҷумҳурӣ даҳҳо ташкилоту созмонҳои ҷамъиятӣ ва Ҳизбҳои сиёсӣ, ки раванди таъсисёбӣ ва фаъолияти онҳо дар адабиёти илмӣ то андозае инъикос гардидааст, зухур карда, ба фаъолият пардохтанд.

Бояд маҳсус таъкид кард, ки ин Ҳизбу созмонҳои ҷамъиятӣ, агар аз як тараф дар бедории сиёсӣ ва худшиносии миллӣ саҳмгузор бошанд, аз ҷониби дигар умуман гирем барои расидан ба сулҳу Ваҳдати миллӣ ва якпорчагии Ватан мусоидат намекарданд.

1. Абдукадыров, А. Освещение общественно-политической жизни Таджикистана на страницах русскоязычной прессы (1990-1995гг.): автореферат диссертации кандидата исторических наук: 07.00.02 / А. Абдукадыров. – Душанбе, 1997. – 24 с.
2. Абдуллоев, И. Р. Возникновение и развитие общественно-политических движений Республики Таджикистан в конце 80-х - начале 90-х годов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. Р. Абдуллоев. – Худжанд, 2000. – 179 с.
3. Абулхаев, Р. Сабабҳои дохилӣ ва берунии ҷанги шаҳрвандӣ дар Тоҷикистон / Р. Абулхаев // Вопросы новейшей истории Таджикского народа. (Сборник избранных статей и публикаций). Часть 2.- Душанбе, 2016. - С. 38-46.
4. Бободжанова, Р. Освещение политической жизни Таджикистана на страницах периодической печати России (1990 - 1995 гг): автореферат диссертации кандидата исторических наук: 07.00.02/Р. М. Бободжанова. – Худжанд, 1998. – 22 с.
5. Бунёди давлатдорӣ навин. – М., 2002. - 416 с.
6. Ғоибов, Ғ. Таърихи Хатлон аз оғоз то имрӯз. Монография / Ғ. Ғоибов. – Душанбе, 2006. – 906 с.
7. Давлатбеков, Н. Таърихи афкори ҷамъиятӣ-сиёсӣи халқи тоҷик. Китоби дарсӣ / Н. Давлатбеков. - Душанбе, 2011. – 367 с.
8. Достиев, А. Мавқеъ / А. Достиев. - Душанбе: Шарқи озода, 1999. – 294 с.
9. Из история развития демократического движения в Таджикистане [манбаи электронӣ]. URL: www.cas.org/journal/09-1997/st_16_niezov.Shtml (санаи истифодабарӣ: 08.08.2018).
10. История таджикского народа / под общей редакции Масова Р.М. – Душанбе, 2011. – Т.6. - С. 438-488.
11. Каландаров, И. Шоди Шабдолов - лидер коммунистов Таджикистана / И. Каландаров. - Душанбе, 2003. – 78 с.
12. Каримов, О. К. История исторической науки Таджикистана: дис. ... доктора ист. наук: 07.00.09 / О.К. Каримов. – Душанбе, 2002. – 353 с.
13. Кобилова, С. Мифы о «застое» и «всеобщей нищете» / С. Кобилова. – Худжанд, 2007. – 27 с.; Кобилова С. Февральские события 1990 г. в Таджикистане / С. Кобилова. – Худжанд: Ношир, 2007. – 96 с.
14. Кузьмин, А. Проблемы «Ближнего зарубежья». Уроки Таджикистана [манбаи электронӣ]. URL: http://observer.materik.ru/observer/№13_93/010.NTM (санаи истифодабарӣ: 08.08.2018).
15. Мамадазимов, А. Новый Таджикистан: вопросы становления суверенитета / А. Мамадазимов. – Душанбе: Дониш, 1996.-180 с.; Мамадазимов А. Политическая история таджикского народа / А. Мамадазимов. – Душанбе: Дониш, 2000. – 360 с.
16. Масов, Р. Пазорная страница в нашей истории / Р.Масов // Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. – Душанбе, 2005. – С. 185-192.
17. Муродов, А. А. Освещение политической ситуации Таджикистана 1989-1997 гг. в периодической печати Республики: автореферат диссертации кандидата исторических наук: 07.00.02 / А. А. Муродов. – Душанбе, 2004. – 24 с.
18. Набиева, Р. Таърихи халқи тоҷик. Китоби дарсӣ / Р. Набиева, Ф. Зикриёев, М. Зикриёева. – Душанбе: Собириён, 2010. – 328 с.
19. Назаршоев, Н.М. Военная история Таджикистана / Н.М. Назаршоев. – Душанбе: Матбуот, 2002. – 573 с.
20. Назриев, Д. Республика Таджикистан: история независимости / Д. Назриев, И. Сатторов. – Душанбе, 2002.-Т.1.- 337 с.
21. Очеркҳои таърихи Тоҷикистони соҳибистиқлол/зери таҳрири З. Акрамӣ. – Душанбе: Дониш, 2016. – 463 с.
22. Пирумшоев, Ҳ. Бозсоӣ: сохтем ё бохтем? / Ҳ. Пирумшоев. – Душанбе: Шарқи озода, 2008. – 112 с.
23. Раҳмон, Э. Таджикистан: десять лет независимости и национального единства. В 4-х томах / Э. Раҳмон. - Душанбе: Шарқи озода, 2001; Раҳмон, Э. Независимость Республики Таджикистан и возрождение нации. В 7 томах / Э. Раҳмон. - Душанбе: Шарқи озода, 2002-2009; Раҳмон, Э. Истиқлолияти Тоҷикистон ва эҳёи миллӣ. Иборат аз ҳафт ҷилд / Э. Раҳмон. - Душанбе: Шарқи озода, 2002-2008; Раҳмонов, Э. Тоҷикистон: даҳ соли истиқлолият, ваҳдати миллӣ ва бунёдкорӣ. Иборат аз се ҷилд. Ҷилди аввал / Э. Раҳмонов. – Душанбе: Ирфон, 2001. – 512 с.
24. Раҳмонов, Э. Тоҷикистон: даҳ соли истиқлолият, ваҳдати миллӣ ва бунёдкорӣ. Иборат аз се ҷилд. Ҷилди аввал / Э. Раҳмонов. – Душанбе: Ирфон, 2001. – 512 с.
25. Султонов, Ш. М. Демонтаж СССР: Великая катастрофа XX-го столетия. Таджикистан на пороге гражданской войны (1990 – 1991 гг.) / Ш.М.Султонов. - Худжанд: Хуросон, 2014. - С.189-230; Султонов, Ш. Ёддоштҳои зиёи шуравӣ / Ш.Султонов. - Хучанд: Хуросон, 2015. – С. 536-569.
26. Таджикистан в огне / составители А. Руденко, А. Сорокин. – Душанбе: Ирфон, 1993. – 288 с.

27. Усмонов, И. Таърихи сиёсии Тоҷикистони соҳибистиклол / И. Усмонов. – Хучанд: Нури маърифат, 2003. – 178 с.; Усмонов, И. Соли Набиев / И. Усмонов. – Душанбе, 1995. – 114 с.
28. Усмонов, И. Таърихи сиёсии Тоҷикистони соҳибистиклол / И. Усмонов. – Хучанд: Нури маърифат, 2003. – 178 с.
29. Хайдаров, Г. Х. Таджикистан: трагедия и боль народа / Г. Х. Хайдаров, М. Иномов. – Санкт-Петербург, 1993. – 122 с.; Хайдаров, Г. Х. История таджикского народа: XX век / Г. Х. Хайдаров. – Худжанд, 2001. – 508 с.; Хайдаров, Г. Х. Начальная поступь суверенного Таджикистана / Г. Х. Хайдаров. – Худжанд: Нури маърифат, 2006. – 348 с.
30. Хайдаров, Г.Х. История таджикского народа: XX век / Г.Х. Хайдаров - Худжанд, 2003. – 508 с.
31. Ҳақимов, Н. Таърихи халқи тоҷик. Китоби дарсӣ / Н. Ҳақимов. – Душанбе: Ирфон, 2008. – 492 с.
32. Холиқзода, А. Таърихи сиёсии тоҷикон / А. Холиқзода. – Душанбе, 1994; Холиқзода, А. Тоҷикони Мовароуннаҳр аз истилои Русия то истиқлол / А. Холиқзода. – Душанбе, 1997. - 193 с.
33. Холиқзода, А. Тоҷикони Мовароуннаҳр аз истилои Русия то истиқлол / А. Холиқзода. – Душанбе, 1997. – 193 с.
34. Ҳотамов, Н. Таърихи халқи тоҷик. Китоби дарсӣ / Н. Ҳотамов, Д. Довудӣ, С. Муллоҷонов, М. Исоматов. – Душанбе, 2011. – 582 с.
35. Шабдолов, Ш. Д. Материалы по истории Компартии Таджикистана (1991-1996 гг.) / Ш. Д. Шабдолов, М. Диноршоев, И. Каландаров, Б. Каримов и др. - Душанбе, 1996. – 426 с.
36. Шокиров, Б. Пайдоиши ҳизбу созмонҳои нав дар Тоҷикистон ва фаъолияти онҳо (солҳои 1989-1992) / Б. Шокиров, А. Маҳмадкаримов. -Душанбе, 1994. – 50 с.

ТАЪРИХНИГОРИИ ПАЙДОИШИ ҲИЗБУ СОЗМОНҲОИ ЧАМЪИЯТИИ ТОҶИКИСТОН ДАР ОХИРИ СОЛҲОИ 80-УМ ВА ИБТИДОИ СОЛҲОИ 90 -УМИ АСРИ ХХ

Дар мақола масоили пайдоиши ҳизбу созмонҳои ҷамъиятии Тоҷикистон дар охири солҳои 80-ум ва ибтидои солҳои 90-уми асри ХХ, фаъолияти онҳо, саҳми онҳо дар бедории сиёсӣ ва худшиносии миллии аҳоли, инчунин нақши ин созмону ҳизбҳои ҷамъиятӣ дар воқеоти сиёсии солҳои 90-уми асри ХХ, ки дар асару мақолаҳои муҳаққиқон инъикос гардидааст, дар заминаи ин осор мавриди таҳлили таърихнигорӣ қарор гирифтааст.

Муаллиф раванди пайдоиши ташкилоту созмонҳои зиёди хусусияти маҳаллидоштаро, ки дар натиҷаи роҳандозии сиёсати бозсозӣ зухур карда буданд, дар заминаи адабиёти илмӣ мавҷуда таҳқиқ карда, ҳамзамон таъкид менамояд, ки ташкилоту созмонҳои ҷамъиятии таъсисёфта, сарфи назар аз ҳадафу ниятҳои неки ҳеш барои расидан ба сулҳу Ваҳдати миллий ва яқпорчагии Ватан мусоидат намекарданд.

Бояд зикр кард, ки масоили пайдоиш ва фаъолияти ҳизбҳои сиёсӣ дар меҳвари тавачҷуҳи муаллифи мақола қарор гирифта, таъсири онҳо дар бархӯрди сиёсии ибтидои солҳои 90-уми асри ХХ ва сар задани ҷанги таҳмилии шаҳравандӣ нишон дода шудааст.

Муаллиф дар мақола бо ақсари муҳаққиқони таърихи сиёсии Тоҷикистони соҳибистиклол, ки фаъолияти Ҳизби демократии Тоҷикистон ва Ҳизби наҳзати исломии Тоҷикистонро манфи арзёбӣ намуда, дар бархӯрди сиёсии ибтидои солҳои 90-уми асри ХХ даст доштани онҳоро собит намудаанд, ҳамфиқр будани худро иброз доштааст.

Калидвожаҳо: *ташкilotу созмонҳои ҷамъиятӣ, ҳизбҳои сиёсӣ, раванди бозсозӣ, фаъолнокии сиёсӣ, бедории сиёсӣ, худшиносии миллий, бархӯрди сиёсӣ, таърихнигорӣ, муҳаққиқони ватанӣ, таҳлили таърихнигорӣ.*

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ТАДЖИКИСТАНА В КОНЦЕ 80-Х – НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В статье проводится историографический анализ вопросов, связанных с возникновением политических партий и общественных организаций Таджикистана в конце 80-х — начале 90-х годов XX века. Рассматривается их деятельность, вклад в процесс политического пробуждения

и формирование национального самосознания населения, а также роль данных структур в политических событиях 90-х годов, получивших отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей.

На основе анализа существующей научной литературы автор исследует процесс формирования многочисленных локальных объединений, появившихся в результате политики перестройки. Отмечается, что, несмотря на провозглашённые благие цели и намерения, данные общественные организации не способствовали достижению национального единства и территориальной целостности страны.

Особое внимание уделяется вопросам возникновения и функционирования политических партий, их влиянию на развитие политического кризиса начала 90-х годов и на процессы, приведшие к гражданской войне.

Автор солидарен с позицией большинства исследователей политической истории независимого Таджикистана, критически оценивающих деятельность Демократической партии Таджикистана и Партии исламского возрождения Таджикистана. В статье аргументируется их причастность к эскалации политического противостояния в рассматриваемый период.

Ключевые слова: *общественные организации, политические партии, процесс перестройки, политический активизм, политическое пробуждение, национальное самосознание, политическое противостояние, историография, отечественные исследователи, историографический анализ.*

HISTORIOGRAPHY OF THE EMERGENCE OF PARTIES AND PUBLIC ORGANIZATIONS TAJIKISTAN IN THE LATE 80S - EARLY 90S OF THE 20TH CENTURY

The article presents a historiographical analysis of the emergence of political parties and public organizations in Tajikistan during the late 1980s and early 1990s. It examines their activities, their contribution to the political awakening and the development of national self-awareness among the population, as well as their role in the political events of the 1990s, as reflected in the works of both domestic and foreign scholars.

Drawing on a wide range of academic sources, the author explores the formation of numerous local associations that emerged in response to the perestroika reforms. The analysis highlights that, despite their stated goals and intentions, these organizations failed to contribute meaningfully to the achievement of national unity and the preservation of the country's territorial integrity.

Particular emphasis is placed on the origins and functions of political parties, their role in exacerbating the political crisis of the early 1990s, and their involvement in the escalation of tensions that ultimately led to civil war. The author concurs with the views of many scholars of Tajikistan's political history, who offer a critical assessment of the activities of the Democratic Party of Tajikistan and the Islamic Renaissance Party of Tajikistan, arguing for their direct involvement in deepening the political confrontation during the period under review.

Key words: *public organizations, political parties, the process of perestroika, political activity, political awakening, national self-awareness, political confrontation, historiography, domestic researchers, historiographic analysis.*

Сведения об авторе: Мирзоев Джурабек Абдулович – ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Телефон: 2217210; E-mail: mirzoev-dzhurabek@mail.ru

Information about the author: Mirzoev Jurabek Abdulovich - Leading researcher, Department of Modern History, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography. National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: 2217210; E-mail: mirzoev-dzhurabek@mail.ru

УДК: 39(575):008

**ЖИЗНЕННЫЕ ПРАКТИКИ ТАДЖИКОВ, КАК ЭТНИЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИИ**

МАДАМИДЖАНОВА З. М.,

**Институт истории, археологии и этнографии
им. Ахмада Дониша НАНТ**

Статья посвящена актуальному вопросу изучения, сохранения и развития этнического культурного кода в условиях рыночных отношений в Таджикистане. После получения независимости странами Центральной Азии этно - социальные процессы оказывают влияние на этнографическую ситуацию в этих странах.

Таджикистан также находится в рамках нового общественного развития, и формирования системы ценностей, нравственных ориентиров нации, которое определяет современное лицо нации и государства.

Поэтому изучение культурного кода нации очень важно, и актуально, так как этнокультурные процессы вырисовывают базовую традиционную культуру народа, которая является главным маркером в этом вопросе.

В исторической науке, в целом, традиционные обрядовые жизненные практики, изучены учеными - историками, этнографами, социологами, философами и показана этническая культура народа, время ее формирования.

Этнографическая наука в Таджикистане имеет большое количество работ по изучению обрядов, обычаев, традиций. Автор данной статьи останавливается на жизненных практиках традиционных и современных ритуалах, обычаях, обрядах, которые позволяют остановиться на культурном коде нации.

Такой подход – новое направление исследований духовности народа, и должно приветствоваться.

Необходимо отметить, что в Таджикистане проблема определения кода в контексте этнической культуры слабо разработана и поэтому вызывает большой интерес. Эта направленность исследований включает междисциплинарный подход.

Накопленный арсенал материалов показывает присутствие этнокультурного кода в жизни семьи, общества, хотя исследователи и этнополитики в основном рассматривали этот вопрос только в сохранении таджикской культуры [10,7].

Действующая Концепция культурной политики – явление жизненно необходимое для Таджикистана. Одним из самых важных моментов в Концепции является четкое видение развития неисчерпаемого творческого потенциала народа Таджикистана.

Следовательно, уровень исследовательского потенциала, его культурное наследие может быть рассмотрено как культурный код нации. Он формируется на основе национальных образов, языка, духовности, традиций, фольклора и ценностей народа. Культурный код, как структура определяющая генотип нации, состоит из ключевых звеньев, каждое из которых представляет собой уникальный, культурный феномен: 1) наследие, 2) язык, 3) государственная политика, 4) хозяйственные системы (жизненный уклад), 5) семья и через неё сохранение традиций, обычаев, праздников.

Доказано, что при самодостаточности каждого из этих элементов они становятся кодом только при условии неразрывности архетипических связей между собой. Утрата или деформация хотя бы одного звена ведет к мутации культурного кода и, как следствие, утрате идентичности, размыванию этнической памяти и разрушению культурного генотипа народа.

Общеизвестно, что культурный код нации является отражением культурной ментальности народа, позволяет понять его культуру, которая досталась от предков, в то же время позволяет также идентифицировать культуру, а в целом и народ.

Авторы «Этногенеза и этнической истории таджиков» показали процесс возникновения истоков культуры таджикского народа в древнейший период, [13, 998] культуры связанной с ХКТ (хозяйственно-культурный тип), т.е. оседлых земледельцев. Именно, в то древнейшее время (эпоха позднего неолита и энеолита - Саразм) появились маркеры этничности таджиков.

Анализ исторического развития древнейших этнических обществ Центрально-азиатского региона показал, что возникшие и сформировавшиеся маркеры этничности оседлых земледельцев сохранены до настоящего времени в культуре и в жизненных практиках обрядовой традиции не только у таджиков но и других народов.

Такой подход позволит выделить код Центрально - Азиатский, код определенного народа в целом и код по материальной и духовной культур. Автор считает, что данный аспект возможно рассматривать как во времени так и в пространстве.

Поэтому маркеры этничности отражают формирование социокультурной традиции, создается сложная система связей с обществом и с государством [5,27;7,35-45].

Ярким примером исторического развития является семья и социокультурные практики, направленные на воспроизводство человека, воспитании детей, их социализация и инкультурация [4,125].

Исследования этнографов подтверждают то, что в своем развитии таджикская семья прошла все исторические этапы ее становления и именно она созда-

ла неповторимую модель безопасного существования древнего общества в окружающей среде [3,59].

В рамках семьи идет восприятие основ социо-культурной традиции, адаптация к этническому и национальному сообществу, что в целом формирует национальный маркер или – код традиционной обрядовой культуры таджиков.

Как известно, древнейшее население Центральной Азии поклонялось четырем энергетическим стихиям: - энергия Воздуха, Земли, Огня и Воды.

Этнографы зафиксировали символы и символику этих стихий в обрядовых практиках жизненного цикла таджиков. Еще в эпоху «неолитической революции» происходит одухотворение и обожествление сил и явлений природы. (в науке известно как «анимизм» и «тотемизм»).

Сегодня, окунаясь в обрядовые практики жизненного цикла таджиков, возможно увидеть то, что они являются древней и богатой оседло-земледельческой мифологией, это в свою очередь, позволяет определить значительные символы и символику, характеризующие ХКТ народа.

Именно, в эпоху энеолита и ранней бронзы, позже при Ахеменидах шло формирование ирано - язычной традиции, которая позволяла определить зоны влияния и распространения маркеров ирано - язычной культуры.

Это подтверждают археологические материалы этого периода, которые показывают огромную территорию Евразии, включая народы населяющие Иранское плато, часть Кавказа, Среднюю Азию до р. Инд.

Согласно этим данным, именно на этой территории выступает мифологема арийства, т.е. доисламской авестийской традиции, которая позже станет носителем культурного кода таджикского народа. Это с одной стороны, с другой, эти историко-культурные традиции стали характерной чертой в контексте формирования общенациональной идеологической доктрины сегодня.

Как известно, традиционная обрядовая практика таджиков включает целый комплекс маркеров обычаев и обрядов, генезис которых связан с различными историческими эпохами.

Здесь наблюдаются черты древних архаических представлений, где преобладали ритуалы символического характера, в основе которых лежала единая мифологичность сознания, основанная на религии вначале зороастризма далее ислама. Огромный багаж этнографического материала свидетельствует о том, что в обрядовой традиции присутствовали символы плодородия, чистоты, благополучия и т.д. [12,503-555].

Например, к символам плодородия относятся гранат, сок которого олицетворяет кровь Земли, а сам гранат несет себе не только идею множественности, но и женское начало. К символам плодородия относятся сухофрукты, яйца и т. д.

Все эти символы выступают как результат сохранения энергетического баланса природы и человека, а таджикская ментальность до настоящего времени сохранила обрядовые традиционные практики – на свадьбах, на днях рождения

и воспитании ребенка, в похоронно-поминальной обрядности, в быту нашего народа.

Например, на свадебном столе перед женихом и невестой должны быть сухофрукты для того что бы, отведав их они получают новую энергию, которая так необходима молодым в эти ответственные дни их жизненного цикла, тем самым поддерживается необходимый энергетический баланс для продолжения рода.

Вся обрядовая практика были одинаково направлена на получения обильного урожая, плодородия скота, благополучия людей – их здоровья и удачи во всех делах.

Безусловно, выявляется близость мировоззрения у всех таджиков с земледельческими и аграрными культурами [6,198] которые воплощались через особые маркеры этничности – обряды, обычаи и ритуалы и несли особую смысловую нагрузку - множественности, ритуальной чистоты и магии благополучия. Все это свидетельствует о том, что маркеры этничности могут быть рассмотрены как код культуры таджиков.

Также, в жизни древних людей большое значение играл символ чистоты – огонь. Зороастрийцы поклонялись огню, он присутствовал почти во всех обрядовых традициях. Символ огня имел мифологическое очистительное действие. Вера в целительную и очистительную силу огня воплощалась в сходных обычаях у самых разных народов на огромных территориях.

Таковы священные костры, прыжки через них, которые до сих пор практикуются не только таджиками, но, также известны многим народам -славянам, дагестанцам, узбекам, индусам, румынам, белорусам, украинцам и др.

Кроме символов в традиционной обрядовой практике встречается символика, которая также олицетворяет гармонию и энергетический баланс, который проявляется в белом и красном цвете. Эта символика - чистоты и энергии.

Например, если символика белого цвета – это ритуальная чистота, то энергия красного цвета придает новую силу. Поэтому, символика ритуальной чистоты олицетворяется белым платьем невесты, а платье красного цвета – это новая энергия жизни. Два символа цвета создают гармонию благополучия на новом этапе жизненного цикла.

Такие символы и символика сохранены до настоящего времени, хотя этнографы наблюдают слабую интерпретацию этих обрядов.

Развитие земледелия заставило древнейших людей создать модель безопасного существования. Например, И. Мухитдинов зафиксировал и описал реликтыобычаев и обрядов относящиеся к древнейшим пластам духовной культуры таджиков, которые возникли во времена перехода от присваивающего хозяйства к производящему. Этот материал относится к началу земледельческих работ в Центральной Азии [7,110-118].

Сегодня, традиционный обрядовый материал широко известен, среди него особое внимание заслуживают культ небесных светил, особенно Солнца и их влияние на хозяйственную деятельность и жизнь людей. Большой интерес

представляют пережитки культа быка, воды и огня. Эти маркеры уводят нас к истокам таджикской этничности. Естественно, эти маркеры, также несут в себе сочетание пережитков древних верований – анимизма, культа предков, магии зороастризма и ислама.

Этнографы смогли уловить связь между традицией и новыми обрядами, зафиксированы и сохранены некоторые элементы старинных обрядовых действий. Хотя старинные обряды в какой-то степени утерять свой первоначальный смысл, в ментальности народа воспринимается как дань прошлому.

К таким обрядам относятся обычаи и обряды связанные с патроном земледелия. Легенды о патроне передавались из поколения в поколение в устной форме. Мухиддинов И. М. нашел «Трактат земледельца» «Рисолаи дехқонон» [6,90-91].

В этом документе имеются данные поклонения дедуземледельца или образу патрона земледельца – Деда - земледельца. (Бобои Дехқон), который является первым человеком покровителем земледелия. Его представляли в образе благообразного старика, но не видимого. В представлении народа- он всемогущ и вездесущ. Верили, что если человек мысленно обратиться к его имени с просьбой, то он поможет ему. Но если человек совершает греховные дела, то старец может обидеться и наказать не только его самого, но весь авлод-род. Миф о Дед-земледельце. (Бобои дехқон) этнографы зафиксировали почти у всех таджиков Западного Памира, Дарваза, Каратегина [9,18-33], Гиссара, Согда [10,32] и других народов[11,49] Средней Азии.

Таким образом, древнейшее население создало глубокую мифологическую традицию на уровне всех жизненных практик, которые сохранились до настоящего времени и, вполне объективно, могут считаться культурным кодом нации.

Такая раскладка этнографического материала позволяет рассмотреть его как имеющий единые корни духовной культуры, уходящие в более ранние периоды. Поэтому народы Центральной Азии являются носителями не только национального этнокультурного кода, но и единого цивилизационного мусульманского кода, который основан на сохранении и развитии культурного наследия каждого народа во временном и территориальном пространстве. Изучая своеобразие обрядовой практики, нельзя не отметить многообразии форм, ценностей, которые неразрывно связаны с традицией.

Таким образом, национальные традиции таджиков, считая их культурным кодом вобрал в себя традиционные уникальные культурные особенности, передающиеся от предков.

Как утверждают ученые этнографы, вся обрядовая традиция жизненного цикла таджикского народа до настоящего времени сохранила символы и символику земледельческого комплекса и уходит к зороастрийским представлениям мировосприятия и мироощущения, а позже ислам вошел в жизненную обрядовую практику всего лишь как обрамление сурами из Корана.

Поэтому, обычаи и обряды в целом, а это свадебные, семейные, обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка, похоронно-

поминальные действия, отражают общественный строй, мировоззрение, культуру этнической среды, в которой они складывались и развивались на протяжении многовековой истории институтов обрядности, могут быть характерными элементами этнического кода. Поэтому в настоящее время можно рассматривать институт обрядовых традиций как один из направлений культурного кода нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 411 с.
2. Валиев, А. Этнографическое изучение таджиков Центральной Азии в новейшее время (1918–2017) / А. Валиев. – Душанбе, 2018. – 110 с.
3. Кисляков, Н. А. Семья и брак у таджиков: по материалам конца XIX – начала XX века / Н. А. Кисляков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 220 с.
4. Косвен, М. О. Семейная община и патронимия / М. О. Косвен. – М.: Наука, 1963. – 55 с.
5. Мухиддинов, И. М. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX – начале XX века / И. М. Мухиддинов. – М.: Наука, 1975. – 125 с.
6. Мухиддинов, И. М. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX – начале XX века / И. М. Мухиддинов; отв. ред. акад. АН ТаджССР Б. И. Искандаров, Л. Ф. Моногорова. – Душанбе: Дониш, 1984. – 196 с. – (АН ТаджССР. Ин-т истории им. А. Дониша).
7. Мухиддинов, И. М. Обряды и обычаи, связанные с земледелием, у памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX – начале XX века (материалы к ист.-этногр. атласу народов Средней Азии и Казахстана) / И. М. Мухиддинов // Советская этнография. – 1973. – № 3. – С. 110–118.
8. Ольдерогге, Д. А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин / Д. А. Ольдерогге // Социальная организация народов Азии и Африки. – М.: Наука, 1975. – С. 15.
9. Рахимов, М. Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период: историко-этнографический очерк / М. Р. Рахимов. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957. – С. 28–33. – Всего: 221 с.
10. Рахимов, М. Р. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958–1961 гг. / М. Р. Рахимов // Изв. АН ТаджССР. Отделение общественных наук. – 1963. – № 1. – С. 51–66.
11. Снесарев, Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма / Г. П. Снесарев. – М.: Наука, 1969. – 219 с.
12. Таджики / под ред. Н. А. Дубовой, Н. К. Убайдулло, З. М. Мадамиджановой. – М.: Наука, 2021. – 1005 с. – (Серия: Народы мира).
13. Этногенез и этническая история таджикского народа. Т. 1 / под ред. Р. М. Масова, Н. К. Убайдулаева, З. М. Мадамиджановой. – Душанбе: Дониш, 2021. – 998 с.

ЖИЗНЕННЫЕ ПРАКТИКИ ТАДЖИКОВ, КАК ЭТНИЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАРОДА

Статья посвящена актуальному вопросу изучения, сохранения и развития этнического культурного кода таджиков. Культурный код, как структура определяющая генотип нации, состоит из ключевых звеньев, каждое из которых представляет собой уникальный, культурный феномен: 1) наследие, 2) язык, 3) государственная политика, 4) хозяйственные системы (жизненный уклад), 5) семья и через неё сохранение традиций, обычаев, праздников, обычаи и обряды. Данный институт обрядности может быть характерным элементом этнического кода нации, поэтому в настоящее время можно рассматривать институт обрядовых традиций как одно из направлений культурного кода нации.

Ключевые слова: древнейший, анимизм, верования, КИТ, оседлые земледельцы, институт, обрядности, традиция, культура, ключевые звенья, код нации.

ТАҶРИБАИ ЗИНДАГИИ ТОҶИКОН ҲАМЧУН РАМЗИ ФАРҲАНГИ ЭТНИКИИ ХАЛҚ

Мақола ба масъалаи муҳимми омӯзиш, ҳифз ва рушди кодекси этнофарҳангии тоҷикон бахшида шудааст. Кодекси фарҳангӣ ҳамчун сохторе, ки генотипи миллиро муайян мекунад, аз унсурҳои асосӣ иборат аст, ки ҳар яке аз онҳо як падидаи беназири фарҳангиро ифода мекунад: 1) мерос, 2) забон, 3) сиёсати давлатӣ, 4) низоми иқтисодӣ (тарзи зиндагӣ), 5) оила ва роҳи ниғаждорӣ анъанаҳо, расму ойинҳо, ҷашнҳо.

Ин гуна ниҳоди расму ойин метавонад як унсури ҳоси кодекси этникии миллат бошад, аз ин рӯ, дар айни замон институти анъанаҳои маросимиро метавон яке аз соҳаҳои кодекси фарҳангии халқ арзёбӣ кард.

Калидвожаҳо: қадим, анимизм, этиқод, ҲКТ, деҳқонони муқимӣ, муассиса, расму ойин, анъана, фарҳанг, пайвандҳои асосӣ, рамзи миллат.

LIFE PRACTICES OF TAJIKS AS AN ETHNIC CULTURAL CODE OF THE PEOPLE

The article is devoted to the topical issue of studying, preserving and developing the ethnic cultural code of the Tajiks. The cultural code, as a structure that determines the genotype of a nation, consists of key links, each of which represents a unique cultural phenomenon: 1) heritage, 2) language, 3) public policy, 4) economic systems (lifestyle), 5) family and through it the preservation of traditions, customs, holidays, customs and rituals.

This institution of ritual can be a characteristic element of the ethnic code of a nation, therefore, at present, the institution of ritual traditions can be considered as one of the areas of the cultural code of the people.

Key words: ancient, animism, beliefs, HKT, settled farmers, institution, rituals, tradition, culture, key links, nation code.

Сведения об авторе: Мадамиджанова Зухро Мадамиджоновна – главный специалист Института истории, археологии и этнологии имени Ахмади Дониша Национальной академии наук Таджикистана. E-mail:- zmadamin@mail.ru

Маълумот дар бораи муаллиф: Мадамидҷонова Зухро Мадамидҷонова - сармутахассиси Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. E-mail:- zmadamin@mail.ru

Information about the author: Madamidzhanova Zukhro Madamidjonovna - chief specialist of the Ahmadi Donisha Institute of History, Archeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of Tajikistan. E-mail:- zmadamin@mail.ru

УДК: 902.3(575.3):551.79

**КУЛЬДАРА – МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ
ПАМЯТНИК НА ЮГО-ЗАПАДЕ ТАДЖИКИСТАНА¹****ХУДЖАГЕЛДИЕВ Т.У.****Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ**

Древнейшие страницы истории Центральной Азии связаны со следами раннепалеолитического человека на территории Таджикистана. К ним относятся палеолитические стоянки, приуроченные разновременным погребенным палеопочвам в лёссово-почвенных разрезах на юго-западе республики. Одна из этих стоянок – Кульдара, расположенная в одноименном ущелье близ сельского джамоата Лохути Ховалингского района. В 80-е годы прошлого века в основании разреза В.А. Рановым были обнаружены культурные слои самой древней на сегодняшний день в Центральной Азии стоянки людей (1,0-0,9 млн. лет назад), а также следы пребывания первобытного человека мустьерского времени [6,201; 11,161]. Проведенные в 2021-2024 гг. в разрезе геoarхеологические исследования позволили обнаружить каменные артефакты в нескольких разновременных педокомплексах, расположенных выше по профилю обнажения [16,93].

Ущелье имеет протяженность около 6 км, по его дну протекает ручей, впадающий слева в р. Обимазар. По левому борту ручья, чуть ниже места впадения в него справа ручья Мутак, высота разреза достигает около 120 м, по правому – 84 м. На участке обнажения разреза просматривается переслаивание лёссовых толщ желтовато-серого цвета (мощность 2-8 м) и прослоек погребенных палеопочв буровато-коричневого цвета (мощность 2-6 м). Лёссы формировались в стадии ледниковых периодов при холодном и сухом климате, палеопочвы – в периоды межледниковий, при влажном и теплом климате. Период межледниковья в неоплейстоцене имел продолжительность 30-60 тыс. лет, и иногда прерывался короткими холодными фазами 2-5 тыс. лет, в силу чего палеопочва может быть разделена тонкими прослойками лёсса и состоять из нескольких подпочв, образующих педологический комплекс (ПК). На данном участке разреза в Кульдаре по профилю зафиксировано 12 педокомплексов, ниже по течению дополнительно просматриваются еще 3-4 педокомплекса. Тем самым, геологический разрез отражает неоднократную смену глобального климата: межледнико-

¹ Статья написана на основе проекта «История таджикского народа», раздел «Археология Таджикистана (от каменного века до позднего средневековья)», государственный регистрационный номер РБ0121ТJ1212.

вье – стадия ледникового периода – межледниковье. На юго-западе Таджикистана таких циклов «педокомплекс-лѣсс» в лѣссово-почвенных разрезах может быть от одного (Дусти, Гофилабад) до более чем 40 (Чашманигар, Карамайдан).

Археологический материал в основном приурочен педокомплексам и лишь единичные артефакты встречаются в лѣссах. Нумерация педокомплексов по разрезу проводится сверху вниз, и, следовательно, с возрастанием их номера удревняется и их возраст. Подобные памятники с особыми условиями сохранности разновременных культурных слоѐв В.А. Ранов относит к «лѣссовому палеолиту» [21,25]. Важной особенностью этого направления в изучении каменного века является четкая стратиграфическая позиция педокомплексов в разрезе и возможность определения возраста каждого из них, а соответственно и содержащегося в нем археологического материала, посредством их корреляции со стадиями изотопно-кислородной шкалы [18,91]. Обобщив все материалы исследованных в 70-90-х годах прошлого века памятников лѣссового палеолита, В.А. Ранов разделил всю их каменную индустрию на три группы: индустрия мелких отщепов и нестандартизированных мелких орудий (ПК 11,12); каратауская нижнепалеолитическая культура с характерной галечной индустрией (педокомплексы 6,5,4); мустьерская (среднепалеолитическая) культура (ПК1,2) [10,32].

После обнаружения во время разведочных работ в 1980 г. первых двух отщепов в 11-й палеопочве, археологические раскопки под руководством В.А. Ранова были проведены в 1981-1984,1997 гг. [6,216; 7,116; 8,53]. Культурный слой стоянки был приурочен нижней части 11-й палеопочвы (мощность 0,5-0,7 м), 12-я палеопочва залегала непосредственно под ней (мощность 1,1-1,8 м) (рис. 4). Коллекция состоит из 96 находок, из них только 40 отнесены к артефактам из камня, остальные представлены мелкими гальками и фрагментами костей мелких копытных животных [12,74-75]. Для расщепления древний человек использовал кварцит, фельзит-порфир, сланец, в редких случаях применялся кремний. Среди артефактов присутствуют нуклеусы многоплощадочного, площадочного и дисковидного типов, гальки со сколами, пластинчатые отщепы, отщепы, дольки, обломки и осколки, среди орудий выделены проколки (?), скребла, грубые скребки, зубчатые и выемчатые орудия, обломок бифасиального орудия (рис. 1). Особенностью каменной индустрии Кульдары являются небольшие размерами артефакты – в основном до 4 см, микролитический облик имеют и нуклеусы. Этот признак микролитоидности не наблюдается ни в одной из каменных индустрий плейстоценовых почв Таджикистана. При расщеплении камня использовалась галечная техника, при которой поверхность нуклеуса не подготавливалась специально, и удары отбойником наносились по галечной поверхности, либо по негативу предыдущего скола. Учитывая небольшие размеры и аморфность каменных изделий, В.А. Ранов считает Кульдару как одну из особенностей раннепалеолитических памятников с микроиндустрией Омо, наряду с такими памятниками как Вертешсѣлѣш в Венгрии, Бильценгслебен в Германии, Омо в Африке [12,74]. В последние десятилетия раннепалеолитические стоянки с мелкими изделиями из камня также были обнаружены в Израиле

(Бизат-Рухама) [22,163], Прикаспийской низменности (Рубас-1) [1,62], Казахстане (Кошкурган-1 и -2, Шоктас 1-3) [3,11], Китае (Сяочанлян, Дунгуто) [9,44]. Древние люди использовали микроиндустрию не из-за отсутствия подходящего материала крупных размеров, а потому, что меняющиеся природно-климатические условия среды их обитания приводили к изменениям адаптационных стратегий. Каменная индустрия стоянки в 11-12 педокомплексах, по мнению В.А. Ранова, представляет собой особый индустриальный вариант галечной культуры в палеопочвах, относящийся к начальному этапу всего развития галечных культур в каменном веке Таджикистана [6,228].

В 80-е годы прошлого века, согласно общей палеомагнитной и геологической стратиграфии палеопочв региона, находки в 11-й палеопочве имели возраст 750-720 тыс. лет, в 12-й – 850-820 тыс. лет [6,226]. По термолюминесцентному методу датирования возраст стоянки 650-820 тыс. лет [7,134]. В последние годы, в связи с появлением метода датировок палеопочв по корреляции их со стадиями изотопно-кислородной шкалы, стоянка в 11-12 педокомплексах Кульдары датируется 955-880 тыс. лет назад [4,127,183].

Абсолютна иная по технологии расщепления индустрия получена В.А. Рановым в 1982 г. в раскопе, заложенном в 10 м западнее раскопа 1981 г. На уровне 11-го педокомплекса был обнаружен культурный слой стоянки позднелейстоценового времени [11,188]. По мнению В.А. Ранова, слои педокомплекса здесь были размывты, а позднее замещены болотными отложениями и отложениями песчаных линз временных водотоков. С покрывающими их прослойками лёссовидного суглинка и был связан культурный слой стоянки. Он представлен очажным пятном 92x26 см и глубиной 10-15 см, фрагментами костей и зубов животных вокруг него, а также находками из камней. К последним относятся 48 артефактов и 24 крупные гальки. Среди артефактов имеются нуклеусы, пластины, отщепы, гальки со сколами, обломки и осколки. К орудиям отнесены 2 чоппера и ретушированные пластины (рис. 3). Сырьевым материалом служили в основном кварцитовый песчаник и кварцевый порфир. По ряду элементов (пластинчатая технология, значительная доля орудий) каменная индустрия относится к мустьерскому времени, которые сопоставляются с индустрией стоянки Огзи-Кичик [11,194]. AMS-дата по образцам, отобранным в 1997 г. из этой пещерной стоянки в Дангаринском районе, соответствует 38,4 тыс. лет [13,5]. Однако анализ образцов из этой же коллекции радиотермолюминесцентным методом показал возраст 134-87 тыс. лет назад [5,55].

Возобновление исследований на разрезе Кульдара последовало в 2021-2024 гг. в рамках международного проекта ТНОСА (The Timing and Ecology of the Human Occupation of Central Asia – Хронология и природные условия расселения древнего человека в Центральной Азии), целью которого являлось привлечение комплекса естественнонаучных и археологических методов для разработки детальной хронологической схемы эволюции природной среды и освоения древним человеком предгорных районов за последний один миллион лет [16,93].

Проектом было предусмотрено междисциплинарное исследование лёссово-почвенных разрезов Кульдара, Хонако и Оби-Мазар в Ховалингском районе. Если ранее археологические исследования проводились в основном с привлечением геологических методов, то геоархеологическими исследованиями было предусмотрено широкое использование других наук о Земле – географии, геофизики, химии, ботаники, биологии и других, с проведением анализов образцов почвы и камня в ведущих лабораториях Дании. В Кульдаре был проведен подробный анализ и описание вскрытых отложений, отбор образцов на серию естественнонаучных анализов (гранулометрия, химсостав, палинология, палеомагнитный, микростроение отложений, оптико-люминесцентное и космогенное датирование). Результаты исследований позволили «прочитать» особенности экологической ситуации во время обитания древних людей на разных этапах палеолита, уточнить возраст каждой палеопочвы новейшими методами абсолютного датирования, выявить климатические изменения в данном районе за последний миллион лет [19; 20,234; 16,96-97].

На правом борту обнажения Кульдара были заложены 5 небольших раскопов и серия геологических траншей, охвативших по высоте весь профиль разреза от голоценовой почвы до основания разреза общей мощностью 84 м. В результате значительного объема палеогеографических работ проведено комплексное изучение строения лёссово-почвенных серий, получена детальная магнитостратиграфическая шкала и непрерывная кривая изменения магнитной восприимчивости.

Археологические раскопы были заложены в педокомплексах 4,5,9,10 и 11, один артефакт был обнаружен в свежееобвалившемся блоке из педокомплекса 6 (рис. 2.2). В нижних педокомплексах (ПК9 и 11) были обнаружены лишь мелкие гальки. В педокомплексе 10, располагавшемся на глубине 72-75 м, среди двух находок имелся первичный отщеп подквадратной формы (рис. 2.1). По корреляции этого педокомплекса со стадией MIS 21 изотопно-кислородной шкалы, этот педокомплекс, а соответственно и найденный отщеп, датируются 820-865 тыс. лет назад [16,94-96].

Более информативные артефакты обнаружены в педокомплексах 4 и 5. В ПК 5, залегавшем на глубине 42-44,5 м, на высоте 1,5 над карбонатной коркой обнаружен одноплощадочный однофронтальный нуклеус. Расщепление ядрища проводилось при помощи жесткого отбойника, без предварительной подготовки поверхности речной гальки. Судя по негативам сколов на фронте скалывания нуклеуса, расщепление проводили по продольно-конвергентной схеме, проведя усечение основания поперечным сколом (рис. 2.3). В педокомплексе 4, залегающем на глубине 27-29,5 м, обнаружено два нуклеуса и четыре мелкие гальки. Первый нуклеус имел две рабочие площадки и два фронта скалывания с конвергентной схемой расщепления (рис. 2.4). Второй нуклеус имел подкубовидную форму, по типу ортогональный двуфронтальный (рис. 2.5). Галечная технология расщепления камня прослеживается в обоих педокомплексах. Наличие галечной корки у находок из ПК10 и ПК6 также указывает на использование

галечной технологии. Возраст педокомплекса 5 по его корреляции со стадией MIS 13 изотопно-кислородной шкалы находится в пределах 528-474 тыс. лет назад, педокомплекс 4 коррелируется с MIS 11 и его возраст определяется 427-364 тыс. лет назад [4,183]. Нижнепалеолитическая культура на юго-западе Таджикистана, характеризующейся как галечная индустрия, но своими специфическими особенностями – с развитием зубчато-выемчатых форм и типов орудий, близких к тейякским, была названа В.А. Рановым каратауской [10,32].

Исследования в рамках проекта ТНОСА в 2021-2024 гг. позволили выявить следы обитания древнего человека в Кульдаре еще в 4-х педокомплексах и, таким образом, с учетом исследований В.А. Ранова в 80-е годы прошлого века, в одном лёссово-почвенном разрезе просматриваются 7 разновременных уровней обитания, датированных от 0,95 млн. лет до 38 тыс. лет назад. Благодаря новым исследованиям, лёссово-почвенный разрез Кульдара стал единственным памятником в Центральной Азии, а возможно и в Евразии, в котором присутствуют все три группы каменных индустрий – индустрия мелких отщепов и орудий (ПК 11,12); галечная индустрия (педокомплексы 10,6,5,4); мустьерская (среднепалеолитическая) культура (рис. 4).

Самая ранняя каменная индустрия в Кульдаре связана с самыми древними местонахождениями с микроиндустрией, отличной от классического Олдувая, возраст которых 2,5-2,2 млн. лет. Они находятся в северной части Восточной Африки (стоянки Омо, Боури, Лакалалей и др.), где обнаружены останки *Australopithcus aethiopicus* и *Australopithcus garhi*, поэтому исследователи полагают, что ранние мигранты из Африки (*Homo ergaster - erectus*) являлись носителями не только олдувайской галечной традиции, но и традиции микроиндустрии, и связывают это с гипотезой о двух доашельских миграционных потоках древних людей из Африки в период 2-1,5 млн. лет назад. По мнению академика А.П. Деревянко, вначале это было движение популяций ранних гоминид с наиболее архаичной галечной индустрией олдувайского типа, а чуть позднее (1,7-1,5 млн. л.н.) – носителей микролитоидной индустрии [2,21].

С миграционной волной из Африки *Homo erectus* с микроиндустрией Омо достиг территории современного Таджикистана, судя по данным раскопок ПК 11 и 12 стоянки Кульдара, примерно в период 0,88-0,95 млн. лет назад. Судя по фаунистическому горизонту Лахути-II, расположенному на том же стратиграфическом уровне недалеко от Кульдары, в районе стоянки обитали такие представители фауны, как слоны, лошади, олени, саблезубые кошки, древние собаки, гиены, пантеры, антилопы, быки. Палинологические исследования ПК 11-12 в Кульдаре показали, что во время существования стоянки древесные растения преобладали над травянистыми растений и были представлены хвойными и широколиственными лесами, произраставшими на склонах гор, а в предгорьях преобладали лесостепные и степные (саванноидные) растения. Многие компоненты дендрофлоры Кульдары в наши дни характерны для районов с муссонным климатом. Это свидетельствует о том, что около миллиона лет тому назад

горы Гиндукуша не были такими высокими, что позволяли летним муссонам проникать в Среднюю Азию со стороны Индийского океана [4,127].

Вторая группа каменных индустрий «лёссового палеолита» связана с характерной галечной технологией расщепления камня, с традиционными для олдувайской культуры чопперами и другими крупными галечными орудиями (педокомплексы 10-4). Каменные индустрии этой группы В.А. Ранов относит к нижнепалеолитической каратауской культуре, просуществовавшей почти 500 тысяч лет. На Кульдаре к этой культуре отнесены немногочисленные находки из педокомплексов 10,6,5 и 4.

Относительно влажный и теплый климат межледниковых периодов, разветвленная сеть водных источников в районе распространения лёссов на юго-западе Таджикистана, влаголюбивая растительность, разнообразная фауна создавали необходимые предпосылки для неоднократного заселения и существования здесь *Homo erectus* в эпоху раннего палеолита. Приуроченность практически всех местонахождений «лёссового палеолита» погребенным палеопочвам указывает на время заселения древних людей лёссовых областей Таджикистана в период теплого и влажного климата межледниковья, благоприятного для развития палеосреды и жизнедеятельности человека. За период существования каратауской культуры пребывание *Homo erectus* прерывалось здесь 8-ю холодными стадиями (880-865, 820-787, 760-740, 725-712, 659-621, 568-528, 474-427, 364-334 тысячи лет назад) [4,183], с наступлением которых он мигрировал в южные широты. В эти периоды сухого и холодного климата формировались толщи лёссовых прослоек между педокомплексами. Артефакты в этих толщах практически отсутствовали, и лишь в лёссе над 6-м педокомплексом в Хонако-II и Лахути-IV были найдены несколько артефактов. Это свидетельствует о том, что в период холодной стадии 568-528 тыс. лет назад были короткие периоды потепления, во время которых *Homo erectus* возвращались на территорию современного Таджикистана.

Третью группу каменных индустрий «лёссового палеолита» В.А. Ранов связывает с мустьерской культурой [10,32]. Пластинчатая технология расщепления камня характерна для верхних двух педокомплексов, расположенных в верхних частях лёссово-почвенных разрезов, как, например, в Хонако-III, Дусти, Гофилабаде [14,18; 15,199; 17,265]. Однако в Кульдаре мустьерский слой расположен на уровне 11-го педокомплекса, в основании разреза на глубине около 100 м. Это указывает на то, что в Кульдаре во время своего пребывания неандертальцы жили не на поверхности лёссового холма того периода, а в его основании, на террасовидном уступе в русле древнего ручья, поближе к воде. Каменные индустрии первых двух педокомплексов более широко представлены в разрезах Хонако-III и Дусти и отнесены В.А. Рановым к фации леваллуа-мустье. Возраст эфемерной стоянки во втором педокомплексе определяется на основании корреляции последнего со стадией 7 изотопно-кислородной шкалы (MIS7) и находится в пределах 242-186 тыс. лет назад. Первый педокомплекс коррелируется со стадией MIS5 и его возраст определяется в пределах 127-71 тыс. лет

назад. В Хонако-III находки также обнаружены в интерстадиале (короткий промежуток потепления при холодном климате) над ПК 1, коррелируемый с MIS3, а также в двух интерстадиалах над ПК 2.

Исследования Кульдары показали, что цикличность палеоклиматических событий определяла чередование оптимальных и менее пригодных природных условий для жизни древнего человека, что обуславливало многократный характер заселения им лёссовых областей юго-запада Таджикистана. Кульдара является древнейшим памятником в Центральной Азии и наиболее стратифицированным местонахождением, поэтому его значимость состоит в том, что памятник является ценным хронологическим репером, указывающим время первоначального заселения региона [8,53-56]. Вместе с тем, археологический материал из других педокомплексов Кульдары, лежащих выше ПК 11-12 и, соответственно, более молодых по возрасту, указывает на многослойность этого памятника и отражает последовательную смену трех древних разновидностей технологий расщепления камня – микроиндустрии, галечной и пластинчатой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анойкин, А. А. Древнейшие мелкоорудийные индустрии в Евразии: новые данные / А. А. Анойкин // Первоначальное освоение человеком континентальной и островной части Северо-Восточной Азии: материалы междунар. симпозиума, Южно-Сахалинск, 18–25 сент. 2010 г. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. – С. 62–71.
2. Деревянко, А. П. Заселение человеком Евразии в раннем палеолите / А. П. Деревянко // Древнейшие миграции человека в Евразии: материалы междунар. симпозиума, 6–12 сент. 2009 г., Махачкала. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2009. – С. 5–28.
3. Деревянко, А. П., Петрин, В. Т., Таймагамбетов, Ж. К. Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы в травертинах Южного Казахстана / А. П. Деревянко, В. Т. Петрин, Ж. К. Таймагамбетов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 300 с.
4. Додонов, А. Е. Четвертичный период Средней Азии: стратиграфия, корреляция, палеогеография / А. Е. Додонов. – М.: ГЕОС, 2002. – 250 с. – (Труды ГИН РАН; вып. 546).
5. Лаухин, С. А. и др. Радиотермолюминесцентное датирование плейстоцена Южного Таджикистана / С. А. Лаухин, В. А. Ранов, В. К. Власов и др. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2004. – Вып. XXIX. – С. 36–70.
6. Ранов, В. А. Работы отряда по изучению каменного века в 1981 г. / В. А. Ранов // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1988. – Вып. XXI. – С. 201–233.
7. Ранов, В. А. Работы отряда по изучению каменного века в 1983 г. / В. А. Ранов // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1991. – Вып. XXIII. – С. 116–142.
8. Ранов, В. А. Каменный век / В. А. Ранов // История таджикского народа. – Душанбе, 1998. – Т. 1: Древнейшая и древняя история. – С. 45–123.
9. Ранов, В. А. Ранний палеолит Китая / В. А. Ранов. – М., 1999. – 110 с.
10. Ранов, В. А. Лёссово-почвенная формация южного Таджикистана и лёссовый палеолит / В. А. Ранов // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2000. – Вып. XXVII. – С. 21–49.
11. Ранов, В. А., Амосова, А. Г. Работы отряда по изучению каменного века в 1982 г. / В. А. Ранов, А. Г. Амосова // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1990. – Вып. XXII. – С. 161–194.
12. Ранов, В. А. и др. Кульдара – новый нижнепалеолитический памятник южного Таджикистана / В. А. Ранов, А. Е. Додонов, С. П. Ломов и др. // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. – М., 1987. – № 56. – С. 65–75.

13. Ранов, В. А., Лаухин, С. А., Ван дер Плихт Дж. Первое серийное радиоуглеродное датирование мустье Таджикистана / В. А. Ранов и др. // Российская археология. – 2002. – № 2. – С. 5–16.
14. Ранов, В. А. и др. Раскопки второй палеопочвы стоянки Хонако III в 1997 году / В. А. Ранов, С. А. Лаухин, Т. У. Худжагелдиев, Й. Шефер // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2003. – Вып. XXVIII. – С. 18–63.
15. Ранов, В. А., Худжагелдиев, Т. У., Шефер, Й. Предварительное сообщение о работах на плато Харгушон / В. А. Ранов и др. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – Т. VII. – С. 199–209.
16. Худжагелдиев, Т. У. и др. Геоархеологические исследования памятников «лѣссового палеолита» в долине р. Оби-Мазар весной 2021 г. / Т. У. Худжагелдиев и др. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: ООО «Шохин-С», 2023. – Вып. XLIV. – С. 93–110.
17. Худжагелдиев, Т. У. и др. Первое свидетельство бифасиальной технологии в среднем палеолите Таджикистана / Т. У. Худжагелдиев и др. // Между Гоббсом и Руссо: первобытная война. – Stratum plus. – 2019. – № 1. – С. 265–277.
18. Bassinot, F. C. et al. The astronomical theory of climate and the age of the Brunhes–Matuyama magnetic reversal / F. C. Bassinot et al. // Earth and Planetary Science Letters. – 1994. – Vol. 126. – P. 91–108.
19. Buylaert, J.-P. et al. A luminescence dating study of the upper part of the loess–palaeosol sequence at Kuldara, Khovaling Loess Plateau, Tajikistan / J.-P. Buylaert et al. // Quaternary Geochronology. – 2024. – Vol. 82. – <https://doi.org/10.1016/j.quageo.2024.101545>
20. Kulakova, E. P. et al. Stratigraphy and geochronology of the early Paleolithic site of Kuldara (Tajikistan) / E. P. Kulakova et al. // Geomorphology and Paleogeography. – 2024. – Vol. 55, № 2. – P. 234–255.
21. Ranov, V. A. The loessic Paleolith: a new term in Paleolithic terminology / V. A. Ranov // Current Research in the Pleistocene. – 1987. – Vol. 4. – P. 25–26.
22. Ronen, A. et al. The Lower Palaeolithic site Bizat Ruhama in the Northern Negev, Israel / A. Ronen, J.-M. Burdukiewicz, S. Laukhin et al. // Archäologisches Korrespondenzblatt. – Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 1998. – Bd. 28, H. 2. – S. 163–173.

КУЛЬДАРА – МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК НА ЮГО-ЗАПАДЕ ТАДЖИКИСТАНА

Статья посвящена известной древнейшей в Центральной Азии палеолитической стоянке Кульдара в Ховалинском районе. Приводится нижнепалеолитическая каменная индустрия раскопанных В.А. Рановым в 80-е годы прошлого века слоев в педокомплексах 11 и 12 и мустьерской стоянки. Освещены результаты геоархеологической экспедиции в рамках проекта ТНОСА в 2021–2024 гг., позволившие обнаружить артефакты в педокомплексах 10,6,5,4. По корреляции педокомплексов со стадиями изотопно-кислородной шкалы определен возраст археологического материала по каждому из указанных педокомплексов. Хронологический диапазон находок находится в пределах 950–38 тыс. лет назад. В результате проведенных новых исследований местонахождение Кульдара становится многослойным памятником «лѣссового палеолита», где, впервые для Центральной Азии, последовательно представлены разные группы каменных индустрий – микроиндустрия раннего палеолита, каратауской галечной нижнепалеолитической культуры и пластинчатой среднепалеолитической культуры.

Ключевые слова: *лѣссовый палеолит, стоянка, Кульдара, педокомплекс, каменная микроиндустрия, каратауская культура, галечная технология, пластинчатая индустрия.*

КҶҮЛДАРА – ЁДГОРИИ БИСЁРҚАБАТАИ ПАЛЕОЛИТӢ ДАР ҶАНУБУ ҶАРБИИ ТОҶИКИСТОН

Мақола ба бошишгоҳи машҳури палеолитӣ дар Осиёи Марказӣ Кӯлдараи ноҳияи Ховалинг баҳшида шудааст. Саноати сангии палеолити поёнӣ аз қабатҳои педокомплексҳои 11 ва 12-ум ва қабати мустерие, ки В.А. Ранов дар солҳои 80-уми асри гузашта ҳафриёт гузаронида буд, муаррифӣ шудааст. Натиҷаҳои экспедитсияи геоархеологӣ дар доираи лоиҳаи ТНОСА дар солҳои 2021-2024, ки барои кашф кардани артефактҳо дар педокомплексҳои 10,6,5,4 имкон додаст, таъкид шудаанд. Дар асоси таносуби педокомплексҳо бо марҳилаҳои ҷадвали изотопӣ-оксигенӣ синну соли ёфтаҳои бостоншиносӣ барои ҳар як педокомплексҳои зикршуда муайян шудааст. Давраи хронологии бозёфтҳо байни 950-38 ҳазор сол пеш мебошад. Дар натиҷаи таҳқиқотҳои нави бошишгоҳ Кӯлдара ба ёдгории чандиқабатаи «палеолити зардхокӣ» мубаддал мегардад, ки дар он ҷо аввалин бор дар Осиёи Марказӣ гурӯҳҳои гуногуни саноати сангӣ — микросаноати марҳилаи саршавии давраи аввали палеолит, маданияти палеолити поёнии Қаратоғ ва маданияти палеолити миёнаи мустерӣ пай дар пай нишон дода шудаанд.

Калидвожаҳо: *палеолити зардхокӣ, бошишгоҳ, Кӯлдара, педокомплекс, микросаноати сангӣ, маданияти Қаратоғ, технологияи зароганӣ, саноати мустерӣ.*

KULDARA - A MULTILAYERED PALEOLITHIC SITE IN THE SOUTHWEST OF TAJIKISTAN

This paper reports is devoted to the famous ancient Paleolithic site of Kuldara in the Khovaling district in Central Asia. The Lower Paleolithic stone industry of the layers excavated by V.A. Ranov in the 80s of the last century in pedocomplexes 11 and 12 and of the Mousterian site is presented. The results of the geoarchaeological expedition within the framework of the TNOCA project in 2021-2024 are highlighted, which made it possible to discover artifacts in pedocomplexes 10,6,5,4. The age of the archaeological material for each of the indicated pedocomplexes was determined by correlating the pedocomplexes with the stages of the oxygen isotope scale. The chronological range of the finds is within 950-38 thousand years ago. As a result of the new research, the Kuldara site becomes a multi-layered site of the «loess paleolithic», where, for the first time in Central Asia, different groups of stone industries are consistently presented - the microindustry of the Early Paleolithic, industry of the Karatau pebble culture of the Lower Paleolithic and the blade industry of the Middle Paleolithic culture.

Keywords: *loess Paleolithic, site, Kuldara, pedocomplex, stone microindustry, Karatau culture, pebble technology, blade industry.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Хучагелдиев Тура Урунович – ходими пешбари илмӣи шӯъбаи бостоншиносии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.Дониши АМИТ. Тел. (+992) 987596987. E-mail: turaurun59@mail.ru.

Information about the author: Khudjageldiev Tura Urunovith – research scientific of the Department of archaeology of the A.Donish Institute of history, archaeology and ethnography of National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel. (+992) 987-59-69-87. E-mail: turaurun59@mail.ru.

Сведения об авторе: Худжагелдиев Тура Урунович – научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Тел. (+992) 987-59-69-87. E-mail: turaurun59@mail.ru.

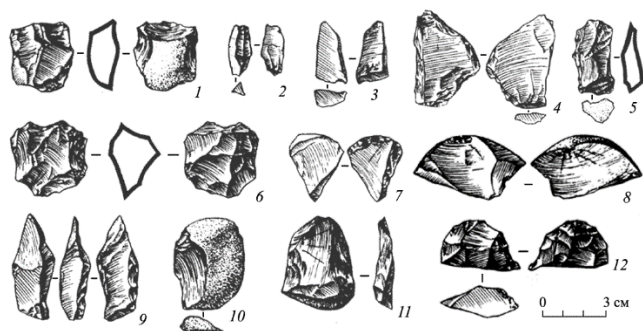

Рис. 1. Каменная микроиндустрия стоянки в педокомплексах 11 и 12 (по: Ранов и др., 1987)

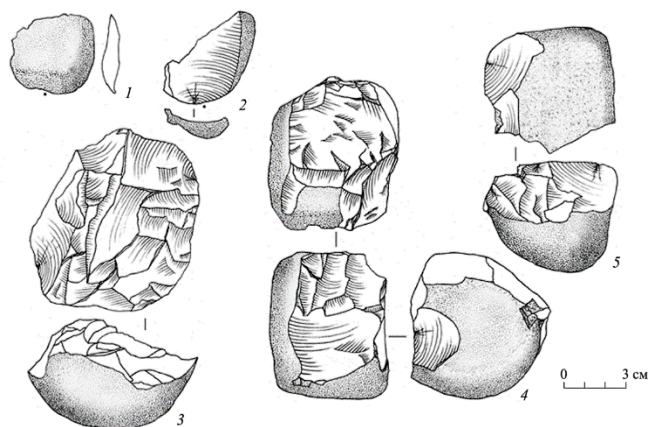

Рис. 2. Артефакты из ПК 10 (1), ПК 6 (2), ПК 5 (3) и ПК 4 (4,5)

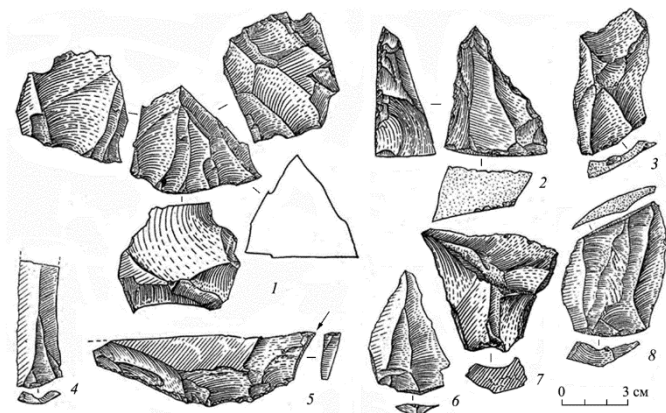

Рис. 3. Артефакты из мустьерского слоя (по: Ранов, Амосова, 1990)

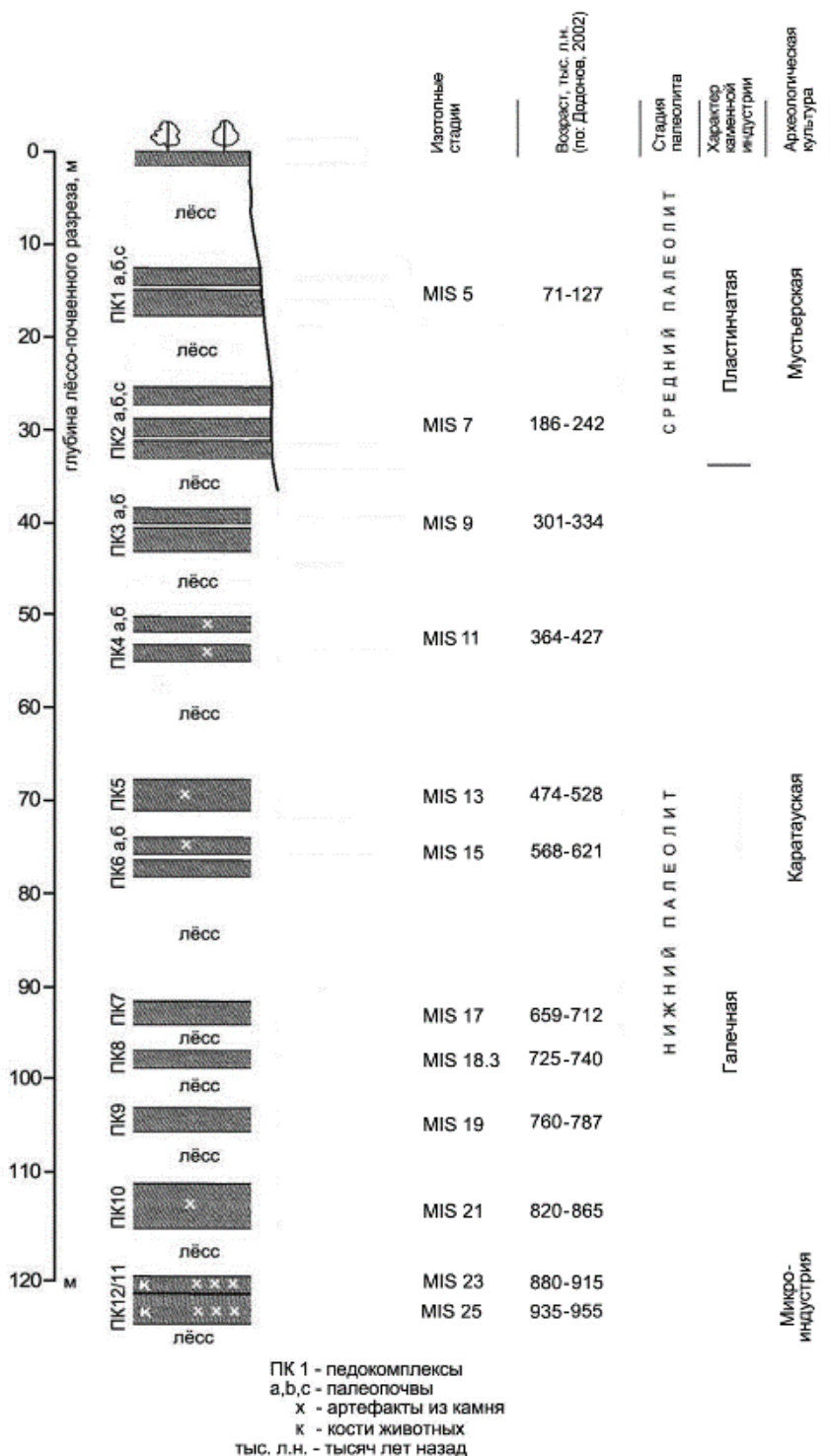

Рис. 4. Стратиграфия лёссово-почвенного разреза Кульдара

УДК: 904:739.27(575.3)"–04/07"

**ОБРАЗ ЖЕНСКОГО БОЖЕСТВА НА ЮВЕЛИРНЫХ
УКРАШЕНИЯХ БАКТРИИ - ТОХАРИСТАНА¹****КАЛАНДАРОВА О. И.,****Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша**

Культ женского божества – покровительницы всех природных сил, существовавший в нескольких ипостасей, оставался основополагающим у населения Бактрии-Тохаристана. Данный вопрос не раз привлекал к себе исследователей [9, 136; 7, 134; 5, 219; 11, 269]. Автор настоящей статьи предпринял попытку добавить некоторые данные позволяющие уточнить существующие представления о культе этого божества в Бактрии-Тохаристане.

В Средней Азии исторически сложилось особое отношение к этому образу, отобразившему особенности развития экономического уклада и культуры региона. Первыми подтверждениями почитания женского божества являются статуэтки, сделанные из камня, кости и глины. Древние женские фигурки хорошо знакомые, как «палеолитические Венеры», были лишены одежды и имели репродуктивные признаки. Географический ареал распространения фигурок охватывал широкую территорию Евразии; большое количество находок было открыто, на юге Туркменистана. Самые ранние, джейтунские фигурки эпохи неолита (V тыс. до н.э.), были выполнены схематично [4,25].

С формированием социальных отношений и культуры религиозное мировоззрение усложняется. Образ женского божества приобретает новые значения и функции, которые изображаются с помощью определенных символов. Иконографические фигурки божества на ювелирных украшениях воспроизводятся в разных позах и с «различными культовыми объектами» богини [9, 139].

В II в. до н. э. – I в. н. э. образ женского божества приобретает облик титулованной женщины. На латунном перстне из Тулхарского могильника, изображена стоящая женская фигура, обращенная вполборота влево (рис.1) Пряди волос на голове изображены прочерченными линиями. Правая рука вытянута вперед, в ней она держит венок, с которого свисают вниз две длинные ленты. Левая рука не прослеживается. Ниже, ближе к фигуре – две длинные вертикальные борозды, заканчивающиеся небольшими углублениями. В целом сочетание геометрических символов может быть интерпретировано как схематическая передача пальмовых веток [8, 56].

¹ Статья написана на основе проекта «История таджикского народа», раздел «Археология Таджикистана (от каменного века до позднего средневековья)», государственный регистрационный номер РБО121 ТЖ 1212.

К числу оригинальных творений древних ювелиров относится золотая подвеска из селения Хаит (Южный Таджикистан) VI-VII вв. Подвеска представляет женщину в одежде с длинными рукавами: торс её обхвачен ниже талии плащом, на груди два углубления, в которых были закреплены цветные камни (отсутствуют). Волосы уложены на затылке в пучок в виде шара с петлей, определяющий назначение этого предмета как подвески. Низ подвески – ноги и подол платья сломан. Три отверстия от вставных некогда камней есть на головном уборе, на подвесках, закрывающих уши – по два отверстия для мелких камешков, черты лица не сохранились. Однако, ювелир смог изобразить взгляд женщины, обращенный на предмет, который она удерживает в руке в виде двух цветков или пальметок, соединенных стерженьком: на последнем некогда был насажен камень (или несколько камней), возвышающийся, вероятно, над лепестками (рис.2) [9, 139].

Имя Ардвисуры Анахиты зафиксировано на золотых перстнях из Амударьинского клада [6, 37]. На щитках перстней, по предположению Е.Е. Кузьминой представлена богиня, чья иконография близка к тому, как изображалась Ардвисура Анахита [6, 38].

На наш взгляд перечисленные образы женских божеств можно, рассматривать в качестве Ардвисуры Анахиты – богини воды и плодородия. На это указывают некоторые атрибуты, которые отражены на ювелирных украшениях. Это касается формы прически. На изображениях женских божеств, боковые пряди прически образуют валик, который был завязан узлом на затылке. Прически такого типа, начиная с греко-бактрийского периода, встречаются только на изображениях богинь [10, 308]. Другой особенностью украшения Ардвисуры Анахиты была растительная символика, служившая атрибутами богини.

Культ Анахиты зародился ещё в глубокой древности, в эпоху бронзы, когда на территории Средней Азии развивается интенсивное орошаемое земледелие и соответственно появляется символика плодородия; впоследствии эта богиня вошла в авестийский пантеон.

Ардвисура Анахита популярный образ в древнем искусстве народов Средней Азии. Согласно зороастрийским источникам, Ардвисура Анахита правит всеми природными процессами и соединяет в себе функции богини плодородия в самом широком его понимании; она источник всего живого; благодаря ей произрастают растения, размножаются животные; от неё зависит продолжение рода человеческого.

В «Авесте» (Яшт.V) приведен текст о молитве богине вод и плодородия Ардвисуре Анахите:

Благая, освещает
 Она мужское семя
 И матерей утробу,
 Чтоб лёжа были роды.
 Обильно молоко (Яшт.V.2).

Из приведенного источника мы видим, что Ардвисура Анахита имеет непосредственное отношение к плодородию, так как именно она «выращивает семена всех мужей».

Есть ещё одно подтверждение в источнике, о том, что богиня Ардвисура Анахита покровительница плодородия:

Пусть девушки о муже
Тебя хорошем просят,
Хозяине и доме
Богатом и большом,
А женщины, рожая,
О легких родах просят –
Ты им, о Ардвисура,
Все это можешь дать (Яшт. V.87).

Из приведенного стиха, именно богиня Ардвисура Анахита подготавливает «родам материнское ложе всех жен» [1, 159].

Культ богини Ардвисуры Анахиты был популярным у населения Бактрии-Тохаристана, ювелирные украшения с её изображениями создавались в местных ювелирных мастерских.

Культ женского божества на ювелирных украшениях продолжает присутствовать и в более позднее время. Примером этому служит ювелирное искусство среднеазиатских народов в XIX-XX вв., на сюжетах которых сохраняется символическая трактовка женского начала как символа плодородия и чадородия; автохтонная традиция, заложенная ещё на заре цивилизации, существовавшая в доисламский период, успешно сохранилась почти до наших дней, не взирая ни на какие влияния. Так, на севере Таджикистана XIX- XX вв. встречались серьги «хайкали ойнадор» форма, которой напоминает женскую фигуру. Серьги состояли из двух пластинок разной формы, окаймленных рядом некрупной зерни; пластины были расположены вертикально одна под другой, внизу были добавлены небольшие подвески из бусин (рис.3) [12, 24].

Среди ювелирных украшений туркмен XIX-XX вв. встречается «асык» – женский серебряный сердцевидный кулон, форма которого связана с культом богини-матери, обычно размером с ладонь, которую носили на спине, между кос (рис.4) [2, 35]. По народным преданиям, «асык» играл роль амулета, защищал молодую женщину во время вынашивания ребенка. Его дарили, невесте на свадьбу как бы умножая, и защищая её репродуктивную функцию.

Внешний вид «асык» напоминает чем-то женскую фигурку с узким торсом и широкими бедрами, популярную в эпоху бронзы. Обязательным декором «асыка» вставка из сердолика в центре, как символа воспроизводства потомства, альтернатива циркульного орнамента эпохи бронзы [4,20]. Корни подобного орнамента надо искать в глубокой древности, то есть в эпоху бронзы, когда на территории Средней Азии развивается интенсивное орошаемое земледелие и соответственно появляется символика плодородия.

Височные серебряные подвески, которые носили туркменские женщины «адамлык» по внешнему виду похожи на стилизованную фигурку женщины [4, 21]. Внешняя сторона подвески декорирована двумя крупными вставками из сердолика по центру, накладными штампованными полосками. Верхняя часть украшена необычным орнаментом в виде арок. Нижнюю часть украшения завершали длинные подвески из многообразных круглых орнаментированных штампованных бляшек. А. Азизова полагает, что семантика украшений «асык» и «адамлык» связана с идеей плодородия [2, 67].

Отголоски культа женского божества сохранились в каракалпакском ювелирном искусстве XIX-XX вв. Бронзовое украшение «аншык» (матушка) принято считать атрибутикой древней богини плодородия. Украшение преподносили невесте на свадьбу, как амулет женщины готовящейся стать матерью. Изделие стилизовано передавало женскую фигурку и её лоно [3, 24].

Итак, проведенный анализ образа женского божества на ювелирных украшениях Бактрии-Тохаристана показал, что формирование этого сюжета имел длительный процесс, начало которому было положено еще в эпоху формирования двух типов хозяйства – земледелия и скотоводства.

Средняя Азия – это территория орошаемого земледелия, поэтому культ плодородия, который возник одновременно с орошаемым земледелием, имел огромное значение для населения региона как в эпоху бронзу, так и в период раннего средневековья. В течение длительного периода зороастризм был основной религией в Средней Азии. Культ плодородия играл большую роль в жизни древних иранцев, в том числе и таджиков, исповедовавших зороастризм. Обряды, обычаи и традиции переплетенные, с этим культом проникли, во все сферы жизни населения региона. Доказательно это прослеживается с образом женского божества на ювелирных украшениях Бактрии-Тохаристана сюжет, который имеет связь с культом плодородия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авеста в русских переводах (1861–1996) / ред., прим., справ. раздел И. В. Рака. – СПб.: Журнал «Нева», Летний Сад, 1998. – 480 с.
2. Азизова, Н. К. Ювелирные изделия Узбекистана / Н. К. Азизова. – Ташкент: Изд-во им. Г. Гулямова, 1968. – 123 с.
3. Алиева, З. Ритуальные ювелирные украшения каракалпаков XIX–XX вв. / З. Алиева // Санъат. – 2003. – № 2. – С. 34.
4. Аскарлов, А. А., Абдуллаев, Н. Б. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана) / А. А. Аскарлов, Н. Б. Абдуллаев. – Ташкент: Фан, 1983. – 245 с.
5. Горшунова, О. В. Идея двух начал в культе плодородия у народов Средней Азии / О. В. Горшунова // Среднеазиатский этнографический сборник: памяти В. Н. Баилова. – Вып. 4. – М., 2000. – С. 219–231.
6. Кузьмина, Е. Е. Перстни из Амударьинского клада / Е. Е. Кузьмина // Советская археология. – 1979. – № 1. – С. 35–46.
7. Майтдинова, Г. М. Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи / Г. М. Майтдинова. – Душанбе: Дониш, 1992. – 266 с.
8. Мандельштам, А. М. Кочевники на пути в Индию / А. М. Мандельштам // Материалы и исследования по археологии (МИА). – 1966. – Вып. 146. – 545 с.

9. Тревер, К. В. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан): к вопросу о кушанском пантеоне / К. В. Тревер // Культура и искусство античного мира и Востока: труды Гос. Эрмитажа. – Т. II. – Л.; М.: Искусство, 1958. – С. 130–146.
10. Трестер, М. Ю. Синкретические женские божества на ювелирных изделиях из Фанагории и Горгипии первых веков н. э. и некоторые наблюдения об иконографии Афродиты Урании на Боспоре / М. Ю. Трестер // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – Вып. 1(47). – С. 307–337.
11. Умарова, З. Х. Семантика и символика ювелирных украшений в таджикском costume / З. Х. Умарова // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. – Душанбе: Дониш, 2009. – С. 268–297.
12. Чвырь, Л. А. Таджикские ювелирные украшения / Л. А. Чвырь. – М.: ГРВЛ, 1977. – 144 с.

ОБРАЗ ЖЕНСКОГО БОЖЕСТВА НА ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЯХ БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА

В статье рассматриваются образы женского божества на ювелирных украшениях Бактрии-Тохаристана. Женские божества на протяжении многих веков занимали важнейшее место в древних мировоззрениях народов Средней Азии. Автор статьи на основе сравнительного анализа археологических, письменных источников и этнографических материалах предпринял попытку доказать, что образ женского божества на ювелирных украшениях Бактрии-Тохаристане был связан с культом Ардвисуры Анахиты. Культ Анахиты зародился ещё в глубокой древности, в эпоху бронзы, когда на территории Средней Азии развивается интенсивное орошаемое земледелие и соответственно появляется символика плодородия; впоследствии эта богиня вошла в авестийский пантеон. Культ плодородия играл большую роль в жизни древних иранцев, в том числе и таджиков, исповедовавших зороастризм. Обряды, обычаи и традиции, переплетенные с этим культом, проникли, во все сферы жизни населения региона.

Ключевые слова: женское божество, «Авеста», ювелирные украшения, Бактрия-Тохаристан, Ардвисура Анахита, культ плодородия.

СИМОИ ОЛИҶАИ ЗАН ДАР ЗАРГАРИИ БОХТАР-ТОХАРИСТОН

Дар мақола тасвирҳои худои зан дар ҷавохироти Бохтар-Тоҳаристон баррасӣ мешаванд. Худоеи зан дар тули асрҳо дар ҷаҳонбинии бостонии мардуми Осиёи Миёна ҷойгоҳи муҳим дошанд. Муаллифи мақола дар асоси таҳлили муқоисавии сарҷашмаҳои бостоншиносӣ, хатти ва маводҳои мардумшиносӣ кӯшиш кардааст исбот кунад, ки симои худои зан дар ҷавохироти Бохтар-Тоҳаристон бо парастии Арвисура Аноҳито алоқаманд аст. Парастии Аноҳито ҳанӯз дар аҳди қадим, дар асри биринҷ, замоне ки кишоварзии обёришаванда дар қаламрави Осиёи Миёна рушд мекунад, пайдо шудааст ва бар ин асос рамзи ҳосилхезӣ зоҳир мешавад; баъдтар ин олиҳа ба пантеони Авесто дохил гардид. Парастии борварӣ дар зиндагии эронӣни бостон,

аз чумла тоҷикон, ки зардуштияро эътироф мекарданд, нақши муҳиме ифода кард. Бо ин парастии маросимҳо, расму оинҳо ва анъанаҳо бо ҳам печида, ба тамоми соҳаҳои ҳаёти аҳолии минтақа нуфуз кардааст.

Калидвожаҳо: *олиҳаи зан, Авеста, ҷавоҳирот, Бохтар-Тоҳаристон, Анвисура Аноҳито, парастии борварӣ.*

IMAGE OF A FEMALE DEITY ON JEWELRY FROM BACTRIA-TOKHARISTAN

The article examines the image of a female deity on jewelry from Bactria-Tokharistan. For many centuries, the female deity occupied a key place in the ancient worldviews of the peoples of Central Asia. The author of the article, based on a comparative analysis of archaeological, written sources and ethnographic materials, attempted to prove that the image of a female deity on jewelry in Bactria-Tokharistan was associated with the cult of Ardisura Anahita. The cult of Anaxita originated in ancient times, in the Bronze Age, when intensive irrigated agriculture and prayerful fertility symbolism appeared in the territory of Central Asia. The cult of fertility played a major role in lives of ancient Iranians, including Tajiks who professed Zoroastrianism. Rituals, customs and traditions intertwined with cult have penetrated into all spheres of life of the region's population.

Key words: *female deity, Avesta, jewelry, Bactria-Tokharistan, Ardisura Anahita, fertility cult.*

Дар бораи муаллиф: **Қаландарова Олия Искандаровна** – номзади илмҳои таърих. Ходими калони илмии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А. Дониши АМИТ, тел.: +(992) 93-462-94-21, E-mail: lola-kalandar@bk.ru.

Сведения об авторе: **Каландарова Олия Искандаровна** – к.и.н. старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша. Тел.: +(992) 93-462-94-21, E mail: lola-kalandar@bk.ru.

Information about the author: **Kalandarova Oliya Iskandarovna** – candidate of historical, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. Dushanbe Rudaki street 33. Tel.+ (992) 93-462-94-21, E mail: lola-kalandar@bk.ru

БА ТАВАҚҚУҶИ МУАЛЛИФОН

Маҷаллаи «Муаррих» нашрияи илмӣ - назариявии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон буда, маводи соҳаи илмҳои таърихро дар бар мегирад ва тибқи «Қонун дар бораи матбуот ва воситаҳои ахбори омма» ба нашр омода мешавад.

ҲАДАФҶОИ МАҶАЛЛАИ ИЛМИИ ТАҚРИЗШАВАНДАИ «МУАРРИХ»

– инъикоси саривақтии натиҷаҳои фаъолияти таҳқиқотии олимони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳамчунин олимони мамолики хориҷии наздику дур, аз рӯи соҳаҳои зерини илм: таърихшиносӣ, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, сиккашиносӣ, таърихи илм ва техника, таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ, таърихи санъат, фарҳанг, фалсафа.

– инкишофи ҳамкориҳои байналхалқӣ дар соҳаҳои таърихшиносӣ, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ;

– ба муҳаққиқон фароҳам сохтани имкони нашри натиҷаҳои ҷустуҷӯӣҳои илмӣ;

– инъикоси масоили мубрам ва самтҳои ояндадори илмҳои таърихшиносӣ;

– ҷустуҷӯии донишҳои нав барои рушди иҷтимоии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва минтақаҳои он;

– тарғиби дастовардҳои фаъолияти илмию таҳқиқотии олимони институт, инчунин олимони донишгоҳҳои дигар ва муассисаҳои соҳаи илму маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон.

ШАРТҶОИ НАШРИ МАҚОЛА ДАР МАҶАЛЛАИ «МУАРРИХ»

– ҳайати таҳририяи маҷалла мақолаҳои илмӣ, тақризҳо, тавзеҳҳои илмӣ қаблан дар нашрияҳои чопию электронӣ нашрнашударо барои баррасию чоп қабул мекунад, ки ғояҳои илмӣ, натиҷаҳои дастовардҳои таҳқиқоти бунёдии назарӣ амалиро оид ба соҳаҳои дониш дар илми таърихшиносӣ дар бар гиранд;

– қарор дар бораи нашр ё радди чоп дар асоси муҳимият, навоарӣ ва аҳамияти илмӣ маводи пешниҳодгардида қабул карда мешавад;

– муаллифон (ҳаммуаллифон) масъулияти саҳеҳии иттилооти илмӣ пешниҳодгардида ва ҳамаи маълумотеро, ки мақола, тавзеҳ ва тақризҳоро дар бар мегиранд, ба зиммадоранд;

– ҳамаи маводи ба идораи маҷалла воридгардида ҳатман дар сомонии *antiplagiat.ru* мавриди тафтиш қарор мегиранд, сипас ҳайати таҳрир, муаллифон (ҳаммуаллифон)-ро дар бораи натиҷаи арзёбии дастнавис ва ба тақризи минбаъда қабул шудани мавод ё радди пешниҳоди он ба тақриз огоҳ мекунад;

– ҳамаи мақола, тавзеҳ ва тақризҳои ба идора омада дар сурати ҷавоби мусбат баъди тафтиш дар сомонии *antiplagiat.ru* бо мақсади арзёбии онҳо аз ҷониби мутахассисони пешбари соҳаҳои дахлдори илм ба тақризи дохилӣ ирсол мегарданд;

– мақолаҳои ба тақризи дохилӣ пешкашшуда бояд пурра тибқи талаботе, ки дар сомонии маҷалла: <https://istorik.tarena.tj/ru> зикр гардидаанд, таҳия карда шаванд;

– агар дар тақриз оид ба ислоҳу такмили мақола тавсияҳо пешниҳод шуда бошанд, ба муаллиф эроду мулоҳизаҳои муқарриз (бе сабти ному насаби ӯ) барои такмилу ислоҳи мавод ирсол мешавад;

– муаллиф маводи такмилдодаро ба идораи маҷалла мефиристад ва идора онро яққоя бо ҷавоби муаллиф тибқи ҳар моддаи эродҳо ба тақризи тақрорӣ мефиристад;

– ҳайати таҳририя ба таҳрири мақола бидуни тағйир додани муҳтавои илмӣ он ҳақ дорад. Хатоҳои имлоӣ ва услубиро мусахҳеҳ бидуни мувофиқа бо муаллиф (ҳаммуаллифон) ислоҳ мекунад. Дар мавридҳои зарурӣ ислоҳҳо бо муаллиф (ҳаммуаллифон) мувофиқа карда мешаванд;

– нусхаи барои такмил ба муаллиф (ҳаммуаллифон) фиристода бояд дар муҳлати муқарраргардида, баъди ворид сохтани ислоҳу тағйирот дар намудҳои электронӣ ва чопӣ бояд ба идора баргардонида шавад;

– мақолаҳое, ки ба чоп қабул нашудаанд, ба муаллиф (ҳаммуаллифон) баргардонида намешаванд. Дар мавриди радди чопи мавод идораи маҷалла ба муаллиф (ҳаммуаллифон) раддияи асоснок ирсол мекунад;

– тибқи дархости шуроҳои коршиносии КОА назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон идораи маҷалла ба онҳо тақризхоро пешниҳод мекунад.

**ТАЛАБОТ БА ТАҲИЯИ МАҚОЛАҲО
(ТАВЗЕҲҲО, ТАҚРИЗҲО), КИ БА МАҶАЛЛАИ ИЛМИЮ НАЗАРИЯВИИ
«МУАРРИХ» -И ИНСТИТУТИ ТАҲРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШИ АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ
ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН БАРОИ ЧОП ИРСОЛ МЕГАРДАНД:**

1. Барои ҷойгир кардан дар маҷалла мақола, тақриз ва тавзеҳҳои илмӣ тибқи ихтисосҳои илмӣ 5.6.1. Таърихи дохилӣ; 5.6.2. Таърихи умумӣ; 5.6.3. Бостоншиносӣ; 5.6.4. Этнология, антропология ва этнография; 5.6.5. Таърихнигорӣ, маъхазшиносӣ ва усулҳои таҳқиқоти таърихӣ; 5.6.6. Таърихи илм ва технология; 5.6.7. Таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ, ки қаблан дар ҳеч ҷой чоп нашудаанд, қабул мегарданд.

2. Муаллифон ба идораи маҷалла ҳатман бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод кунанд:

– матни мақола ба забонҳои русӣ ва англисӣ (ба таври имконият бо тарҷумаи русӣ) ё забони тоҷикӣ, ки дар мактуби роҳнамо бо имзои ректор (ноиб ректор) ё роҳбари муассиса ва ё ин ки ташкилот ба шакли чопии он муаллиф (ҳаммуаллифон) имзо гузоштаанд;

– тақризи доктор ё номзади илм, ки онро мудирӣ шуъбаи кадрҳои ҷойи қори муқарриз муҳр ва имзо гузоштааст;

– маълумотнома аз ҷойи таҳсил (барои аспирантҳою магистрантҳо);

– шакли чопии ҳуҷҷатҳо ба идора ба суроғи зерин ирсол мешавад: 734025, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33, Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, бинои асосӣ, ошёнаи 1, ҳуҷраи 21, телефон: (+992) 221-37-42.

– шакли электронии мақоларо ба почтаи электронии istorik.tarena.tj@yandex.ru ирсол намоед. Тел: (+992 37) 221-37-42; суроғи сомонӣ маҷалла: <https://istorik.tarena.tj/ru>

**ТИБҚИ ТАЛАБОТИ ҚОА НАЗДИ ПРЕЗИДЕНТИ ҶУМҲУРИИ
ТОҶИКИСТОН МАҚОЛА БОЯД УНСУРҲОИ ЗЕРИНРО ДАР БАР ГИРАД:**

- индекси УДК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);
- индекси ББК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);
- ному насаби пурраи муаллиф (ҳаммуаллифон) ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;
- унвони илмӣ, дараҷаи илмии муаллиф (ҳаммуаллифон), ном ва рамзи ихтисоси илмӣ (тибқи номгӯӣ), ки таҳқиқот тибқи он сурат мегирад, ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;
- аспирантон, унвонҷӯён, омӯзгорон, докторантҳо номи муассисаи илмиро (магистрантҳо самти тайёриро) ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикию русию англисӣ зикр мекунанд;
- зикри мансаб, ҷойи кор, шаҳру мамлакат ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикию русию англисӣ;
- e-mail ва телефони робитавии муаллиф ва ё ҳаммуаллифон барои тамос;
- номи мақола бо забонҳои тоҷикию русию англисӣ бо ҳарфҳои калон, ҳуруфи Times New Roman 14 ё Times New Roman Tj 14, тароз дар марказ);
- фишурда ба забонҳои русӣ ва англисӣ ҳуруфи Times New Roman 14, аз 100 то 250 вожа бо сабти мақсаду вазифаи таҳқиқ, баёни мухтасари кор ва хулосаҳои асосие, ки навоари илмии корро дар бар мегирад;
- калидвожаҳо ба забонҳои русию англисӣ оварда мешаванд, 5-7 калима ё ибора, ки ду ё се вожаро дарбар мегирад; ҳуруфи Times New Roman 14, тарҳаш - курсив, тароз дар бар, вожаҳо ё ибораҳои калидӣ бо вергул аз ҳам ҷудо карда мешаванд);
- мақола ҳатман бояд номгӯии адабиёти истифодашударо бо зикри танҳо сарчашмаҳои иқтибосгардида дар бар гирад. Рӯйхати адабиёт дар охири мақола бо назардодшти саҳифаи умумии сарчашмаи истифодашуда навишта мешавад. Ҳангоми навиштани рӯйхати мазкур тартиби ҳуруфи алифбо ва талаботи ГОСТ бояд ҳатман риоя карда шаванд;
- иқтибосҳо дар қавсайни квадратӣ бо қайди рақами адабиёт мутобиқи рӯйхати сарчашмаҳо ва саҳифаи он бояд ишора шаванд, масалан: [5, 25] ё [5, 25; 6, 77];
- Матни мақолаи пешниҳодшаванда нусхаи ниҳой маҳсуб шуда, бояд пурра аз назари таҳрир гузаронида шавад ва аз ғалат пурра орий (тоза) бошад.
- Мақолаҳое, ки ба идораи маҷалла бо нақзи талаботи мазкур ирсол мегарданд, мавриди баррасӣ қарор намегиранд.
- Масъулияти салоҳият, боэътимодии асноди муҳтавои мақолот ба зиммаи муаллифон ва муқарризон вогузор карда мешавад.

Идораи маҷалла

«Историк» – научно-теоретический журнал Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, который публикует материалы по историческим наукам в соответствии с законодательством Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

ЦЕЛЬЮ И ЗАДАЧАМИ НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ИСТОРИК» ЯВЛЯЮТСЯ:

– Оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья в следующих отраслях науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии;

– Развитие международного сотрудничества в сфере истории, археологии и этнографии;

– Предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;

– Освещение актуальных проблем и перспективных направлений исторических наук;

– Поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;

– Пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, а также исследователей других вузов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИК»:

– редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, рецензии, научные обзоры и отзывы, которые ранее не были опубликованы в печатных и электронных изданиях. Эти материалы должны содержать научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям исторической науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии.

– решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов.

– авторы (соавторы) несут полную ответственность за достоверность представленной научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях.

– все материалы, представленные в редакцию журнала, обязательно проходят проверку на сайте antiplagiat.ru. После этого редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о принятии материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования.

– поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии, в случае положительного решения после проверки на сайте antiplagiat.ru, направляются на внутреннее рецензирование с целью экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки.

– статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям на сайте журнала: <https://istorik.tarena.tj/ru>.

– Если рецензия содержит рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала.

– Доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний.

– редколлегия вправе редактировать статьи без изменения их научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами).

– вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде.

– статьи, не принятые к опубликованию, не возвращаются автору (авторам). В случае отказа от публикации материала, редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ.

– по запросу экспертных советов ВАК при Президенте Республики Таджикистан, редакция журнала предоставляет им рецензии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ (ОБЗОРОВ, ОТЗЫВОВ, РЕЦЕНЗИЙ), ПРИСЫЛАЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ИСТОРИК» ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. А. ДОНИША НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология,

антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 5.6.6. История науки и технологии; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

- текст статьи на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;

- рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;

- справку с места учёбы (для аспирантов и магистрантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, главный корпус, 1-этаж, кабинет 21. Электронные версии по адресу электронной почты: istorik.tarena.tj@yandex.ru Телефон для справок: (+992 37) 221-37-42; адрес сайта журнала: <https://istorik.tarena.tj/ru>

В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ВАК ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РТ, СТАТЬЯ ДОЛЖНА СОДЕРЖАТЬ:

- индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);

- индекс ББК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);

- фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;

- учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;

- аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение (магистранты - направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;

- указание на должность, место работы, город, страну на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;

- e-mail и номер телефона автора или соавторов для связи;

- название статьи на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman tj 14, выравнивание по центру);

- аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, выравнивание по ширине, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода работы и основных выводов, содержащих научную новизну);

– ключевые слова на русском и английском языках (5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание - курсив, выравнивание по ширине);

– статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.

– ссылки даются в скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.

Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Текст, присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются. За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

МУАРРИХ - маҷаллаи илмӣ - назариявӣ

Муассис: Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуқтаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ наояд.
Барои мазмуни мавод ва маълумоти саҳеҳ муаллифон масъуланд. Истинод ба сарчашма, муал-
лиф ва шумора ҳатмист.

Мусаҳҳеҳ: **Манзура ҲАСАНОВА**
Котиби масъул: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Мухаррири техникӣ: **Мухбирҷон КЕНҶАЕВ**

Ба матбаа 18.03.2025 сол таҳвил шуд. Ба чопаш 04.04.2025 имзо шуд.
Андозаи 70x100¹/₈. Коғази офсетӣ. Чопи офсетӣ. Чузби чопӣ 11.
Адади нашр 100 нусха. Супориш

Дар нашриёти ҚДММ «Ганчи хирад» ба таъб расидааст.
734025, шаҳри Душанбе, Бофанда 5/1. Тел: 227-71-01

ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС: 77771

ИСТОРИК - научно - теоретический журнал

Учредитель: Институт истории, археологии и этнографии
им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы. При полной
или частичной перепечатке или воспроизведения любым способом ссылка на источник обязательна.

Корректор: **Манзура ХАСАНОВА**
Ответственный секретарь: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Технический редактор: **Мухбирҷон КЕНДЖАЕВ**
Дизайн и верстка: **Турахуджаи ТОХИРЗОДА**

Сдано в типографию 18. 03. 2025 г. Подписано в печать 04.-04. 2025 г.
Формат 70x100¹/₈. Офсетная бумага. Офсетная печать. Печатный лист 11.
Тираж 100 экземпляров. Зака

Отпечатано в типографии ООО «Ганчи хирад»
734025, г. Душанбе, улица Бофанда 5/1. Тел: 227-71-01